

УДК 316.334.52

ББК 60.541.32

Б 382

Авторский коллектив:

доктор социол. наук Сергиенко А.М. (введение, гл. 1-3, пп. 5.1, 6.1-6.3, гл. 7-8, заключение); Анисимова М.М. (пп. 1.1-1.2, 2.2, 7.1, 7.4); Иванова О.А. (гл. 5); Перекаренкова Ю.А. (гл. 4); Рзаева С.В. (пп. 6.1, 6.4, 7.3); канд. социол. наук Решетникова С.А. (п. 7.2); канд. социол. наук Родионова Л.В. (п. 2.2, гл. 4, пп. 6.4, 8.2, заключение); Сергиенко Ю.В. (п. 6.2)

Научный редактор: доктор социологических наук, проф. А.М. Сергиенко

Рецензенты: доктор социологических наук, проф. А.Я. Троцкий;
доктор социологических наук, проф. С.Г. Максимова

Б 382 Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / под общ. ред. д.с.н. А.М. Сергиенко. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 330 с.
ISBN 978–5–93957–692–5

В монографии представлены результаты комплексного анализа проблем бедности сельских территорий в регионах аграрной специализации, рассмотренных на примере Алтайского края и Республики Алтай. Дается оценка масштабов, динамики и глубины бедности сельского населения, особенностей ее формирования и механизмов преодоления в 2000-х гг. и начале нового десятилетия. В фокусе исследования – не только материальное положение различных групп бедных, но и проблемы доступности различных социальных услуг, рабочих мест, нарушения прав на сельском рынке труда и другие лишения. Показана значимость не только государственной социально-экономической политики, но и сельского сообщества в решении проблем бедности.

Монография адресована научным работникам, преподавателям высших учебных заведений, аспирантам, студентам и магистрантам, чьи научные интересы связаны с изучением бедности, социологии села, региона, социальной политики. Результаты исследования могут представлять интерес для органов государственного и муниципального управления при формировании научной базы совершенствования системы управления социальным развитием села, для разработки соответствующих федеральных и региональных программ. Книга также адресована сельскому бизнес-сообществу и общественным организациям на селе, заинтересованным в повышении социального эффекта от их участия в социальной поддержке бедных.

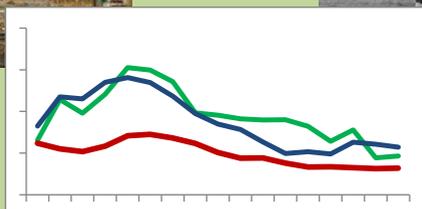
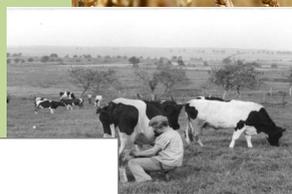
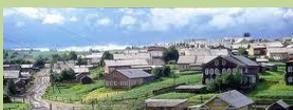
Коллективная монография подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Сельская бедность в России: современные тенденции, социальные механизмы формирования и преодоления» (№ 11-03-00667а). При реализации проекта использовались также средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 08 мая 2010 года № 300-рп (договор №001/К от 11.01.2011).

ISBN 978–5–93957–692–5

- © Коллектив авторов Алтайской лаборатории ИЭОПП СО РАН, 2014
- © Центр социально-экономических исследований и региональной политики, 2014
- © Оформление. Издательство «АЗБУКА», 2014

РАЗДЕЛ 2

**ПРОЦЕССЫ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В АГРАРНЫХ РЕГИОНАХ**

Глава 3. МАСШТАБЫ, ГЛУБИНА, ДИНАМИКА И ФОРМЫ СЕЛЬСКОЙ БЕДНОСТИ В РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНАХ

3.1. Динамика бедности и социального расслоения жителей России и регионов аграрной специализации

Неравномерность процесса сокращения бедности и особенности расслоения населения по доходам в отдельных регионах страны фокусирует внимание ученых и политиков на так называемые регионы-аутсайдеры, концентрация бедности в которых заметно выше среднего по стране показателя. К таким регионам могут быть отнесены регионы аграрной специализации, поскольку территориально бедность сконцентрирована в сельской местности, что не является российской особенностью, а скорее соответствует общемировым тенденциям социально-экономического развития. По данным статистики, распространенность бедности в российских селах в два раза выше, чем в городах. Так, еще в докризисный 2008 г. 41% малоимущих домохозяйств располагалось в сельской местности, тогда как удельный вес всех сельских домохозяйств составлял только 26,5% (для сравнения: бедность «поселилась» в 58,9% городских домохозяйствах, составляющих 73,5% всех российских домохозяйств). Такой же вывод получен нами по результатам опросов жителей сел Алтайского края и Республики Алтай¹.

В связи с этим мы поставили в своем исследовании следующие вопросы. Во-первых, каковы сложившиеся различия в масштабах бедности и дифференциации населения по доходам между аграрными регионами и страной в целом? Каковы особенности динамики рассматриваемых процессов данной группы регионов? Во-вторых, какие позиции по бедности и расслоению в группе аграрных регионов занимают представители сибирских регионов? Являются ли они в этом отношении типичными аграрными регионами страны? И можно ли считать сегодня бедность и социальное расслоение в аграрных регионах страны и Сибири социальным вызовом, даже реальной угрозой социальной безопасности российского общества?

Методические основы выделения аграрных регионов. Прежде чем приступить к анализу интересующих нас вопросов, определимся, какие именно российские регионы и по каким критериям можно отнести сегодня к регионам аграрной специализации, или короче, аграрным.

Возможны различные подходы к выделению группы регионов аграрной специализации. Так, Н.А. Чертов при определении критериев выделения агропромышленных регионов, занимающих промежуточное положение между аграрными и промышленными, использовал два ключевых показателя: удельный вес занятых в сельском хозяйстве и доля основных фондов сельского хо-

¹ Алтайское село: современные процессы и механизмы социального развития: монография / под ред. А.Я. Троцкого. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.

зяйства в общей стоимости основных фондов¹. В выделенных автором 10 агропромышленных регионах, куда из сибирских регионов вошел только Алтайский край, в 2001 г. удельный вес занятых в сельском хозяйстве был почти в два раза выше среднероссийского уровня, удельный вес сельского хозяйства в валовом региональном продукте – в три раза, а доля основных фондов этой отрасли в общей стоимости основных фондов – в два с лишним раза.

На наш взгляд, логично, что регионы аграрной специализации должны отличаться высокими долями сельского хозяйства в валовом региональном продукте (ВРП) и сельского населения в общей численности населения. Причем внимание ко второму показателю не случайно именно в связи с изучением проблем бедности и социального расслоения, касающихся не только занятого населения в сельском хозяйстве, но и всех сельских жителей. На основе анализа данных статистики во второй половине 2000-х гг. в качестве критериев выделения аграрных регионов нами определены:

– во-первых, доля сельского хозяйства в ВРП на уровне 20% и выше, что минимум в 2,5 раза выше среднего значения показателя по стране в рассматриваемый период (7–8%);

– во-вторых, доля сельского населения около трети и более в структуре всего населения при среднем показателе по России – 26,3% в 2010 г. (здесь и далее использованы данные Росстат и Территориального управления).

В этом случае в группу аграрных регионов попадают 19 субъектов Российской Федерации, отвечающих одновременно двум критериям. Среди них: по пять регионов Центрального (Белгородская, Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская области) и Северо-Кавказского федеральных округов (Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская Республики, Северная Осетия – Алания, Ставропольский край), по три региона Южного (Республики Адыгея и Калмыкия, Краснодарский край) и Приволжского округов (Республики Марий Эл и Мордовия, Пензенская область) два представителя Сибирского округа (Алтайский край и Республика Алтай) и один уральский регион (Курганская область) – табл. 3.1.

Кроме того, к регионам аграрной специализации мы отнесли еще Саратовскую область с долей сельского населения на уровне среднего значения по стране, но заметно превышающую 20%-ный удельный вес сельского хозяйства в ВРП. И несмотря на высокую представленность сельских жителей в структуре населения в целом (даже более 40%), значительная часть регионов не отнесена нами к аграрным из-за несоответствия первому критерию. Таковыми являются в первую очередь национальные республики, в том числе регионы Северного Кавказа (Республика Ингушетия и Чеченская Республика, более 60% сельчан), Чувашская Республика, Республики Бурятия и Тыва. Причем многие из этих сельских регионов еще в недавнем прошлом имели сравнительно высокую долю сельского хозяйства в отраслевой структуре экономики, но в последние годы потеряли свои позиции в данном отношении.

¹ Чертов Н.А. Стратегия самодостаточного развития агропромышленного региона: монография. – Новосибирск: Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 2003. С. 73-74.

Таблица 3.1

Основные характеристики аграрных регионов России

Регионы	Удельный вес сельского населения в общей численности населения (по данным переписи населения в 2010 г.), %	Доля сельского хозяйства в ВРП, %	
		2005 г.	2009 г.
Российская Федерация	26,3	7,7	7,8
Центральный федеральный округ	18,7	4,7	4,9
Белгородская область	33,9	22,6	29,4
Воронежская область	36,3	23,7	24,9
Курская область	34,8	25,3	25,7
Орловская область	34,5	27,7	27,5
Тамбовская область	41,3	29,0	28,0
Южный федеральный округ	37,6	22,2	19,3
Республика Адыгея	49,0	24,8	25,8
Республика Калмыкия	55,9	45,9	43,1
Краснодарский край	47,1	26,0	20,4
Северо-Кавказский федеральный округ	50,9	29,6	22,2
Республика Дагестан	54,7	27,9	17,2
Кабардино-Балкарская Республика	45,5	36,9	30,9
Карачаево-Черкесская Республика	57,7	39,7	38,2
Республика Северная Осетия – Алания	36,2	24,5	23,3
Ставропольский край	42,8	30,4	24,4
Приволжский федеральный округ	29,2	12,7	12,9
Республика Марий Эл	36,9	30,4	26,8
Республика Мордовия	39,6	36,3	34,0
Пензенская область	32,9	21,1	21,1
Саратовская область	25,5	20,4	19,6
Уральский федеральный округ	20,1	3,2	4,1
Курганская область	39,7	21,9	23,2
Сибирский федеральный округ	28,0	10,3	10,9
Республика Алтай	72,4	34,7	27,4
Алтайский край	45,3	29,4	28,6

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Среди сибирских регионов явными лидерами аграрной направленности в экономике являются только Алтайский край и Республика Алтай. В 2005–2010 гг. доля сельского хозяйства в ВРП колебалась в Алтайском крае в пределах от 25,5 до 30% (27,8% в 2010 г.), в Республике Алтай – от 26,1 до 34,7% (29,5% в 2010 г.). По данным переписи населения в 2010 г. в этих регионах соответственно проживало 45,3 и 72,4% сельских жителей.

Бедность и социальные различия по доходам: особенности аграрных регионов. В 1990-х гг. рост бедности населения (с доходами ниже про-

житочного минимума) наблюдался в России и всех ее регионах, однако динамика бедности в аграрных регионах была более неблагоприятной. Как следствие, в 2000 г. уровень бедности в последних превышал средний по России в 1,7 раза (48,1% против 29% по РФ) – рис. 3.1–3.2. 2000-е гг. ознаменовались в России устойчивым сокращением бедности до 12,6% в 2010 г. (в 2,3 раза), и даже глобальный экономический кризис не повлиял на этот позитивный тренд. Лишь первый год нового десятилетия слегка поколебал устойчивость этой тенденции: 12,7% в 2011 г.

За прошедшее десятилетие масштабы бедности сокращались в аграрных регионах большими темпами в сравнении с остальными субъектами Федерации и страной в целом. Уже в 2005 г. разница по рассматриваемому показателю между Россией и ее аграрными регионами сократилась до 1,4 раз в «пользу» последних (25,2% против 17,7) – см. рис. 3.1. А в 2010 г. уровень бедности в аграрных регионах страны составил 16,1% против 12,6% по России, что соответствует различиям менее чем в 1,3 раза. Лишь в двух (Белгородской и Курской областях) из 20 регионов уровень бедности был ниже среднероссийского, в 2011 г. к ним добавились Тамбовская область и Республика Дагестан.

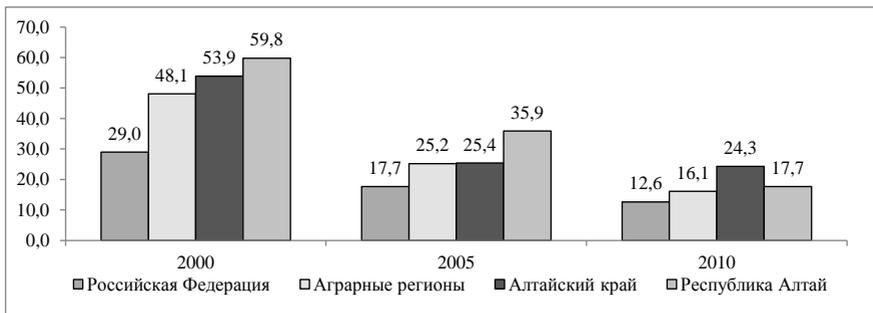

Рис. 3.1. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в России, аграрных регионах страны, Алтайском крае и Республике Алтай в 2000, 2005 и 2010 гг., %

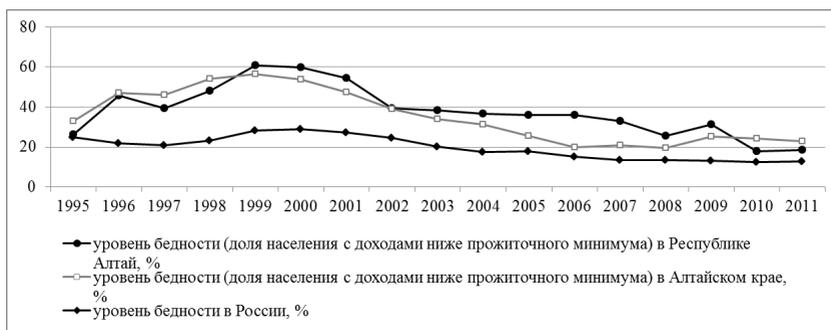
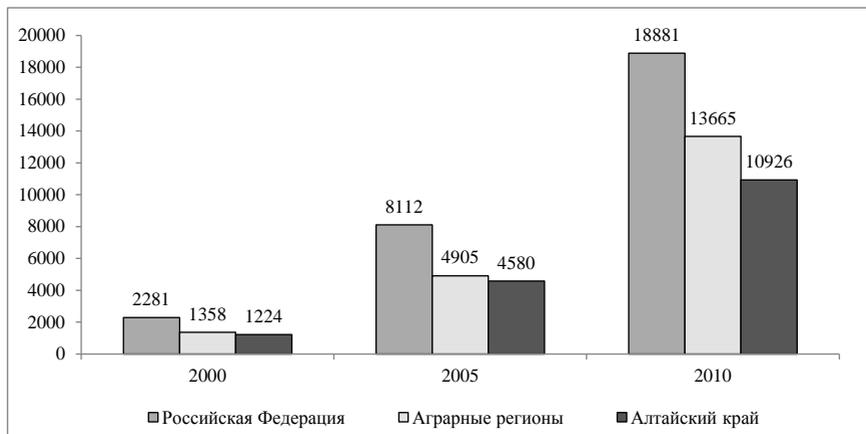

Рис. 3.2. Динамика бедности в России, Алтайском крае и Республике Алтай в 1995–2011 гг.

Такое сокращение связано со многими факторами, в том числе со значительным улучшением общей ситуации в стране в годы экономического роста, а также приоритетностью социально-экономического развития сельских территорий в российской государственной политике (нацпроект «Развитие АПК», государственные программы поддержки развития села и сельского хозяйства и др.), что неизбежно отразилось на доходах и уровне жизни населения сельских территорий, а, следовательно, и аграрных регионов (рис. 3.3.)¹.

Источник: данные Росстата.

Рис. 3.3. Среднедушевые доходы населения в России, аграрных регионах и Алтайском крае в 2000, 2005 и 2010 гг., руб. в месяц

В 1990-х гг. доходы жителей аграрных регионов находились на уровне значительно ниже доходов всех россиян и этот разрыв постепенно увеличивался. В прошедшем десятилетии этот тренд сменился на противоположный: если в 2000 г. уровень среднедушевых доходов населения аграрных регионов составлял менее 60% от российского, то в 2010 г. это разрыв сократился до 72,4% (13,7 тыс. руб. против 18,9 тыс. в стране), причем основной вклад в сокращение различий внесен второй половиной десятилетия. Разница в доходах жителей аграрных регионов и Москвы как региона страны с самыми высокими доходами населения в 2010 г. составляла 3,2 раза, а самой низкодоходной Республики Калмыкия с той же Москвой – более 5 раз. (Для сравнения: в развитых странах территориальные различия по доходам населения не превышают и двух раз.)

¹ Алтайское село: современные процессы и механизмы социального развития: монография / под ред. А.Я. Троцкого. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.

Проведенный нами корреляционный анализ уровня бедности и доли сельского хозяйства в ВРП по выделенной группе аграрных регионов России на данных второй половины 2000-х гг. показал наличие существенной взаимозависимости этих двух показателей (0,6–0,7 до 2008 г. и 0,5 в 2009 г.). Это свидетельствует о том, что аграрная специализация регионов не является выигрышной для социального положения его населения, и подтверждает результаты ранее проведенных исследований как российских, так и зарубежных ученых. Однако влияние социально-экономической политики, направленной на поддержку села, способно изменить данную ситуацию для села в лучшую сторону, что и происходило в нашей стране в последнее время.

Вместе с ростом бедности в 1990-х гг. в России и ее регионах наблюдались процессы социальной поляризации общества по доходам, вызванной формированием рыночной экономики и спецификой приватизационных процессов в стране. На первом этапе реформ (1992–1994 гг.) значения коэффициента фондов (соотношение денежных доходов 10% наиболее и такой же доли наименее обеспеченного населения) и коэффициента Джини (индекса концентрации доходов, отражающего степень неравномерности распределения доходов по отдельным социальным группам) увеличились в 2–3 раза и достигли максимального значения – 15 раз и 0,409 соответственно (для сравнения: в 1991 г. – 4,5 раза и 0,260) – рис. 3.4–3.5. После этапа массовой приватизации, с 1995 по 2000 гг., рост бедности россиян происходил уже на фоне некоторого сокращения социального расслоения и последующей стабилизации различий денежных доходов россиян: коэффициента фондов – на отметке 14 раз, коэффициента Джини – на уровне 0,40 (см. рис. 3.4–3.5).

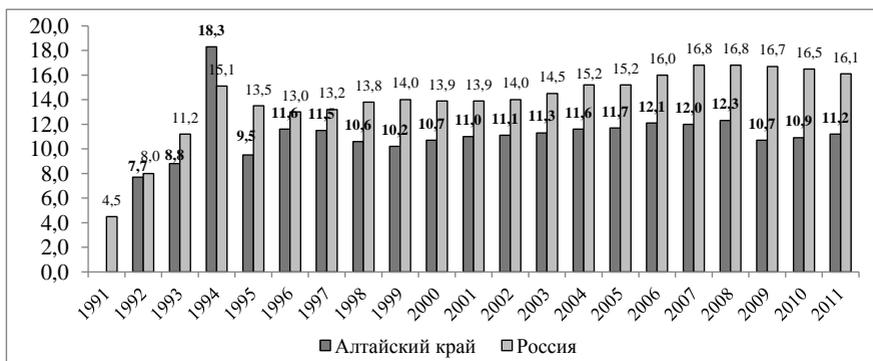

Рис. 3.4. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (коэффициент фондов) в России и Алтайском крае в 1991–2011 гг., в разгах

В 2000-х гг. сокращение бедности в стране не сопровождалось уменьшением социальных различий по доходам. Благоприятные годы экономического роста не остановили процесс такого расслоения, а только придали ему характер устойчивой тенденции, в результате чего в 2007 г. показатели диф-

ференциации по доходам населения достигли своего максимума (коэффициент фондов – 16,8 раза и коэффициент Джини – 0,423). И лишь в годы глобального экономического кризиса удалось немного переломить растущую дифференциацию (16,1 и 0,416 в 2011 г.).

Рис. 3.5. Динамика концентрации доходов населения (коэффициент Джини) в России и Алтайском крае в 1992–2011 гг.

Вместе с тем процессы расслоения в аграрных регионах отставали от аналогичных в стране. И в 2010 г. коэффициент фондов в таких регионах составил 12,9 против 16,5 раза по России и 28 раз в Москве (самом поляризованном субъекте Федерации), коэффициент Джини – 39 против 42% по стране и 50,5% в Москве. (Для сравнения: показатели социального расслоения в большинстве развитых стран заметно ниже: 25–35%.)

Сибирские регионы аграрной специализации на фоне страны и других аграрных регионов. В Алтайском крае и Республике Алтай максимальная величина уровня бедности зафиксирована статистикой на пороге нового тысячелетия, когда более половины всего населения получали доходы ниже прожиточного минимума, т.е. находились за чертой бедности: 54–57% в Алтайском крае и 60–61% в Республике Алтай в 1999–2000 гг. – см. рис. 3.2. За 1993–2000 гг. рост доли бедного населения в общей его численности в Алтайском крае составил 2,4 раза, в Республике Алтай – более 4 раз. Причем если в первой половине 1990-х гг. масштабы бедности в рассматриваемых регионах несущественно отличались от среднероссийского уровня, то во второй половине прошедшего десятилетия опережение двух сибирских регионов по этому показателю составляло 2–2,2 раза.

За годы экономического роста (2000–2008 гг.) уровень бедности в Алтайском крае сократился в 2,9 раза, в Республике Алтай – в 2,4 раза. В 2008 г. 19,6% жителей Алтайского края находились за чертой бедности, что было благоприятнее ситуации первых лет реформирования; причем разрыв с российским уровнем составлял 1,5 раза (меньше было только в 2006 г. – 1,3 раза). В Республике Алтай уже только каждый четвертый ее житель относился к бедным (точнее 25,7%), что превышало масштабы общероссийской бедно-

сти менее чем в два раза. Экономический кризис лишь на один год «слонал» «позитивную» тенденцию: в 2009 г. уровень бедности в Алтайском крае вырос на 29%, достигнув 25,4%, что соответствовало уровню 2005 г. В Республике Алтай масштабы бедности выросли не столь значительно, даже не превысив уровень 2007 г. (31,1%). Но уже за 2010-2011 гг. бедность уменьшилась до 22,9% в крае и особенно значительно в Республике Алтай, достигнув масштабов первой половины 1990-х (17,7 и 18,6%, соответственно).

Таким образом, *масштабы бедности в двух сибирских регионах в конце 2000-х были выше, чем в среднем в аграрных регионах России, а в Алтайском крае – в полтора раза выше* (см. рис. 3.1-3.2). Край значительно «уступал» по данному показателю лишь Республике Калмыкии, где 37,3% населения имели доходы ниже прожиточного минимума в 2010 г. В начале нового десятилетия хуже краевой ситуация была еще и в трех аграрных республиках Северного Кавказа и в Республике Марий Эл. Подавляющее большинство аграрных регионов имеет в настоящее время более низкий уровень бедности, разница с наиболее благополучными аграрными регионами (Белгородской и Курской областями, Республикой Дагестан) достигает почти 2,5-3 раза, здесь бедность ниже или чуть выше 10%. В этом отношении ситуация в другом рассматриваемом сибирском регионе – Республике Алтай оказалась намного благоприятней: превышение средних показателей бедности в аграрных регионах в наиболее благоприятный для Республики 2010 г. составляло чуть менее 10%, тогда как 5 лет назад достигало почти полутора раз (см. рис. 3.1-3.2).

За изменением позиций в рейтинге «бедных» регионов стоят прежде всего экономические причины, приведшие к сдвигам в динамике доходов населения. Аутсайдерские позиции Алтайского края в этом отношении ярко проявляются как на фоне страны, так и аграрных регионов. В 2010 г. уровень среднедушевых доходов жителей края достигал только 57,9% от значения аналогичного показателя по России и 80% – от средней по аграрным регионам. За прошедшие десять лет при незначительном сокращении разрыва со страной (53,7% в 2000 г.), заметно ухудшились позиции среди аграрных регионов (на 10 п.п.). Только кризисный период «опустил» край на три позиции: до 14 места среди 20 рассматриваемых нами регионов аграрной специализации в 2008 г. В 2010 г. среднедушевые денежные доходы жителей Алтайского края составили 10,9 тыс. руб. в месяц, и по данному показателю край занимал уже 17 место, хуже положение было только у жителей Республики Калмыкия, Марий Эл и Карачаево-Черкесской. Начало нового десятилетия не принесло изменений в позициях края среди аграрных регионов: в 2011 г. доходы населения составили 12,5 тыс. руб., что в 1,7 раза ниже среднероссийского уровня. На фоне сибирских регионов у Алтайского края – наиболее низкое значение этого показателя наряду с Республикой Тыва. Республика Алтай, напротив, отличалась более значительным приростом среднедушевых денежных доходов ее жителей, даже в сравнении с аграрными регионами, особенно во второй половине 2000-х гг., что почти привело к

нивелированию их различий по рассматриваемому показателю (тогда как в первой половине прошедшего десятилетия разница превышала 10%).

Процесс дифференциации по доходам в сибирских аграрных регионах, как и в стране в целом, особенно активно протекал в первой половине 1990-х. Так, в Алтайском крае динамика коэффициента фондов показывает, что его наибольшее значение в этот период наблюдалось в 1994 г. – 18,3 раза, это заметно выше российского уровня – 15,1 раза (для сравнения: в 1991 г. – 4,5) – см. рис. 3.4. С 1995 г. значение рассматриваемого показателя сокращалось и стабилизировалось на уровне 10–11 раз. Период экономического роста 2000-х гг. свидетельствует о постепенном возрастании различий денежных доходов крайних децильных групп (в Алтайском крае: с 10,7 в 2000 г. до 12,3 раза в 2008 г.), но под влиянием кризиса коэффициент фондов вернулся на прежние позиции. И в 2010 г. разница в социальном расслоении по доходам между Алтайским краем и Россией составила уже более полутора раз («в пользу» страны), а между краем и аграрными регионами – 18 п.п. (с «преимуществом» последних) – см. рис. 3.5. и табл. 3.2.

Таблица 3.2

Показатели социального расслоения в России, аграрных регионах и Алтайском крае в 2010 г.

	Россия	Аграрные регионы	Алтайский край
Коэффициент фондов, раз	16,5	12,9	10,9
Коэффициент Джини	0,42	0,39	0,36

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Динамика коэффициента Джини за два десятилетия в Алтайском крае соответствует обозначенным выше тенденциям коэффициента фондов. Максимальное значение данного коэффициента отмечено также в 1994 г. (43,3%) – см. рис. 3.5. С 1995 г. в отличие от России в регионе оно не превышало 40%. Рост значения данного показателя в 2000-х завершился в 2008 г. на отметке 38%, что было на 11 п.п. ниже российского уровня. Кризисный 2009 г. также развернул кривую динамики коэффициента Джини вниз до уровня 2000 г. (35,9%), а 2010 г. вернул тенденцию к социальному расслоению в пять (36,2%).

Республика Алтай отличалась более «мягкими» контрастами в распределении доходов населения. По коэффициенту фондов различия достигали только 8 раз к началу 2000-х, лишь в 2008 г. превысили десятикратную разницу (11 раз). И в конце десятилетия величина этого показателя составила уже 11,7 раза, коэффициент Джини составил 37,2%. Начало нового десятилетия отличается сближением значений показателей расслоения по доходам населения в Алтайском крае и Республике Алтай: 11,3 и 11,5 раза – по коэффициенту фондов и 36,8 и 36,9% – по коэффициенту Джини.

Итак, анализ особенностей процессов бедности и социального расслоения по доходам в России и аграрных регионах показал следующее. Во-первых, в 2000-х гг. сокращение масштабов бедности в аграрных регионах страны происходило более высокими темпами в сравнении с остальными субъектами федерации и страной в целом. И к концу десятилетия различия в масштабах бедности между аграрными регионами и страной уже не превышали 1,3 раз. Тем не менее, в стране по-прежнему действует социально-экономический механизм воспроизводства бедности в аграрных регионах, сохранилась зависимость масштабов бедности и аграрной специализации, хотя ее сила заметно ослабла в условиях экономического роста и повышенного внимания государственной политики к социально-экономическому развитию сельских территорий со второй половины прошедшего десятилетия. На фоне устойчивого роста социальных различий по доходам населения в стране процессы расслоения в аграрных регионах были заметно слабее, и это отставание по коэффициенту фондов достигло 1,3 раза.

Во-вторых, по процессам бедности и социальной дифференциации сибирские регионы аграрной специализации не соответствуют средним трендам аграрных регионов России, имеют разнонаправленные тенденции. Так, Алтайский край отличался более интенсивным сокращением масштабов и глубины бедности в сравнении со страной, но отставанием от аграрных регионов в решении этой проблемы. Бедность в Алтайском крае в полтора раза масштабнее среднего уровня аграрных регионов России (бедным является почти каждый четвертый житель), а социальные различия по доходам здесь существенно меньше. Республика Алтай специфична более интенсивным сближением с показателями аграрных регионов при более значительных масштабах бедности в начале прошедшего десятилетия.

Несмотря на позитивные социально-экономические изменения в 2000-х гг., бедность и социальное расслоение в аграрных регионах по-прежнему являются социальными вызовами, внимание к которым со стороны государственной социально-экономической политики не должно ослабевать, что объясняется, в частности, потенциальной возможностью формирования угрозы продовольственной безопасности страны в условиях ВТО. Анализ изменения социальных позиций Алтайского края и Республики Алтай на фоне аграрных регионов страны за последние десять лет показал, что аграрная специализация не является в настоящее время серьезным оправданием низкого социального положения его жителей со стороны политиков, ведущим фактором его формирования. «Лидерство» Алтайского края в бедности и его «падение» на нижние позиции в рейтинге доходов населения не только страны, но и аграрных регионов, особенно в последние годы, позволяют сделать вывод о сохранении реальной угрозы устойчивому социальному развитию, связанной с качественными негативными изменениями социальной структуры, ухудшением социально-воспроизводственных процессов в сельской местности и регионе в целом.

3.2. Масштабы и глубина бедности сельского населения

Бедность сконцентрирована в большей мере в сельской местности. Так, по данным статистики, в 2008 г. 41% бедных россиян (точнее, малоимущих домохозяйств) проживало в сельской местности, тогда как удельный вес всех сельских домохозяйств составлял только 26,5% (для сравнения: бедность «поселилась» в 58,9% городских домохозяйствах, составляющих 73,5% всех российских домохозяйств). Таким образом, *распространенность бедности в российских селах в два раза выше, чем в городах.*

Согласно методике исследования для комплексной оценки масштабов и глубины сельской бедности в работе использовано пять подходов на основе: 1) оценки сельским населением материального положения своей семьи; 2) оценки сельскими жителями среднего уровня совокупных (денежных и натуральных) доходов на члена семьи; 3) сравнительной оценки сельскими жителями своей материальной обеспеченности на фоне населения страны; 4) оценки сельским населением уровня лишений, возможностей для удовлетворения насущных потребностей; 5) экспертных оценок обездоленности, абсолютной и относительной бедности по характеристикам доходов, материального потребления семьи и лишений. Рассмотрим результаты исследования в соответствии с применением всех пяти подходов.

Материальное положение семьи. Среди респондентов выделены три категории бедных, различающихся глубиной бедности: 1) сельские жители, которые считают, что им *«денег иногда не хватает даже на питание»* (обездоленные) – 13,2%; 2) средняя группа бедных, которым *«хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет»* (бедные) – 39,6%; 3) те, кому *«денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т.п.) является проблемой»* (относительно бедные) – 47,2%. Как видим, распространенность второй и третьей групп бедных заметно выше, чем первой: в 3 и 3,6 раза соответственно.

Эксперты имеют кардинально различающее представление о масштабах уровня сельской бедности по материальному положению семьи (табл. 3.3). **Оценка доли крайне бедных (обездоленных) на селе по материальному положению семьи** (тех, кому средств хватает только на питание, или чьи семьи практически голодают) колеблется от 1 до 50%, среднее значение **почти равно 15%**. Причем муниципальные руководители дали существенно меньшую оценку в сравнении с представителями общественных организаций: 13,7 против 18,8%.

По мнению экспертов, **30% селян средств хватает на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет.** Эти жители **образуют среднюю группу по бедности.** Самую многочисленную группу **относительно бедных (41,9%)** образуют те, кому *денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного*

пользования (телевизора, холодильника и т.п.) является проблемой. Здесь оценки руководителей общественных организаций по-прежнему выше (46,3% против 40,6). В совокупности же все три группы сельских бедных, различающихся уровнем неблагополучия в материальном положении семьи, составляют по оценкам экспертов почти 87%.

Таблица 3.3

Оценка уровня бедности экспертами – руководителями органов местного самоуправления (ОМСУ) и общественных организаций (ОО), % (опрос 2011 г.)

	Всего	Руководители ОМСУ	Руководи- тели ОО
Тех, кому средств хватает только на питание или тех, чьи семьи практически голодают	14,9	13,7	18,8
Тех, кому средств хватает на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет	30,0	30,0	...
Тех, кому денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т.п.) является для нас проблемой	41,9	40,6	46,3
Тех, чьи совокупные (денежные и натуральные) доходы ниже прожиточного минимума	39,8	39,2	41,9
Тех, чье материальное положение ниже среднего уровня на селе	35,8	33,5	43,3

Наблюдаются значимые различия в глубине бедности по возрасту респондента (коэффициент сопряженности выше 0,2, коэффициент Крамера равен 0,15), региону проживания (коэффициент сопряженности равен 0,17, коэффициент Крамера – 0,18) и урбанизированности района (коэффициент сопряженности равен 0,12, коэффициент Крамера – 0,17). И не обнаружено таких различий по полу и людности поселения.

Наблюдаются значимые различия по глубине бедности по возрасту респондента (коэффициент сопряженности выше 0,2, коэффициент Крамера равен 0,15), региону проживания (коэффициент сопряженности равен 0,17, коэффициент Крамера – 0,18), урбанизированности района (коэффициент сопряженности равен 0,12, коэффициент Крамера – 0,17) и людности поселения (коэффициент сопряженности равен 0,1, коэффициент Крамера – 0,15) (табл. 3.1). Значительной зависимости глубины бедности от пола респондента не выявлено (рис. 3.6).

Тем не менее *глубина бедности среди мужчин несколько ниже, чем среди женщин*: чуть меньше удельные веса обездоленных (13% против 13,4) и представителей средней группы (39,4% против 39,8) и соответственно выше доля относительно бедных (22% против 25,2).

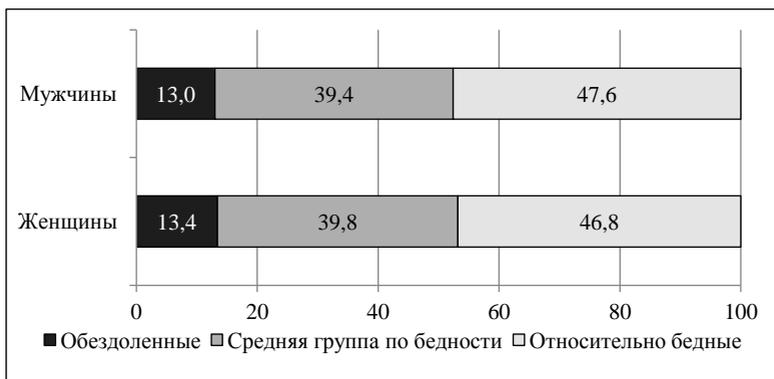

Рис. 3.6. Структура материального положения семей сельских бедных по гендерным группам, %

Наиболее высок уровень обездоленности среди представителей среднего и старшего трудоспособного возраста (17,1%), которые традиционно являются наиболее экономически активной группой и наиболее низок – среди молодежи (5,6%), пенсионеры занимают среднюю позицию (12%) – рис. 3.7. Среди молодежи в полтора раза меньше, чем среди представителей двух более старших возрастных групп, тех, которым «хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет»: 29% против 41,8 и 43,7%. Соответственно, **наиболее благополучная группа бедных в большей степени представлена среди молодежи,** их также в полтора раза больше, чем представителей двух более старших возрастных групп: 65,4 против 41 и 44,4%.

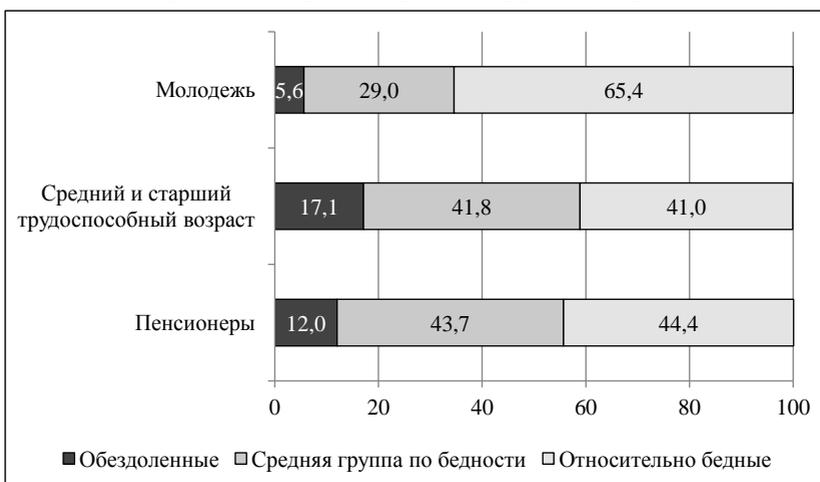

Рис. 3.7. Структура материального положения семей сельских бедных по возрастным группам, %

Как уже отмечалось, значимую роль в формировании бедности играют и территориальные характеристики. Так, *глубже укоренилась бедность в Республике Алтай* (рис. 3.8). Среди респондентов – жителей Республики Алтай чаще, чем среди жителей Алтайского края, встречаются обездоленные (20% против 12,3%) и средняя группа бедных (56,7% против 37,3), а в Алтайском крае – относительно бедные (50,5% против 23,3%).

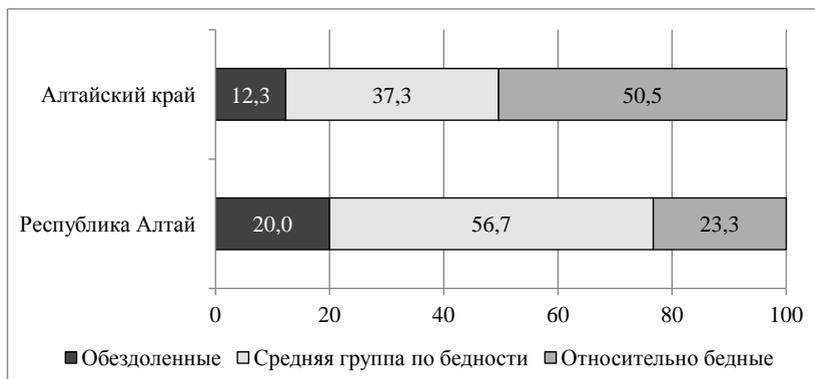

Рис. 3.8. Материальное положение семей сельских бедных по регионам, %

В урбанизированных районах в два раза больше обездоленных, в 1,3-1,4 раза чаще встречаются представители средней группы бедных и, напротив, почти в два раза меньше относительно бедных (рис. 3.9). Между слабоурбанизированными и урбанизированными существенных различий не обнаружено, однако более благополучные бедные чуть больше представлены в неурбанизированных, удаленных от городов районах. Таким образом, близость к городам не обеспечивает выигрыша для бедных: *чем выше уровень урбанизированности, тем больше обездоленность, глубина бедности.*

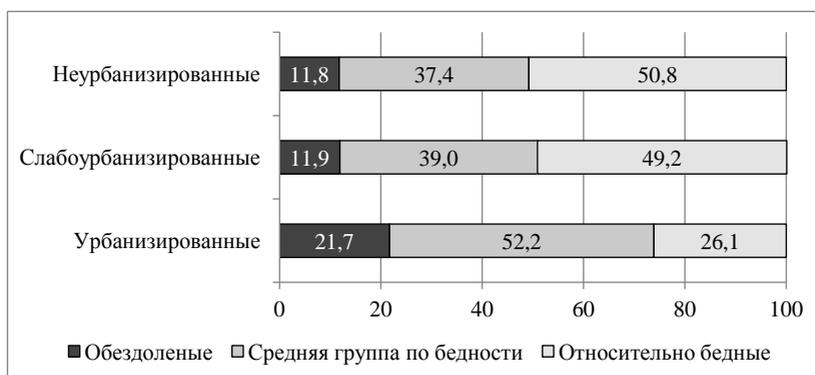

Рис. 3.9. Материальное положение семей сельских бедных в районах с разным уровнем урбанизированности, %

По результатам опроса, **чем меньше размер поселения, тем выше масштабы обездоленности**, т.е. чаще бедные сельские жители склонны относить себя к первой группе по уровню материального неблагополучия, т.е. к обездоленным: 17,9% обездоленных респондентов в поселениях до 500 жителей, 13,2% – в селах от 501 до 1000 жителей и 12,9% – в населенных пунктах с более 1 тыс. жителей (рис. 3.10).

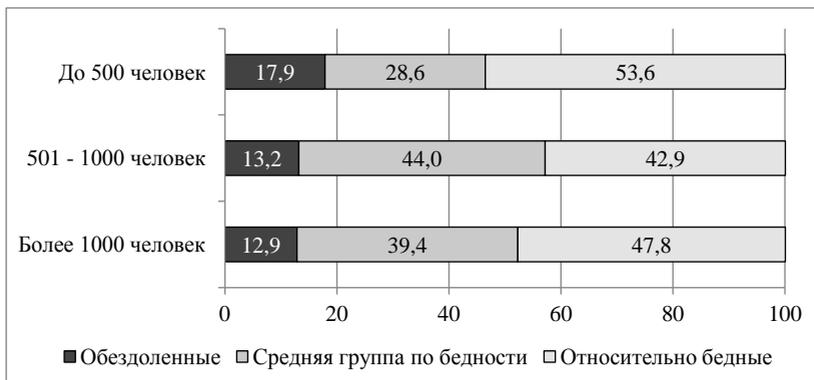

Рис. 3.10. Структура материального положения семей сельских бедных, проживающих в селах с разной численностью населения, %

Такие результаты согласуются с выводами, полученными нами ранее и другими исследователями. Но при этом в малых поселениях до 500 жителей чаще, чем в других поселениях, можно встретить более благополучных, относительно бедных жителей: 53,6% против 42,9 и 47,8%, т.е. средняя группа бедных более представлена среди жителей средних и крупных по размеру поселений. Таким образом, **не обнаружено четкой зависимости глубины бедности от людности поселения**, что может быть связано с тем, что поселенческая структура выборки не соответствует аналогичной структуре генеральной совокупности (среди респондентов меньше представлены жители средних и особенно малых по людности поселений).

В этой связи более точным инструментом является разбиение поселенческой структуры респондентов на две группы: 1 – большие поселения и 2 – малые и средние. При таком разбиении **наблюдается прямая зависимость от людности поселения: в малых и средних поселениях несколько выше обездоленность (14,3 против 12,9%) и средний уровень бедности (40,3 против 39,4%) и меньше масштабы относительной бедности (45,4 против 47,8%)** – рис. 3.11. В целом анализ не подтвердил наличия существенных различий глубины бедности по людности поселения даже при таком разбиении.

Рис. 3.11. Материальное положение семей сельских бедных, проживающих в селах с разной людностью, %

Доходы семьи. Распределение семей сельских бедных по уровню среднемесячных совокупных (денежных и натуральных) доходов на человека в основном подтверждает их статус бедности, но несколько отличается от распределения по материальному положению семьи для трех групп бедных. Каждая пятая семья (21,2%) имела в 2011 г. среднедушевые доходы до 2 тыс. руб., такая же доля – доходы от 2 до 3, более трети семей – от 3 до 6 и 17,6% – от 6 до 9 тыс. руб. (рис. 3.12). На две остальные группы (9-12 и свыше 12 тыс. руб.) приходилось только 3%, причем основная часть (2,2%) – на первую, более низкую по доходам, группу (9-12 тыс. руб.).

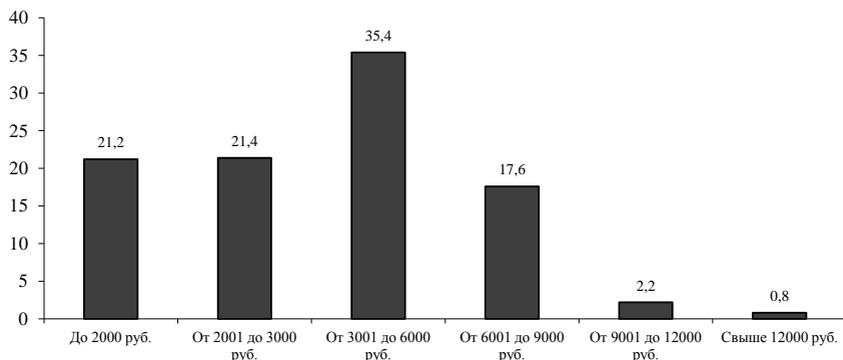

Рис. 3.12. Распределение сельских бедных по среднедушевым доходам семьи, %

Оценка глубины бедности на основе доходов показала, что **уровень бедности по методике ООН** (доля бедных, чьи среднедушевые доходы меньше стоимости потребления на уровне и ниже 2,15 доллара США в день) **среди**

сельских бедных респондентов составил только 20%, таким образом, *остальные 80% к бедным по международным стандартам ООН не относились.*

По методике Росстата бедными являются те, чьи среднедушевые доходы меньше бюджета прожиточного минимума, и таковых среди респондентов было подавляющее большинство – 78%, что вполне очевидно и даже меньше ожидаемого. По этой же методике удельный вес, со среднедушевыми доходами на уровне и ниже стоимости потребительской корзины, – был почти *в два раза меньше (более 42,6%)*, чем в целом бедных, но в два раза больше, чем по методике ООН.

Оценка экспертами масштабов сельской бедности на основе традиционной методики для российской статистики показала, что *доля селян, чьи совокупные доходы (денежные и натуральные) ниже величины прожиточного минимума, в среднем была равна 39,8%* (табл. 3.3)¹. Это значительно больше, чем средний уровень бедности в России и в двух исследуемых регионах в целом по данным официальной статистики для всего населения: сельского и городского (см. рис. 3.2). Региональный разрез мнений экспертов показал, что сельских жителей, чьи совокупные доходы ниже величины прожиточного минимума, в Республике Алтай более чем наполовину больше, чем в Алтайском крае.

Отдельную наиболее благополучную группу бедных образовали *относительно бедные*, выделенные в данном случае на основе среднедушевых доходов выше прожиточного минимума до двух его бюджетов. Это почти каждая пятая семья опрошенных нами сельских бедных (19,8%). И *только менее 1% из всех респондентов*, кто определился с ответами, *выходят за границы относительной бедности* и даже за границы средних доходов по региону (в Алтайском крае), что в целом подтверждает высокий уровень достоверности полученных данных и качества отбора опрошенных.

Уровень среднемесячного дохода на одного сельского жителя, при котором семью можно считать бедной, по оценкам экспертов, несколько меньше статистической величины прожиточного минимума в изучаемых регионах: 4,8 тыс. руб. и колеблется от 1 до 10 тыс. руб.

Сельские бедные не отличаются высоким уровнем притязаний относительно доходов. В среднем, чтобы семья могла жить нормально, среднедушевые доходы должны составлять чуть более 12 тыс. руб. (12,2 тыс. руб.), что соответствует среднему уровню доходов по региону (Алтайскому краю); при значительных различиях в ответах (от 3 до 50 тыс. руб.) наиболее популярным ответом является 10 тыс. руб.

Анализ соотношения распределения групп респондентов по материальному положению и среднедушевым доходам семьи показал, что *только около половины (48,5%) обездоленных, оцененных по материальному положению*

¹ Оценки по этому показателю колеблются от 0 до 90% при модальном значении 50 и 25% по выделенным группам экспертов, причем в среднем существенных различий в оценках этих групп не обнаружено.

семьи, соответствуют критерию бедности по методике ООН, около 3/4 (74,3%) – критерию обездоленности по методике Росстата, а 94% – критерию бедности по этой же методике и только 6% – критериям относительной бедности. Средняя группа бедных по материальному положению семьи состоит из 24,2% бедных по стандартам ООН, 43,4% – обездоленных по методике Росстата и 80,3% – бедных по этой же методике и здесь 17,7% относительно бедных со среднедушевыми доходами в семье до двух прожиточных минимумов (2% затруднились с ответом). Среди относительно бедных по оценке материального положения семьи еще меньше бедных по стандартам ООН (11%), 33% обездоленных по методике Росстата и 71,6% – бедных по той же методике и только 25,4% относительно бедных со среднедушевыми доходами в семье до двух прожиточных минимумов. Сюда же относятся 1,7% респондентов, не вошедших в границы бедности (1,3% затруднились с ответом).

На наш взгляд, *особое внимание должно быть уделено тем группам бедных, которые удовлетворяют нескольким критериям бедности.* Например, это только 94% обездоленных, оцененных по материальному положению и при этом удовлетворяющих критериям бедности по методике Росстата, 80,3% из средней группы бедных, а также 71,6% относительно бедных.

Кроме того, о благополучии по доходам можно судить по тому, какую часть совокупного дохода в натуральной и денежной форме сельская семья тратит на питание. Преобладание затрат на питание, как правило, свидетельствует о низком уровне доходов и материального благополучия семьи. Анализ сопряженности двух признаков показывает наличие существенной связи: коэффициент сопряженности равен 0,37, коэффициент Крамера – 0,28.

Менее половины затрат на питание характерно лишь для 15,8% опрошенных сельских бедных. Более половины этой группы представляют относительно бедные по материальному положению семьи (53,2%), около 40% – средняя группа по бедности и 7,6% – обездоленные (рис. 3.13). *На другом конце оси находятся те, кто почти все доходы тратит на питание,* среди всех респондентов их немало – 18%. Эту группу заполняют почти в равной степени представители обездоленных (37,8%, причем среди обездоленных таковых большинство) и средней группы бедных (44,4%) по оценке материального положения семьи.

Основная же часть респондентов (46,2%) тратила в 2011 г. на питание примерно половину доходов, и здесь в большинстве своем (57,6%) представлены относительно бедные и более трети (37,7%) респондентов из средней группы. *В совокупности на питание тратили более двух третей своих доходов семьи 36,8% опрошенных.*

Сравнительная оценка сельскими жителями своей материальной обеспеченности на фоне населения страны является еще одним важным подходом к оценке масштабов и глубины бедности. В этом случае выделены категории селян, чье материальное положение ниже среднего уровня по обеспеченности (относительно бедные) и те, кто живет за чертой бедности (бедные

и обездоленные). **Только 11,4% относили себя к тем жителям страны, кто живет за чертой бедности.** Подавляющее большинство из них являлись обездоленными по оценке своего материального положения («денег не хватает даже на питание»), 36,8% относились к средней группе по бедности и 5,3% относились к относительно бедным по этому критерию.

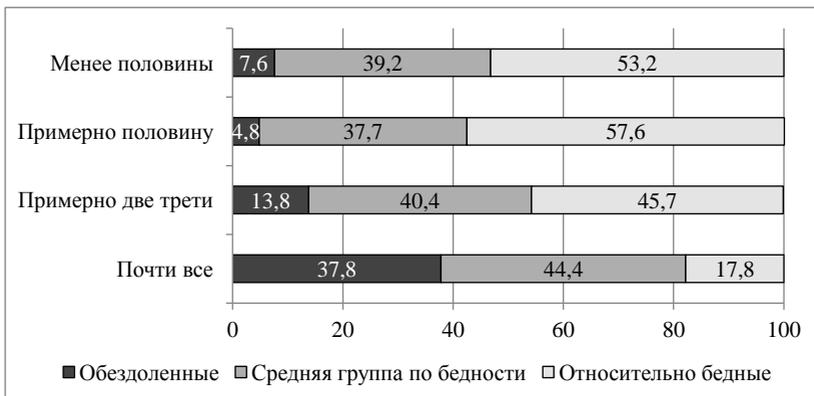

Рис. 2.13. Структура сельских бедных по затратам на питание в совокупном доходе семьи, %

Наиболее наполненной, образовавшей подавляющее большинство (60,2%) являлась группа селян, чье материальное положение на фоне населения страны ниже среднего уровня по обеспеченности и которых мы идентифицируем как **относительно бедных**. По оценке материального положения семьи сюда отнесли себя почти каждый десятый (9,6%) обездоленный («денег не хватает даже на питание») и чуть менее половины представителей двух других групп (46,5% из средней группы и 43,9% из наиболее благополучной группы респондентов). И неожиданным для нас результатом является то, что чуть менее трети (27,2%) опрошенных отнесли себя к среднеобеспеченным. Конечно, в подавляющем большинстве случаев (71,3%) эту группу образовали **относительно бедные** (кому «денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования является проблемой»). Но сюда попали не только каждый четвертый представитель (25,7%) средней группы по материальному положению семьи («хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет»), но и обездоленные – «почти голодающие» (менее 3%).

В целом связь между двумя признаками (материальным положением семьи и сравнительной оценкой сельскими жителями своей материальной обеспеченности на фоне населения страны) довольно значительна: коэффициент сопряженности равен 0,48, коэффициент Крамера – 0,39.

По мнению экспертов, в 2011 г. на селе было чуть более трети (35,8%) жителей, чье материальное положение ниже среднего уровня. Следовательно, средний уровень материального положения находился на селе ниже границ прожиточного минимума (табл. 3.3). Разница в оценках руководителей органов местного самоуправления и общественных организаций на селе составила почти 10% (33,5 и 43,3%), при этом колебания в оценках также чрезвычайно высоки (от 10 до 90%), модальные значения составляют 20 и 30% соответственно.

* * *

Таким образом, анализ масштабов и глубины сельской бедности показал следующее.

1. По оценкам экспертов, **сельская бедность имеет огромные масштабы и достигала в 2011 г. 87%.** Масштабы же обездоленности на селе, оцениваемой по материальному положению семьи (среди тех, кому средств хватает только на питание, или чьи семьи практически голодают), были сравнительно невелики и равны 13% сельских бедных жителей по оценкам населения. Около 40% составляла **средняя группа бедных** (которым «хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет»). И чуть больше 47% образовала наиболее благополучная группа **относительно бедных** (им «денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования является проблемой»). По этим трем группам бедность распределялась, по мнению экспертов, следующим образом: 15, 30 и 42%.

2. **Значительны различия в глубине бедности по возрасту, региону, урбанизированности сельского района** и не обнаружено таких различий по полу и плотности поселения. Наиболее высок уровень обездоленности среди представителей среднего и старшего трудоспособного возраста (17% сельских бедных), жителей урбанизированных районов (22%), Республики Алтай (20%). Наиболее благополучная группа относительно бедных в большей степени представлена среди молодежи (65%), жителей неурбанизированных районов (51%), Алтайского края (51%).

3. **Уровень бедности по методике ООН (доля бедных, чьи среднедушевые доходы меньше стоимости потребления на уровне и ниже 2,15 доллара США в день)** составлял в 2011 г. 20% всех опрошенных сельских бедных и 49% обездоленных, оцененных по материальному положению семьи.

По методике Росстата уровень бедности (доля тех, чьи среднедушевые доходы меньше бюджета прожиточного минимума) среди респондентов в 2011 г. был равен 78%, а удельный вес обездоленных (со среднедушевыми доходами на уровне и ниже стоимости потребительской корзины) – 43%. Относительно бедные с доходами выше прожиточного минимума двух его бюджетов составили 20%. Лишь менее 1% респондентов вышли за границы относительной бедности.

По оценкам экспертов, уровень сельской бедности по доходам ниже прожиточного минимума был равен 40% сельских бедных, при среднедушевом доходе, менее 5 тыс. руб. в месяц. Выход же за границы бедности на уровень нормальной жизни, по оценкам сельских бедных, соответствовал в 2011 г. среднему уровню региональных доходов населения – более 12 тыс. руб.

Бедность, оцененная **по преобладанию затрат на питание в структуре доходов**, была характерна для 84% всех опрошенных сельских бедных и 92% обездоленных.

4. Масштаб сельской бедности получен на основе **сравнительной оценки** сельскими бедными жителями своей **материальной обеспеченности на фоне населения страны**: 60% тех, чье материальное положение ниже среднего уровня и 11% – кто живет за чертой бедности. Среди всех сельских жителей, по оценкам экспертов, доля первых составляла 36%.

5. Использование нескольких методик оценки масштабов и глубины бедности позволило выделить группы бедных, удовлетворяющие нескольким критериям бедности одновременно. Среди обездоленных, оцененных по материальному положению семьи, 49% соответствовало в 2011 г. критерию бедности по методике ООН, 94% – по методике Росстата (74% – обездоленности по той же методике). Среди относительно бедных по оценке материального положения семьи было 11% бедных по стандартам ООН, 71% – по методике Росстата и 25% относительно бедных со среднедушевыми доходами в семье до двух прожиточных минимумов.

6. Системное использование различных методических подходов к оценке масштабов и глубины сельской бедности позволяет получить достаточно точную, целостную и дифференцированную по социальным группам картину распространения бедности на селе на основе оценок населения и экспертов. Это дает возможность выйти на разработку дифференцированных социальных политик в отношении различных групп сельских бедных с учетом масштабов и глубины их бедности.

7. Необходимость мониторинга оценки масштабов и глубины сельской бедности связана с формированием информационной и научной основы для систематического контроля ключевых параметров социальной безопасности и устойчивого развития сельского социума в условиях модернизационного развития страны.

3.3. Оценка социальной исключенности как формы проявления сельской бедности

Оценка масштабов социальной исключенности сельского бедного населения, уровня его лишений, возможностей для удовлетворения насущных потребностей получена нами по результатам опросов сельского населения и экспертов, а также статистических данных. Здесь мы сконцентрируем внимание на характеристике качества питания, доступности потребления одежды и других предметов первой необходимости, обеспеченности и качества жилья, доступности образования и дошкольного воспитания, медицин-

ских услуг. О проявлении таких форм социальной исключенности, как нарушения социально-трудовых прав (низкий уровень и задержки заработной платы, невыплаты социальных пособий и т.д.) сельских бедных, будет рассмотрено в главе 4.

Питание. Очевидно, что оценка питания семьи сопряжена с ее материальным положением (коэффициент сопряженности равен 0,53, коэффициент Крамера – 0,44). *Оценили питание своей семьи как очень плохое («часто голодаем») только 1,8%*, все они относятся к обездоленным (рис. 3.14).

Рис. 3.14. Структура сельских бедных по уровню качества питания семьи, %

Немногочисленна была также следующая группа, с плохим питанием (7,4%), ее образовали более чем наполовину (51,4%) обездоленные, но также здесь была значительно представлена и средняя группа (43,2%). Таким образом, в совокупности *доля сельских эксклюзивантов по питанию составляла 9,2%, 42% среди обездоленных и 8% представителей средней группы.*

Удовлетворительная оценка питания была дана большинством опрошенных (62,4%): половиной средней группы по материальному положению семьи и 38,5% относительно бедных. И среди тех, кто оценил питание как хорошее и очень хорошее (27 и 1,4%), подавляющее большинство составляли наиболее благополучные относительно бедные (80 и 85,7%); здесь не встречались, что вполне логично, обездоленные.

Данные оценки свидетельствуют в первую очередь об уровне качества питания, но не отражают его структурных особенностей; о последних можно судить по преобладающим продуктам в рационе (рис. 3.15).

В рационе питания всех опрошенных сельских бедных преобладал прежде всего картофель (95,8%) и хлебопродукты (89%). Несмотря на проживание в сельской местности только *чуть более половины респондентов регулярно употребляли овощи и бахчевые (57,6%), яйца (55,4%), мясо и мясопродукты (54,4%), молоко и молокопродукты (52,4%).* Еще меньше, чуть более трети, было постоянно употребляющих растительное масло, маргарин (37,6%). Каждый третий отметил в качестве преобладающих продуктов

сахар и кондитерские изделия. И *чуть более 10% регулярно питались рыбопродуктами (13%) и фруктами, ягодами (11%)*. Таким образом, анализ потребления продуктов показал, что *рацион питания значительной части сельских бедных не соответствовал рациональному* по нормативам, установленным Институтом питания РАН.

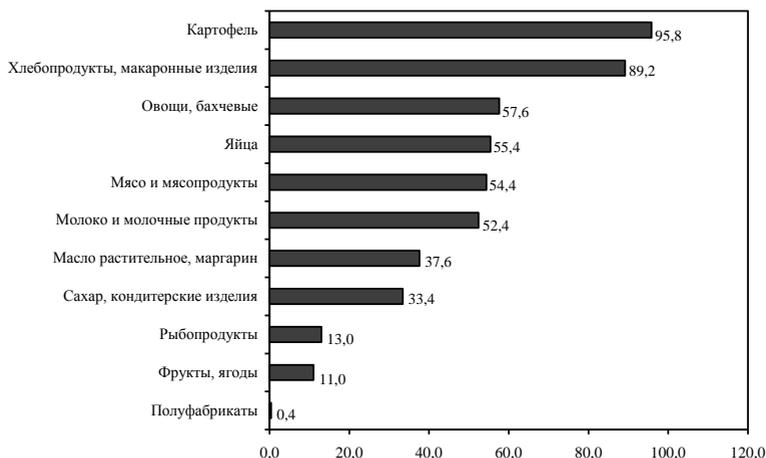

Рис. 3.15. Продукты, преобладающие в рационе питания бедных сельских жителей, % респондентов (опрос 2011 г.)

Анализ связи структуры основных продуктов питания сельских бедных и уровня качества питания показал, что те, кто питается плохо или даже голодает, редко употребляют или вообще не употребляют такие продукты питания, как молоко и молочные продукты, мясо и мясопродукты, яйца, масло растительное (маргарин), рыбопродукты, фрукты и ягоды, сахар и кондитерские изделия (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Основные продукты питания сельских бедных по группам, различающимся качеством питания семьи, % респондентов

Основные продукты питания	Качество питания				
	Очень плохое, часто голодаем	Плохое	Удовлетворительное	Хорошее	Очень хорошее
Хлебобудничные продукты, макаронные изделия	77,8	86,5	89,4	89,6	100,0
Картофель	88,9	97,3	96,2	94,8	100,0
Мясо и мясопродукты	11,1	5,4	49,0	80,7	100,0
Рыбопродукты	0,0	0,0	12,8	17,8	14,3
Молоко и молочные продукты	0,0	27,0	52,6	62,2	57,1

Основные продукты питания	Качество питания				
	Очень плохое, часто голодаем	Плохое	Удовлетворительное	Хорошее	Очень хорошее
Яйца	22,2	35,1	54,5	63,7	85,7
Масло растительное, маргарин	0,0	16,2	37,8	43,7	71,4
Овощи, бахчевые	33,3	40,5	55,8	68,1	57,1
Фрукты, ягоды	0,0	0,0	6,1	24,4	42,9
Сахар, кондитерские изделия	0,0	16,2	31,4	43,7	57,1
Полуфабрикаты	0,0	0,0	0,6	0,0	0,0

Но даже в группах с удовлетворительным качеством питания и выше мы видим относительно низкую распространенность потребления молока и молочных продуктов, овощей и бахчевых, фруктов и ягод, рыбопродуктов, т.е. продуктов, необходимых для нормального рациона питания.

Социальная исключенность, связанная с питанием, проявляется и в ответах респондентов о возникающих *из-за нехватки средств* конкретных проблемах питания в семье (рис. 3.16). Так, наиболее показательным является то, что по этой причине **каждая пятая семья сельских бедных не могла потреблять в достаточном количестве даже самые дешевые продукты питания**. Почти с той же частотой (18%) опрошенные говорили о том, что все члены семьи не едят качественные мясные продукты даже изредка.

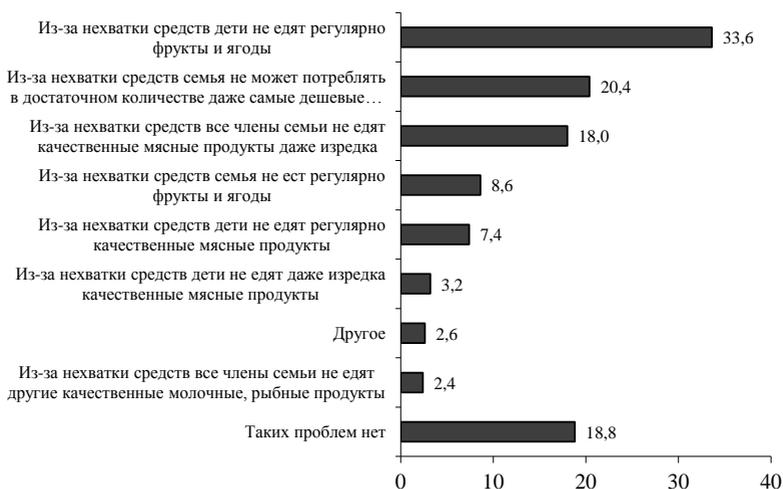

Рис. 3.16. Проблемы, связанные с нехваткой средств на питание, %

Детей это касается в значительно меньшей степени: 7,4% не потребляли эти необходимые продукты регулярно, а 3,2% – даже изредка. В каждой третьей семье сельских бедных (33,6%) дети не едят регулярно фрукты и ягоды. Немало респондентов (8,6%) также дополнительно заметили, что потребление фруктов и ягод являлось для их семей нерегулярным явлением. И **только в семьях 18,8% опрошенных сельских бедных не испытывали каких-либо проблем питания, связанных с нехваткой средств.**

Анализ проблем, связанных с нехваткой средств на питание, по группам сельских бедных, различающихся уровнем качества питания, показал, что среди тех, кто плохо питается или даже часто голодает из-за нехватки средств, семья не может потреблять в достаточном количестве даже самые дешевые продукты питания, а качественные мясные продукты даже изредка. Для более благополучных групп по качеству питания характерна проблема нерегулярности потребления фруктов и ягод.

Потребление непродовольственных товаров. Социальная исключенность в отношении потребления таких товаров проявляется в частоте их покупок. Такие предметы верхней одежды, как платья, костюмы, брюки, обычно приобретались большинством респондентов (56%) раз в один-три года, 15% – раз в 5-10 лет и около 8% – реже, чем раз в 10 лет (рис. 3.17). Наиболее частые покупки данных товаров совершались респондентами раз в полгода (21%) или раз в квартал (4,2%) или раз в квартал (4,2%). Частота приобретения теплой верхней одежды (курток, пальто, шуб), естественно, ниже: подавляющее большинство (71,6%) опрошенных покупали эти товары раз в 3-10 лет, в т.ч. 37,8% – раз в три года. Довольно значимой является доля тех бедных, кто покупали такие товары реже чем раз в 10 лет – 12,8%.

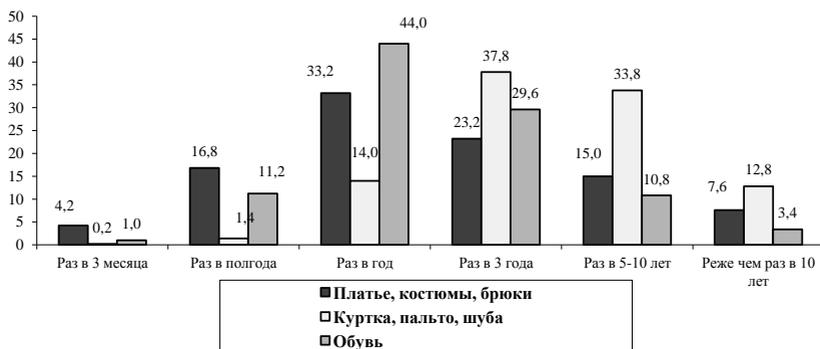

Рис. 3.17. Распределение сельских бедных по частоте покупок верхней одежды и обуви, %

Потребление обуви происходит наиболее часто (44% респондентов) раз в год или раз в три года (около 30%). Здесь также встречается существенная доля сельских бедным, для которых был характерен крайне низкий уровень потребления: 10,8% – раз в 5-10 лет и 3,4% – реже чем раз в 10 лет.

Приобретение таких непродовольственных товаров как нижнее белье приходится главным образом (89%) на период раз в три месяца (35,6%), реже раз в полгода (30,4%) и еще реже раз в год (23%) – рис. 3.18. Еще более высокая частота потребления характерна для чулок, носков, колготок: 50, 24,8 и 18,2% – раз в 3 месяца, полгода и год соответственно. Высока дифференциация в приобретении сельскими бедными постельных принадлежностей: как правило (80% респондентов) от раза в год (21,6%) до раза в 5-10 лет (26,4%), наибольшая частота приходится на период раз в три года (32%). Реже чем раз в 10 лет приобретали постельные принадлежности 7,8% опрошенных.

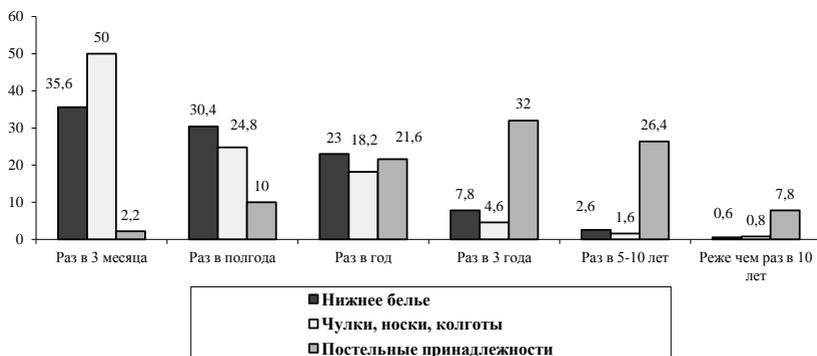

Рис. 3.18. Распределение сельских бедных по частоте покупок нижнего белья, чулочно-носочных изделий и постельных принадлежности, %

Таким образом, анализ приобретения непродовольственных товаров сельскими бедными жителями показал, что **уровень потребления таких товаров** с учетом количества членов семьи в основном был ниже установленных в России государственных минимальных социальных нормативов потребления, а **для отдельных групп населения, по разным категориям товаров от 8 до 15% респондентов** (ими являются главным образом обездоленные по характеристикам материального потребления и доходов), **находился в значительном отрыве.**

В связи с нехваткой средств на приобретение одежды и обуви сельских **бедных беспокоили в первую очередь такие проблемы, как изношенность обуви (52,8% респондентов) и верхней одежды на холодное время года (50%),** отсутствие необходимой верхней одежды и обуви отмечается только 5-6% опрошенных. Но каждая десятая семья не могла покупать детям новую одежду и обувь по мере их роста. **Только 17,6% сельских бедных** (это в основном категория относительно бедных) **не имело особых проблем, связанных с приобретением одежды и обуви.**

Анализ обеспеченности респондентов товарами длительного пользования показал, что в 2011 г. телевизор и холодильник был почти в каждой семье сельских бедных (97,8 и 96,4% соответственно). Кроме холодильника в некоторых семьях имелись морозильные камеры (всего 16%).

С небольшим отрывом от лидеров на третьем и четвертом местах по популярности находились стиральная машина и электропылесос (79 и 72,2%) – рис. 3.19. Далее, значительно реже, в каждой четвертой семье (25,6%) имелись чаще давно приобретенные автомобиль и (или) мотоцикл, что в условиях территориальной удаленности от городов и других центров социального обслуживания, рабочих мест является для сельских жителей изучаемых регионов необходимым предметом потребления, а не предметом роскоши.

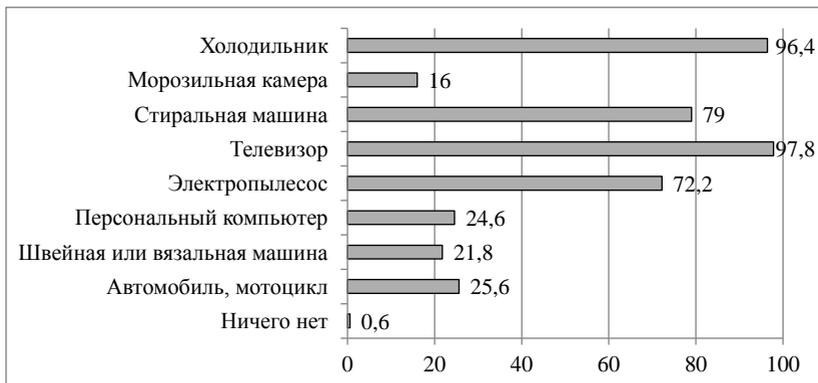

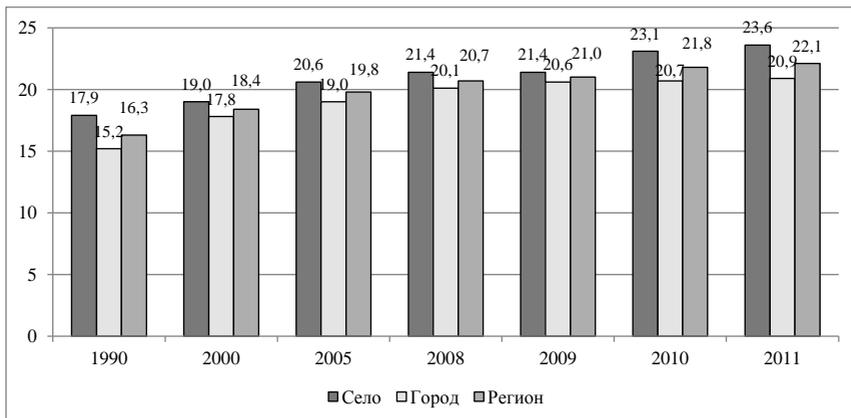
Рис. 3.19. Наличие у сельских бедных товаров длительного пользования, %

То же самое можно отнести и к потребности в персональном компьютере в условиях информационной ограниченности сельского населения, которыми владела только каждая четвертая семья опрошенных нами сельских бедных (24,6%). Швейные или вязальные машины в рабочем состоянии имелись чаще, чем в каждой пятой семье (21,8%).

Таким образом, почти в каждой семье сельских бедных (за исключением 0,6%, т.е. в 3 случаях из 500) имелся по крайней мере какой-либо один товар длительного пользования из традиционного набора для современного человека. Однако *среди семей сельских бедных выделялась довольно значительная доля тех, кто не был обеспечен необходимым набором товаров, имеющих высокую потребность в сельской местности*, среди них каждая пятая семья не имела стиральной машины, 27,8% – не имели электропылесоса, две трети – персональный компьютер, а также автомобиль или мотоцикл.

Жилищные условия. Низкие обеспеченность и качество жилья также являются важнейшей характеристикой социальных лишений. Для сельских жителей, которые всегда имели существенные преимущества перед горожанами в обеспеченности жильем, серьезные проблемы с жильем часто становятся одними из ключевых в принятии решения о миграции или выборе деструктивных форм поведения, что подрывает основы устойчивого развития сельских территорий.

По данным статистики, обеспеченность жилплощадью (площадь квартир) в среднем на одного сельского жителя Алтайского края выросла с 17,9 кв. м в 1990 г. до 23,6 кв. м в 2011 г. (на 31,8%) – рис. 3.20.

Источник: данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Рис. 3.20. Обеспеченность жильем сельского и городского населения Алтайского края в 1990–2011 гг. (кв. м на человека)

За тот же период значение данного показателя для городского населения увеличилось на 37,5% – с 15,2 до 20,9 кв. м. Таким образом, село потеряло одно из своих преимуществ – более значительную обеспеченность жильем: различия сократились в 1,4 раза (с 17,8 до 12,9%).

Подавляющее большинство (84%) опрошенных в 2011 г. сельских бедных проживали на момент опроса в собственной доме или квартире, остальные жили с родителями или родственниками (7%), снимали жилье, проживали в служебной квартире и др. (рис. 3.21).

Качество жилья отражают показатели его благоустройства, обеспеченности коммунальными услугами – водопроводом, канализацией, горячим водоснабжением и др. (рис. 3.22). В 2008 г. только чуть более половины (56,6%) жилой площади на селе была оборудована водопроводом, еще меньше (41,8%) – канализацией. Причем с 1996 г. значение показателей обеспеченности водопроводом и канализацией выросло менее чем на 12 п.п. (с 44,9 и 30,3% соответственно), в начале десятилетия (2000 г.) оно составляло 50,2 и 37%. Крайне низкой величиной остается доля сельской жилой площади, оборудованной горячим водоснабжением (5,3%), причем за 2008 г. значение этого показателя даже сократилось.

Жилье сельских бедных отличается значительно более низкими характеристиками благоустройства, обеспеченности коммунальными услугами. Согласно результатам опроса 2011 г., только домах (квартирах) 75,4% респондентов был водопровод, 18,8% – центральная канализация (рис. 3.23). Крайне редким случаем являлась оборудованность жилья горячим водоснабжением (5%) и централизованным газоснабжением (2,8%), что кардинально отличалось от ситуации в целом по селам рассматриваемых регионов. И даже в двух случаях из 500 (0,4% респондентов) проблемой являлось отсутствие электричества.

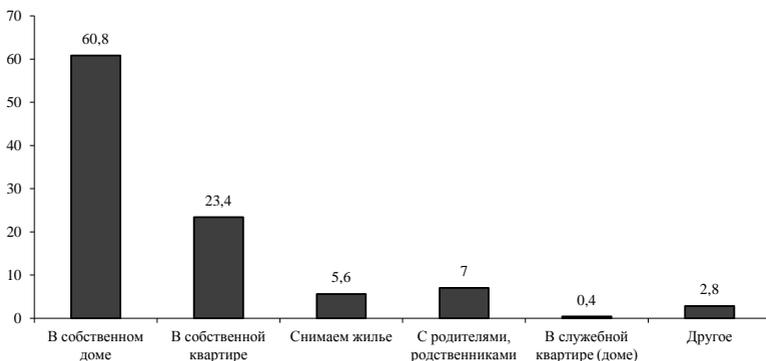
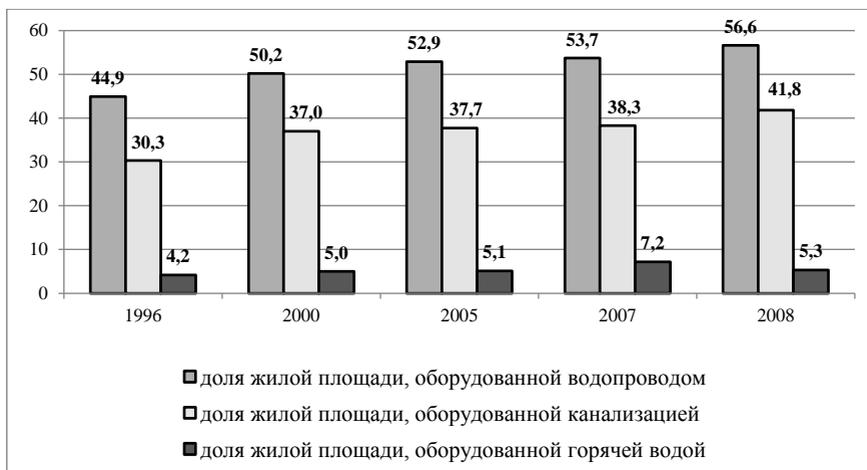

Рис. 3.21. Обеспеченность сельских бедных жильем, %

Источник: данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Рис. 3.22. Обеспеченность населения сельских районов Алтайского края коммунальными услугами в 1996–2008 гг. (% оборудованного жилья к общей площади жилфонда)

Среди жилищных проблем, связанных с нехваткой средств, сельские бедные отмечали в первую очередь отсутствие или нехватку коммунальных удобств (45,4%) и необходимость неотложного капремонта (37,4%) либо в каждом четвертом случае экстренного ремонта жилья (починить крышу, вставить стекла, заменить вышедшую из строя сантехнику). В 10-13% случаев выделялись проблемы крайней тесноты проживания, частых перебоев с подачей холодной, горячей воды и тепла, холодного и сырого жилья. Беспокоило также проживание совместно с родственниками или

соседями в одном доме (одной квартире), в отдельных случаях отмечалась острая потребность в проведении хотя бы косметического ремонта. **Только менее 6% сельских бедных не беспокоили проблемы с жильем.**

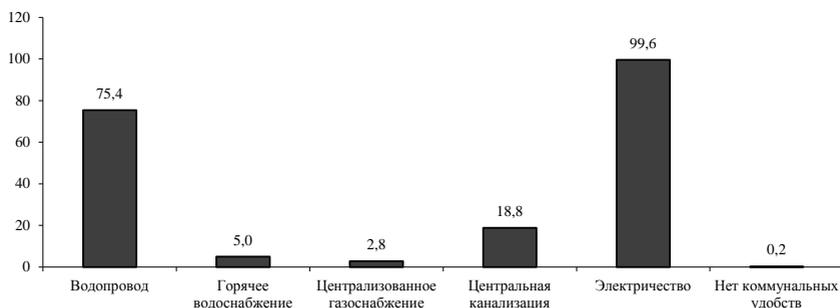

Рис. 3.23. Обеспеченность жилья сельских бедных коммунальными удобствами, %

Сравнительно низкие обеспеченность и качество жилья сельских бедных формируют высокий уровень нуждаемости *в улучшении жилищных условий*. **Более трети респондентов (35,8%) крайне нуждались** в этом, самую большую группу (40%) образовали те, кто видит перспективные потребности в улучшении жилья. И только 24,2% сельских бедняков не нуждались в этом.

Выявлена прямая зависимость между материальным положением семьи и нуждаемостью в улучшении жилищных условий (коэффициент сопряженности равен 0,21): чем выше уровень материального благополучия, тем меньше нуждаемость. Самый высокий уровень нуждаемости обнаружен среди обездоленных (59,1%), самый низкий – среди относительно бедных (28,4%) и, напротив, нет потребности в улучшении жилищных условий среди почти трети относительно бедных (28,8%) против 12,1% среди обездоленных (рис. 3.24). Представители средней группы бедности имели соответственно срединные значения рассматриваемых показателей: 36,9% крайне нуждающихся и у 22,7% не было такой нужды.

Здоровье и медицинское обслуживание. Здоровье, как известно, является значительным ограничителем в решении проблемы бедности и одним из важных факторов ее формирования. По данным статистики, до 2007 г. на селе наблюдалась негативная динамика заболеваемости: с 1996 до 2007 гг. число случаев заболеваний (с впервые установленным диагнозом) в Алтайском крае увеличилось на 44% – с 688 до 991 на одну тысячу сельских жителей, что отчасти было вызвано ростом обеспеченности медицинскими кадрами (рис. 3.25). В 2008 г. уровень заболеваемости немного сократился и составил 980 на тысячу человек, что также соответствует сокращению обеспеченности селян медицин-

скими кадрами и, как следствие, возможности диагностики заболевания, а не реальному улучшению показателей здоровья.

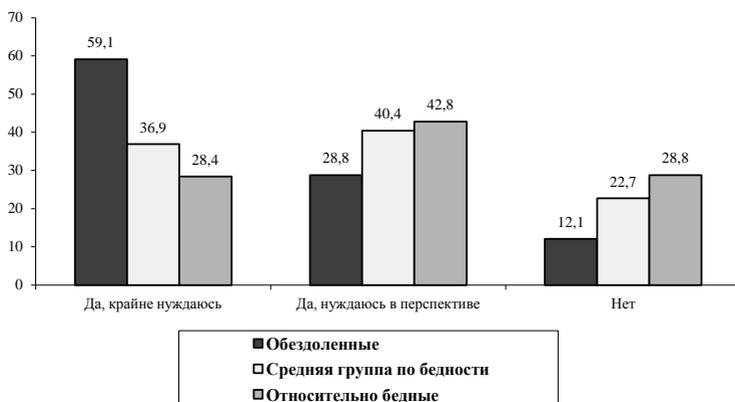
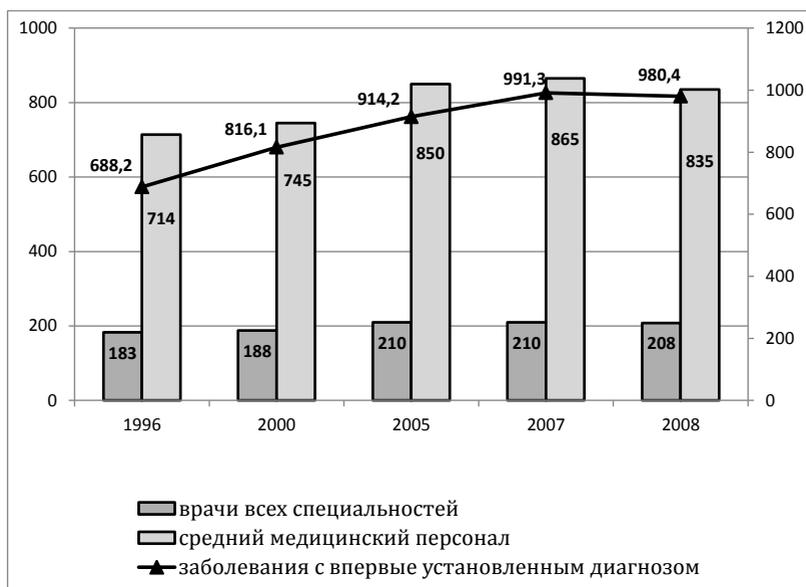

Рис. 3.24. Потребность сельских бедных в улучшении жилищных условий, %

Источник: данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Рис. 3.25. Динамика обеспеченности медицинскими кадрами и заболеваемости населения в сельских районах Алтайского края в 1996–2008 гг. (в расчете на 1 тыс. сельских жителей)

Среди респондентов 2011 г. только 45,6% не имели серьезных проблем со здоровьем, в т.ч. каждый третий имел серьезное хроническое заболевание, 11,6% – инвалидность.

Результаты опроса населения позволили установить *прямую зависимость состояния здоровья и материального положения семьи сельских бедных* (коэффициент сопряженности равен 0,20). *Самую большую долю хронических больных и инвалидов можно было встретить среди обездоленных: 18,2 и 42,2%* соответственно против 28,4 и 7,2% среди относительно бедных. Большинство представителей последней группы не имели проблем со здоровьем (63,1%), среди обездоленных таковых чуть более трети (36,4%).

В сфере сельского здравоохранения происходили разнонаправленные процессы. С одной стороны, годы реформ привели к *сокращению сети медицинских учреждений*, продолжавшемуся вплоть до середины 2000-х. За десять лет (с 1996 до 2005 гг.) количество больничных учреждений в сельских районах края постепенно сократилось со 152 до 139, поликлиник – с 279 до 268. С середины 2000-х три года роста (2005–2007 гг.) сменились кардинальным сокращением сети медицинских учреждений, связанными с реструктуризацией в системе оказания медицинских услуг в сельской местности: в 2008 г. осталось только 72 больницы и 9 поликлиник. С другой стороны, как отмечалось, в годы реформ *обеспеченность селян медицинскими кадрами, напротив, заметно увеличилась*. С 1996 по 2007 гг. обеспеченность врачами выросла на 15% (со 183 до 210 в расчете на 1000 человек), средним медперсоналом – на 21% (с 714 до 865 в расчете на 1000 человек).

Среди проблем, связанных с получением медицинской помощи сельскими бедняками, «лидерами» являлись временная и материальная недоступность услуг врачей и медикаментов: «невозможно в разумные сроки попасть на прием к врачу (очереди на запись, на прием)» (41,4% респондентов); *«не хватает средств на оплату приема у платного врача, лечения или операции в городской (районной) больнице в случае отсутствия бесплатных услуг»* (37,6% всего массива респондентов, в т.ч. 42,4% обездоленных); *«не хватает регулярно льготных лекарств и денег на оплату назначенных врачом лекарств (анализов, процедур)»* (36,4%).

Особую роль в формировании социальной исключенности сельских бедных, как в данном случае, впрочем, и всех остальных представителей сельского населения, играет территориальная недоступность медицинских услуг: «нет врачей нужных специальностей» (29,8%); *«невозможность быстро получить экстренную медицинскую помощь (скорая помощь, дежурные врачи)»* (22,2%); *«отсутствуют минимально необходимые диагностические службы (лаборатория, рентген, УЗИ, ЭКГ и т.п.)»* (17,4%).

Такая проблема, как *дороговизна проезда до ближайшего медицинского учреждения* (8,8%), связана как с территориальной удаленностью, так и с материальными ограничениями. Соответственно, среди обездоленных эта проблема отмечалась в два раза чаще, чем среди остальных групп сельских бедных (16,7% против 7,1 и 8,1%)

Проблемы медицинской помощи имеют ярко выраженный региональный характер. Так, жители Алтайского края значительно чаще (от 2 до 5 с лишним раз) выделяли такие проблемы, как: *нехватка средств на оплату приема у платного врача, лечения или операции в городской (районной) больнице* (40,9 против 13,3%); *невозможность быстро получить экстренную медицинскую помощь* (23,9 против 10%); *отсутствие минимально необходимых диагностических служб* (18,6 против 8,3%); *дороговизна проезда до ближайшего медицинского учреждения* (9,8 против 1,7%).

Более трети жителей Республики Алтай (36,7%) говорили об отсутствии каких-либо проблем получения медицинской помощи, что в 2,2 раза чаще, чем в Алтайском крае. Но при этом в два раза чаще отмечали проблему отсутствия в их селе медицинского учреждения (3,3 против 1,6%). Это связано в первую очередь с поселенческой структурой респондентов в этом регионе: подавляющая их часть проживает в крупных селах.

Школьное и дошкольное образование. Важнейшим показателем социальной исключенности являются недоступность школьного образования или серьезные трудности, возникающие из-за отсутствия школы на селе.

Динамика численности сельских школьников наглядно демонстрирует демографический кризис современного села, с начала реформ до настоящего времени сохраняются процессы непрерывного сокращения численности учащихся в общеобразовательных учреждениях сельской местности. В Алтайском крае в расчете на 1 тысячу сельских жителей значение этого показателя в 2008 г. составило 110 учащихся. С 1996 г. оно сократилось на 37,5% (176 учащихся) и с 2000 г. – на 31% (159). За три года накануне кризиса (2005–2008 гг.) значительных изменений не произошло, но все же доля учащихся в численности сельского населения продолжала падать (116). Таким образом, наиболее значительное сокращение приходилось на первую половину 2000-х, когда ежегодно село «теряло» почти по 9 учащихся на каждые 10 тысяч жителей.

По данным опроса 2011 г., **основными проблемами, связанными с получением школьного образования,** которые волновали сельских бедных, **являлись «постоянные поборы с родителей»** (26,1% респондентов, имеющих детей школьного возраста) **и нехватка денег, чтобы обеспечить школьников школьно-письменными принадлежностями и учебниками** (24,2%, в т.ч. каждый третий обездоленный). Из-за отсутствия средств *дети почти каждой пятой семьи сельских бедных (29,2% обездоленных) не могли продолжать учиться дальше после окончания средней школы.* В 10-12% случаев препятствовала *недостаточная техническая оснащенность школы* (компьютеры, доступ в Интернет, учебники и пр.), *низкое качество преподавания,* они не давали возможности успешно сдать ЕГЭ и участвовать в конкурсе в вуз. Настолько же были озабочены сельские бедные и *недостатком денег для того, чтобы обеспечить питание детей в школе* (при отсутствии бесплатного питания), это касается прежде всего обездоленных (значение показателя в 1,3 и 1,6 раза выше, чем в двух других группах бедных: 16,7% против 13,2 в средней группе и 10,1% среди относительно благополучной). Иногда (в 5%

случаев) выделялись проблемы плохих бытовых и санитарных условий в школе (отопление, состояние здания, организация питания). **Только около 30% сельских бедных, имеющих детей-школьников, отмечали отсутствие проблем школьного образования.**

В большинстве случаев (57,8%) семьям сельских бедных, имеющих детей школьного возраста, не хватает средств, чтобы дать детям высшее образование, к ним относятся три четверти обездоленных семей (рис. 3.26). Только 12,4% таких респондентов были уверены в том, что средств на эти цели хватает, их было больше среди относительно бедных (17,4%). Довольно значительной здесь являлась и доля затруднившихся с ответом (28%), у менее 2% отсутствовало такое желание.

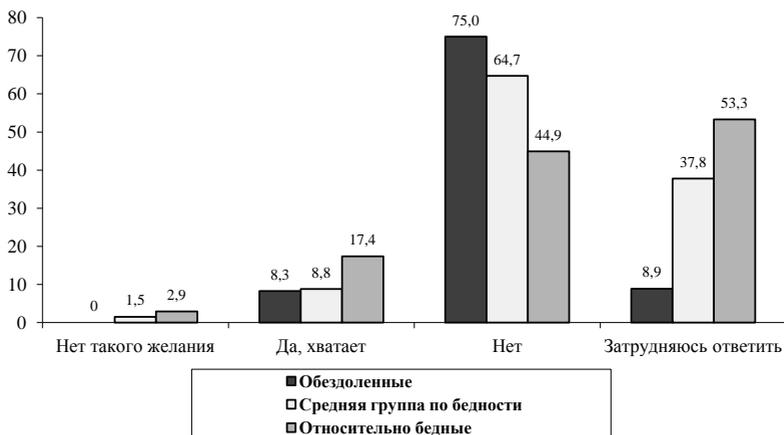

Рис. 3.26. Распределение ответов сельских бедных на вопрос «Хватит ли средств Вашей семье, чтобы дать детям высшее образование?», %

Социальную исключенность отражает также обеспеченность детей дошкольными учреждениями, различные проявления их недоступности. **Развитие дошкольного образования характеризуется низким охватом детей дошкольными образовательными учреждениями.** В 2008 г. в сельской местности Алтайского края только 47% детей дошкольного возраста (1–6 лет) посещали детские сады и другие дошкольные учреждения. **Еще меньше посещающих детские сады среди детей сельских бедных:** только 36,6% среди респондентов, имеющих таких детей. Здесь наблюдается значительный отрыв от социальных нормативов, установленных по Программе ООН «Национальные цели развития тысячелетия в России» на 2015 г., когда уровень охвата детей сельской местности дошкольными учреждениями должен составить 90%.

Основными причинами, определяющими низкую посещаемость детей сельских бедных дошкольными учреждениями при наличии потребности в них, являлось, по мнению сельских бедных в 2011 г., прежде всего отсутствие мест (17,8% респондентов с такими детьми) или самих учреждений на

селе (15,8%). Не было средств на одежду и обувь, чтобы собрать детей и оплачивать их пребывание в детских садах, в семьях почти 12% опрошенных, имеющих таких детей.

Выявлена значительная прямая зависимость обеспеченности детей дошкольными учреждениями и материального положения семей сельских бедных (коэффициент сопряженности равен 0,36, коэффициент Крамера – 0,27). Чем хуже материальное положение, тем ниже уровень такой обеспеченности. Обеспечены дошкольными учреждениями были дети только 15,4% обездоленных, каждого третьего представителя средней группы по бедности и почти 45% относительно бедных. Среди причин непосещаемости детьми из обездоленных семей детских садов лидировало отсутствие мест и средств на то, чтобы собрать детей и оплачивать их пребывание в детских садах (по 31% против 17,9 и 12,8% в средней группе и 14,3 и 6,1% в группе относительно бедных).

Экономия как проявление социальной исключенности. Отсутствие средств приводит к необходимости достаточно жесткой экономии, что также является формой социальных лишений. По результатам опроса, сельские бедные экономили в первую очередь на покупке мебели, бытовой техники (79%) – рис. 3.27. Лидерами экономии являлись также такие статьи расходов, как покупка одежды, обуви и других необходимых вещей и предметов повседневного пользования (69,2%), организация отдыха (61,6%) и ремонт жилья (58%). Кроме того, сельские бедные вынуждены реже посещать родственников и друзей, живущих в другом населенном пункте (41,8%). **Почти каждая четвертая семья респондентов сэкономила** на транспортных услугах, проведении семейных праздников, ритуальных обрядов (свадьбы, похороны), а **также на продуктах питания**, что приводит, как показал проведенный нами анализ, к нарушениям рациональных норм потребления. А **каждая пятая семья респондентов вынуждена экономить на лечении**. Очевидно, что такая вынужденная экономия приводит к ухудшению здоровья, а в отдельных случаях – к губительным последствиям.

Причем чем хуже материальное положение, тем чаще семьи сельских бедных экономят практически по всем статьям расходов. Наиболее значительная разница в распространенности такого поведения проявлялась в отношении лечения (2,8 раза), транспортных услуг (2,1 раза), питания (1,8 раза), ремонте жилья (1,7 раза), покупки одежды, обуви и других необходимых вещей и предметах повседневного пользования (1,5 раза). Например, экономия на продуктах питания была распространена среди семей 34,8% обездоленных, 27,8% представителей средней группы и 19,5% относительно бедных, а экономия на лечении – среди семей 40,9% обездоленных, 19,2% представителей средней группы и только 14,8% относительно бедных.

По результатам полуструктуризованного интервью с экспертами – руководителями органов местного самоуправления и общественных организаций, **на селе в 2011 г. было более 25% эксклюзантов** (ограниченных в доступе к социальным благам, возможностям удовлетворять самые насущные потребности

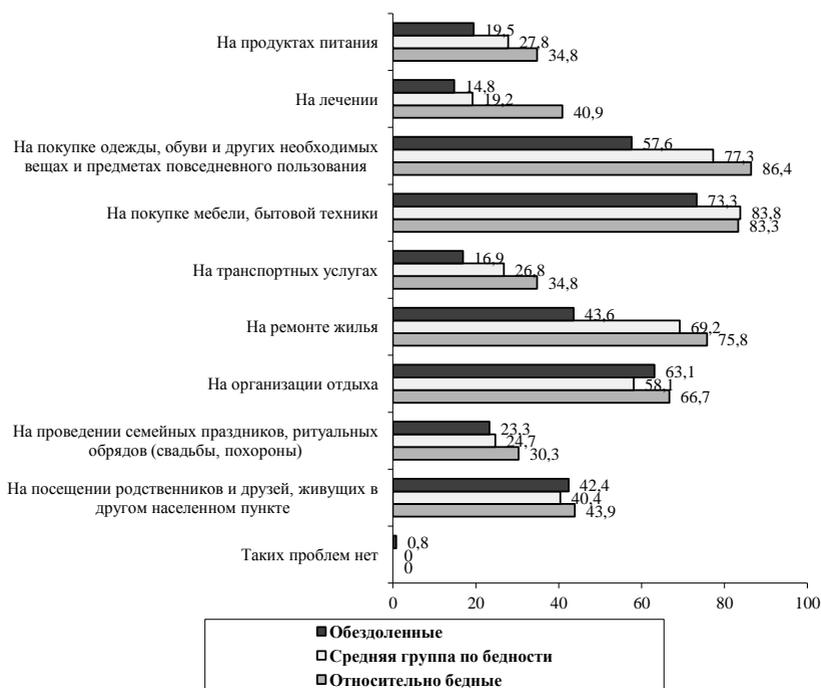

Рис. 3.27. Распределение ответов сельских бедных на вопрос «На чем Вы обычно экономите?», %

в жилье, в получении достойного образования, в медицинском обслуживании и других социальных благ, и чьи трудовые и другие социальные права нарушаются), что *заметно ниже, чем другие оценки бедности*, данные этими экспертами (табл. 3.1). Причем представители местной власти считали, что среди сельских жителей только каждого пятого можно считать эксклюзивом, а руководители общественных организаций относили к таковым 38%. Один из экспертов заметил, что все сельские жители являлись таковыми (100%).

* * *

Таким образом, проведенный анализ характеристик качества питания, доступности потребления одежды и других непродовольственных товаров, товаров длительного пользования, обеспеченности и качества жилья, доступности образования и дошкольного воспитания, медицинских услуг позволил выявить **высокий уровень и различные формы проявления социальной исключенности, лишений сельских бедных**. Причем *чем глубже уровень бедности, тем больших масштабов достигает исключенность* от потребления социальных благ и услуг, имеющих наибольшую важность в удовлетворении потребностей людей, и к значительно большому негативным по-

следствиям (потере здоровья сельских жителей, деградации и проблемам социального воспроизводства сельского социума) это приводит.

1. **По оценкам экспертов, в 2011 г.** на селе было более 25% эксклюзантов (ограниченных в доступе к социальным благам, возможностям удовлетворять самые насущные потребности в жилье, в получении достойного образования, в медицинском обслуживании и других социальных благ, и чьи трудовые и другие социальные права нарушаются).

2. **Высока социальная исключенность сельских бедных в отношении уровня качества и структуры питания.** Низкий уровень качества питания в 2011 г. был характерен для 9,2% всех сельских бедных и 42% обездоленных. Рацион питания сельских бедных не соответствовал установленным нормативам: преобладал картофель и хлебопродукты, только более половины регулярно употребляли овощи и бахчевые, яйца, мясо и мясопродукты, молоко и молокопродукты, 38% – растительное масло (маргарин), чуть более 10% – рыбопродукты, фрукты и ягоды. Из-за нехватки средств каждая пятая семья сельских бедных не могла потреблять в достаточном количестве даже самые дешевые продукты питания и только в семьях 19% опрошенных не испытывали проблем питания.

3. **Значительны и масштабы социальной исключенности по потреблению непродовольственных товаров.** Уровень потребления таких товаров в семьях сельских бедных в основном ниже установленных в России государственных минимальных социальных нормативов потребления, а для отдельных групп населения, по разным категориям товаров от 8 до 15% респондентов (ими являются главным образом обездоленные по характеристикам материального потребления и доходов), находится в значительном отрыве от этих нормативов. Например, по данным 2011 г., 8% сельских бедных реже чем раз в 10 лет приобретали такие предметы верхней одежды, как платья, костюмы и брюки, а 13% – куртки, пальто и шубы. Крайне низкий уровень потребления обуви были характерен для семей 14% опрошенных (покупки раз в 5-10 лет и реже). Большинство сельских бедных беспокоили проблемы изношенности обуви и верхней одежды на холодное время года, 5-6% – отсутствие таковых. Каждая десятая семья не могла покупать детям новую одежду и обувь по мере их роста.

Среди семей сельских бедных была значительная доля тех, кто не был обеспечен необходимым набором товаров длительного пользования. Так, 21% семей не имела стиральной машины, 28% – электропылесоса. Не были обеспечены телевизорами и холодильниками 2-3% респондентов. Выявлены единичные случаи отсутствия в семьях каких-либо товаров длительного пользования.

4. **Низкие обеспеченность и качество жилья** являются важнейшей характеристикой социальных лишений бедных сельских жителей. Беспокоят проблемы с жильем 94% респондентов, крайне нуждаются в улучшении жилищных условий 36% (около 60% обездоленных). Не имеют собственного

жилья 16% сельских бедных, 13% выделяют проблемы крайней тесноты проживания.

Имеющееся жилье отличалось высоким износом и низким уровнем благоустройства. 37% жилья требовало капремонта, каждое четвертое – экстренного ремонта. Отсутствие или нехватка коммунальных удобств была характерна для жилья 45% опрошенных. В домах (квартирах) каждой четвертой бедной сельской семьи отсутствовали водопровод, 81% семей – центральная канализация. Крайне редкой являлась оборудованность жилья горячим водоснабжением (5%) и централизованным газоснабжением (3%). Зафиксированы единичные случаи (0,4%) отсутствия электричества.

5. Сокращение сети сельских медицинских учреждений, особенно в кардинальных масштабах со второй половины 2000-х, привело к формированию **масштабной социальной исключенности сельских бедных от медицинского обслуживания** в виде временной (сроки обслуживания) и материальной недоступности услуг врачей и медпрепаратов (36-41% респондентов), а также разных форм проявления территориальной недоступности медицинских услуг (17-30%).

Как следствие, здоровье становится мощным ограничителем в решении проблемы бедности и важным фактором ее формирования. Большинство (54%) сельских бедных имели на момент опроса серьезные проблемы со здоровьем, 12% – инвалидность, каждый третий – хроническое заболевание. Среди обездоленных доля двух последних составила 18 и 42%.

6. **Социальная исключенность сельских бедных в разных формах проявления недоступности образования их детей**, прежде всего школьного и дошкольного, достигла больших размеров. Более 70% сельских бедных, имеющих детей-школьников, имели в 2011 г. материальные проблемы доступности образования. Формами проявления недоступности являлись невозможность из-за бедности обеспечить детей школьно-письменными принадлежностями и учебниками (24% имеющих детей-школьников, каждый третий обездоленный), оплатить их питание в школе (17% обездоленных). Не хватит средств для получения детьми высшего образования 58% семей сельских бедных, имеющих школьников, и три четверти обездоленных семей.

Из-за отсутствия дошкольных учреждений на селе или мест в них, а также возможности одеть и обуть детей и оплачивать их пребывание в детских садах не посещали в 2011 г. детские сады дети 46% бедных семей (имеющих дошкольников). Социальная исключенность дошкольного образования для детей из обездоленных семей достигала 77%, среди причин лидируют отсутствие мест и средств для их пребывания в детских садах (по 31%).

7. **Жесткая экономия является распространенной формой социальных лишений сельских бедных.** По результатам опроса, сельские бедные сэкономили в первую очередь на покупке мебели, бытовой техники (79%), одежды, обуви и других необходимых вещей и предметах повседневного пользования (69%), организации отдыха (62%) и ремонте жилья (58%). Почти каждая четвертая семья респондентов вынуждена была эко-

номить на продуктах питания (и 35% обездоленных), а каждая пятая (и 41% обездоленных) – на лечении, что приводит к ухудшению здоровья, к губительным последствиям.

3.4. Динамика материального положения и социального настроения сельских бедных

По оценке сельскими бедными материального положения своих семей в 2011 г. и десять лет назад, *наблюдались рост масштабов обездоленности и сокращение относительного материального благополучия*. Если в 2001 г. среди опрошенных бедных к обездоленным (которым *денег иногда не хватает даже на питание*) себя отнесли 9,8%, то в 2011 г. таковыми являлись **13,2%**, что соответствует **35% роста масштабов обездоленности**. Практически не изменилась доля средней группы бедных (кому *«хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей денег – нет»*): она (доля) увеличилась лишь с 38,2 до 39,6%. Вместе с тем за этот период произошло *сокращение доли относительно бедных* (наиболее благополучной среди трех выделенных групп, кому *«денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования является проблемой»*) на 9,2%: с 52 до 47,2%.

В связи с коррекцией методики определения бедных (добавлена группа относительно бедных, уточнен критерий выделения средней группы) сравнительный анализ изменения материального положения сельских бедных на основе ранее проведенных нами исследований в полной мере невозможен. Воспользуемся лишь кратким описанием динамики бедности по данным опросов сельского населения в целом в 2008 и 2002 гг.¹

В годы экономического роста, как показали данные опроса всех категорий сельских жителей в 2008 г., *наблюдалось массовое сокращение бедности* и рост материального благополучия. В 2008 г. к бедным (им *средств хватает только на скромное питание и оплату коммунальных услуг*) и обездоленным себя отнесли только 16,9% (в т.ч. к последним, которым *денег иногда не хватает даже на питание*, только 1,9%) – рис. 3.28. По оценкам этих же респондентов, 8 лет назад доля бедных составляла 23%.

¹ Более подробно результаты исследования 2008 и 2002 гг. см.: Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития – Барнаул, 2011; Сергиенко А.М. Положение и поведение сельских бедных на рынке труда / А.М. Сергиенко // Регион: Экономика и социология. 2005. № 4; Сергиенко А.М., Родионова Л.В. Социальная сфера села: проблемы и особенности развития в агропромышленном регионе // Стратегическое управление пространственным развитием субъектов Федерации и городов Сибири / под ред. А.С. Новоселова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009; Сергиенко А.М. Экономическая активность населения на рынке труда и социальная политика России: трансформационные процессы на рубеже XX–XXI вв. – Барнаул, 2003.

Рис. 3.28. Оценка сельским населением материального положения своей семьи, % (по данным опроса населения в 2008 г.)

По оценкам сельскими жителями трудоспособного возраста материального положения своих семей по результатам исследований 2008 и 2002 гг., значительно (в 2,7 раза) сократилась доля бедных и очень бедных (рис. 3.29)¹. Для сравнения: *в 1990-х гг. наблюдалось массовое обнищание сельских жителей*. За 1992–2002 гг. уровень сельской бедности вырос более чем два раза. По оценкам экспертов – руководителей и специалистов региональных и муниципальных органов управления, бедность тогда охватила половину сельских жителей. По данным опроса населения в 2002 г., *с 18 до 41% увеличилась доля бедных семей*, материальное положение которых таково, что им *«средств хватает только на питание»* или они *«еле сводят концы с концами, семья практически голодает»*. Причем доля последней, наиболее неблагоприятной группы выросла в три раза (с 2 до 6%).

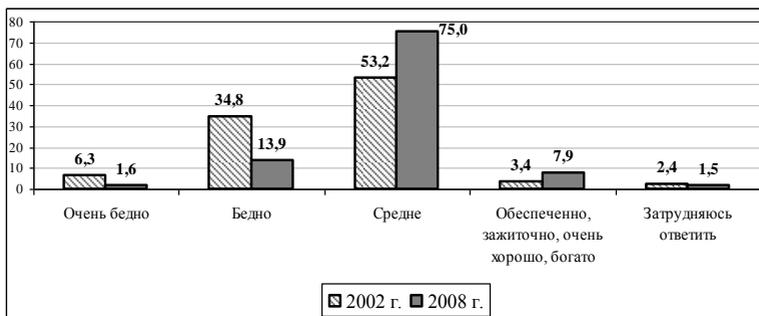

Рис. 3.29. Оценка сельским населением трудоспособного возраста материального положения своей семьи, % (по опросам 2002 и 2008 гг.)

¹ При сравнительном анализе результатов опросов 2008 и 2002 гг. не учитывались ответы респондентов старше трудоспособного возраста, что связано со спецификой выборки 2002 г.

Данные опроса свидетельствуют об *ухудшении материального положения сельских бедных семей за более короткий период, совпадающий с глобальным экономическим кризисом*. Около половины считали, что положение их семей не изменилось *за предыдущие три года; каждый пятый (20,8%) отмечал улучшение материального положения своей семьи*, а ухудшилось оно по мнению 29,2% (причем о значительном ухудшении говорили более половины из них) – рис. 3.30.

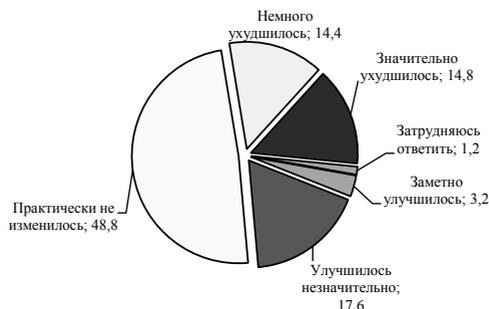

Рис. 3.30. Оценка сельским бедным населением изменений материального положения своей семьи за 2008-2011 гг., % (по данным опроса населения в 2011 г.)

Почти аналогичные оценки мы получили в начале десятилетия для всего сельского населения: в 2002 г. доля семей, чье положение, по их мнению, ухудшилось, составила 28%, улучшивших положение было 20,5%.

Основными причинами улучшения материального положения за 2008–2011 гг. сельские бедные считали прежде всего то, что кто-либо из членов семьи стал больше зарабатывать, появилась дополнительная работа (40,4% ответивших) или вышел на работу (закончившие обучение, безработные и т.п.) – 20,2% (рис. 3.31).

В каждом третьем случае (31,7%) «сработал» и фактор адаптации к меняющимся условиям (*«научились жить по средствам, приспособились к новым условиям»*). Несмотря на кризисные годы, почти для каждого пятого сказалось улучшение конкретной социально-экономической ситуации, в т.ч. на предприятии (*«выплатили задолженность, более регулярно выплачивают зарплату, пенсию и т.п.»*). Более частными случаями, которые коснулись 11,5% ответивших респондентов, являлись получение (увеличение размера) помощи от государства, предприятия и т.п. Редкими являлись такие причины, как получение (увеличение) помощи от родственников, знакомых, а также доходов с семейного подворья и персональных услуг (*«ишли сами одежду, ремонтировали и т.п.»*).

Рис. 3.31. Причины улучшения материального положения семей сельских бедных за 2008-2011 гг., %

К главным причинам ухудшения материального положения две трети ответивших сельских бедных (65,1%) отнесли инфляцию («цены росли быстрее, чем семейные доходы») – рис. 3.32.

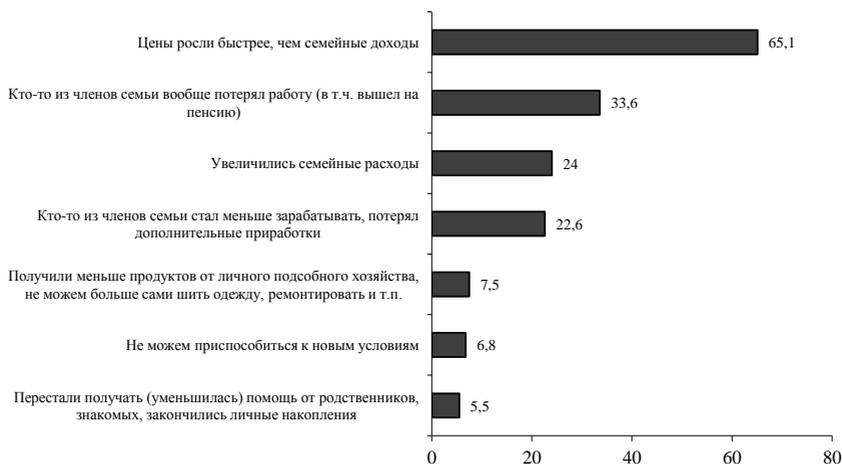

Рис. 3.32. Причины ухудшения материального положения семей сельских бедных за 2008-2011 гг., %

Кризисные годы в экономике коснулись большинства опрошенных: каждый третий ответивший респондент отметил потерю работы или выход на пенсию кого-либо из членов семьи, а также 22,6% – сокращение заработков по основному месту работы, потеря дополнительных приработков. Каждый четвертый респондент связал ухудшение материального положения с ростом семейных расходов в связи с ремонтом, лечением, получением образования, выплатой долгов. Более редкими причинами (5-8% случаев) являлись сокращение продукции личного подсобного хозяйства, доходов от персональных услуг, а также помощи от родственников и знакомых, исчерпание такого источника, как личные накопления. Только 6,8% не смогли, по их словам, приспособиться к новым условиям.

Важнейшими показателями уровня и динамики социально-экономического положения населения являлись оценки **социального настроения и перспектив материального положения семьи. Оценки бедными сельскими жителями ближайших перспектив**, данные ими весной 2011 г. в *целом скорее оптимистичны* (рис. 3.33).

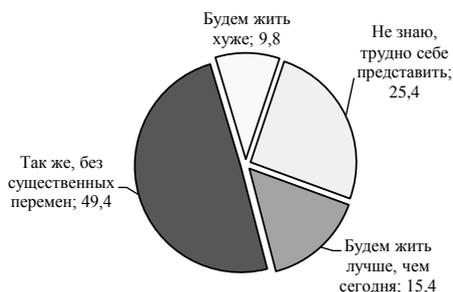

Рис. 3.33. Оценка сельским бедным населением перспектив материального положения своей семьи в ближайший год, % (опрос 2011 г.)

В ближайший год после опроса респонденты предполагали, что их семья будут жить в основном также (49,4%) или лучше, чем сегодня (15,4%). Ухудшения ожидал лишь каждый десятый, а остальные, их более 25%, не представляли, что их ожидает в будущем.

В сравнении с данными опроса всех сельских жителей в 2008 г. результаты социологического опроса бедных в 2011 г. свидетельствуют о довольно значительном росте пессимизма относительно перспектив улучшения материального положения своей семьи (рис. 3.34).

Оценки трех групп респондентов, различающихся материальным положением семьи, существенно разнятся. **Среди обездоленных**, как следовало ожидать, **пессимистичные оценки значительно (в 1,6 раза) перевешивали позитивные** (16,7 против 10,6%), чуть меньше разница между крайними оценками у представителей средней группы бедных (15,2 против 11,1%) и, напротив, **оценки относительно бедных отличались «завидным» оптимизмом**: каждый пятый будет жить лучше и только 3,4% ожидали ухудшения.

Рис. 3.34. Оценка сельским населением перспектив материального положения своей семьи в ближайшие год-два, % (опрос 2008 г.)

Молодые сельские жители были намного более оптимистичны в своих оценках относительно ближайшего будущего: более трети респондентов в 2011 г. были уверены в том, что в следующий год будут жить лучше, чем сегодня (против 13,9% в средней и старшей группе трудоспособного возраста и 4,2% среди пенсионеров), и только 4,7% молодежи считали, что будут жить хуже (против 9,2 и 14,8% представителей двух других возрастных групп, взятых соответственно).

Глубина и динамика бедности отражается на социально-психологическом состоянии бедных селян, что позволяет оценить характеристики их социального настроения, удовлетворенности своим положением. **Оценка бедным сельским населением своего настроения и, как следствие, социально-психологического состояния довольно пессимистична** в сравнении с полученными нами результатами в 2008 г. для всего сельского населения. В 2011 г. **среди бедных на селе было только 15,4% «уверенных оптимистов»** («уверен в настоящем, с оптимизмом смотрю в будущее») (рис. 3.35). Самую большую группу опрошенных (52%) составили те, кто испытывает некоторое беспокойство, неуверенность в своем будущем и будущем своих детей. **Ощущали на момент опроса сильное напряжение, отсутствие какой-либо перспективы, находились «на грани нервного срыва» 14,4% респондентов**, и чуть больше (17,8%) среди бедных селян было равнодушных, испытывающих апатию ко всему.

По опросу 2008 г., «уверенных оптимистов» среди сельских жителей было около четверти (в начале десятилетия менее 20%), заметно меньше было «обеспокоенных» (около 40%, в начале десятилетия – 57%) и «напряженных» (почти каждый десятый, 12,5% в начале 2000-х). Доля «равнодушных» была существенно меньше (каждый десятый) и практически не изменилась с начала десятилетия.

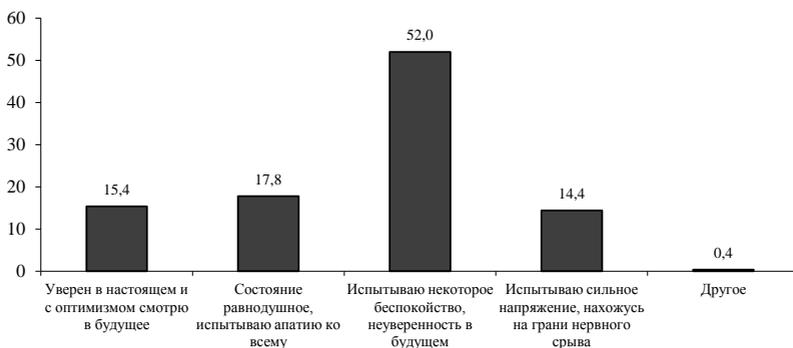

Рис. 3.35. Оценка сельским населением своего социального настроения, % (по данным опроса 2011 г.)

Выявлена существенная прямая зависимость социального настроения бедных селян от материального положения их семей. Среди сельских жителей, различающихся материальным положением семьи, наиболее благополучные оценки социального настроения наблюдались в 2011 г. среди относительно бедных: здесь «уверенных оптимистов» в 2,3 раза больше (17,8% против 7,6), а «напряженных» – почти в 4 раза меньше (9,3% против 36,4). «Обеспокоенность» более характерна для двух относительно благополучных групп, а равнодушные – для средней группы бедных.

* * *

Таким образом, анализ динамики материального положения и социального настроения сельских бедных позволяет сделать вывод о своеобразии проявления российских трендов бедности в сельских сообществах.

1. **Наблюдалось значительное сокращение масштабов сельской бедности в годы экономического роста и ухудшение ситуации лишь в период глобального финансового кризиса. В 2000-х выявлены процессы углубления бедности среди сельских жителей с неблагоприятным материальным положением, выраженные в значительном росте масштабов обездоленности.** По оценке респондентов 2011 г., за последние десять лет обездоленность выросла на 35%, а относительное материальное благополучие сократилось на 9%. За последующие три года после начала экономического кризиса также происходило некоторое ухудшение материального положения бедных сельских семей: доля негативных оценок (29%) выше позитивных (21%).

2. К ухудшению материального положения сельских бедных привели инфляция (65% ответивших), рост безработицы и низкий уровень пенсионного обеспечения (каждый третий), сокращение заработной работы и дополнительных приработков (23%). Среди причин улучшения материального поло-

жения основными являлись рост доходов семьи вследствие повышения заработной платы, дополнительной работы (40%), выхода на работу кого-либо из членов семьи. В 32% случаев «сработал» фактор адаптации к меняющимся условиям («*научились жить по средствам, приспособились к новым условиям*»).

3. Несмотря на то, что *оценки своих ближайших перспектив, данные бедными сельскими жителями, в целом скорее оптимистичны, их социально-психологическое самочувствие довольно-таки неблагоприятно*: напряженность и равнодушие превалируют над «уверенным оптимизмом», причем естественно, что глубина бедности напрямую коррелирует с настроением. В 2011 г. не ожидало изменений около половины респондентов доля надеющихся на улучшение была выше, чем ждущих ухудшения (15 против 10%). Среди обездоленных пессимистичные оценки значительно перевешивали позитивные (17 против 11%). Социальное настроение бедного сельского населения было довольно пессимистично: только 15% «уверенных оптимистов», ощущали сильное напряжение 14% респондентов. Среди обездоленных – 8% «уверенных оптимистов» и 36% «напряженных».

Пугающий пессимизм и бесперспективный взгляд в будущее обездоленных, среди которых немало молодежи, свидетельствуют о необходимости коренных изменений в системе социальной поддержки сельских жителей и социального развития села в целом, создании эффективных «социальных лифтов».

Глава 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ СЕЛЬСКИХ БЕДНЫХ В СФЕРЕ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

Мы полностью разделяем позицию Генерального директора Международного бюро труда в 1999–2012 гг. Хуана Сомавии по поводу того, что «создание для мужчин и женщин возможностей трудиться в условиях свободы, уважения достоинства, социальных гарантий и равенства – наиболее эффективный и устойчивый путь преодоления нищеты»¹. Подобной точки зрения придерживается и большинство опрошенных нами экспертов. Проблемы занятости и безработицы они отнесли к наиболее острым на селе, отсутствие в аграрной экономике рабочих мест с высоким потребительским потенциалом, низкий уровень квалификации и экономической активности сельских жителей являются, по их мнению, главными причинами бедности в российской деревне, а содействие продуктивной занятости – важнейшим механизмом ее преодоления. Приведем наиболее яркие их высказывания на эту тему.

«Основной причиной бедности на селе является, прежде всего, отсутствие рабочих мест. Ликвидировали банки, ликвидировали сберкассы, ликвидировали службы, в которых работала интеллигенция, ликвидировали социальные объекты, в которых работали женщины. Раньше в райцентре была сельхозтехника, была сельхозхимия, был элеватор... Это все были рабочие места. Их ликвидация привела к тому, что село обнищало. Обнищало оно сегодня не только в плане материальном, но и в моральном.... Только труд может победить бедность» – из интервью с экс-министром сельского хозяйства РФ, бывшим главой законодательного органа власти в регионе.

«На первое место я бы поставила проблему безработицы. Коллективные хозяйства распались, а фермерские – не обеспечивают достаточное количество рабочих мест. Тем более, фермеры чаще всего обходятся в работе своей семьей» – из беседы с представителем законодательной власти региона.

«Бедность возникает чаще всего, там, где нет желания каждодневно трудиться, не сформирована потребность трудиться, не сформирована потребность обслуживать себя, и не сформирована ответственность за окружающих, за своих детей, за свою жену, за престарелых родителей. Поэтому человек бедный. И если человек не хочет работать, то на рынке труда он не может найти себе достойного места» – из интервью с представителем исполнительной власти в регионе.

«Единственный способ преодоления бедности – всемерное содействие организации рабочих мест. Другого способа нет и не будет» – из беседы с Уполномоченным по правам человека в регионе.

В настоящей главе мы остановимся на анализе социально-экономического положения и поведения сельских бедных в социально-трудовой сфере.

¹ Somavia J. From poverty to decent work: Bridging the gap [Electronic resource]. – URL: <http://www.reitingi.lv/en/news/darbs/2423.htm>.

По данным социологического исследования 2011 г. среди всех опрошенных бедных сельских жителей доля занятых составила 47% при среднероссийском показателе для сельского населения в этот период 57%. Удельный вес безработных среди бедных селян был более чем в два раза выше по сравнению с аналогичным показателем по России в целом, а экономически неактивного населения – больше на два процентных пункта (п.п). В 2001 г. структура бедных сельских жителей по положению в сфере труда и занятости отличалась от общероссийских индикаторов в значительно меньшей степени – на 2–5 п.п. (табл. 4.1).

За прошедшее десятилетие статус занятости многих опрошенных бедных изменился, на 17% сократилось число занятых, в два раза возросло количество безработных и примерно на 6% увеличилась численность экономически неактивных бедных. Эти изменения были обусловлены, с одной стороны, естественным движением населения, в частности, выходом на пенсию относительно многочисленного поколения 1950-х годов рождения и вступлением в трудоспособный возраст малочисленного контингента родившихся в 1990-е гг., а с другой – сокращением спроса на ресурсы труда и резким увеличением сельской безработицы в кризисный 2009 г. И хотя в последнее время наметилась тенденция снижения сельской безработицы, на категорию бедных она пока не распространилась. По мнению экспертов, бедных первыми увольняют с работы и последними принимают.

Таблица 4.1

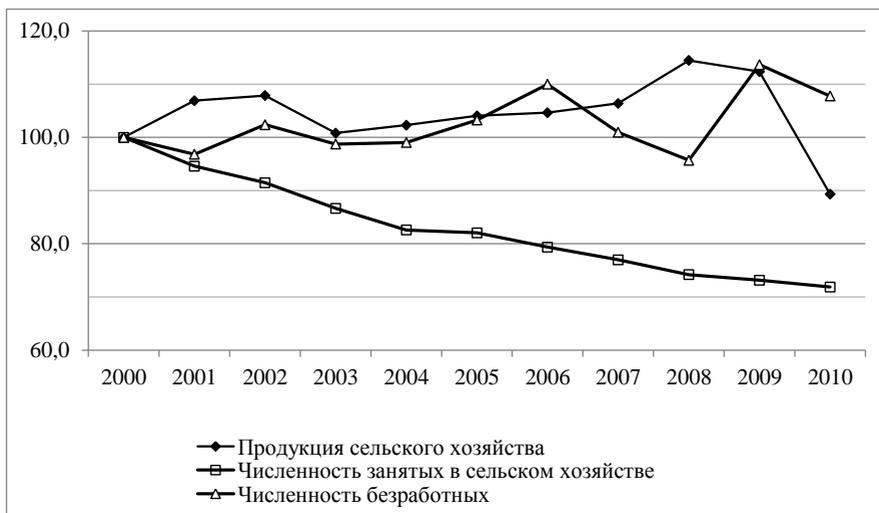
Распределение сельского населения по положению
в сфере труда и занятости, %

Статус занятости	Бедные		Сельское население РФ в целом	
	2001	2011	2001	2011
Занятые	56,2	46,8	54,0	57,2
Безработные	7,6	15,4	6,5	7,0
Экономически неактивное население	36,2	37,8	39,5	35,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: данные Росстата, результаты социологического опроса сельских жителей 2011², оценки и расчеты авторов.

Тренды в динамике абсолютных и относительных показателей занятости, безработицы и экономической неактивности сельских бедных и сельского населения России в целом в основном не совпадали.

Ретроспективный анализ развития аграрной экономики, численности занятых и безработных на селе в 2000–2010 гг. показал, что между ними лишь в отдельные годы наблюдалась логически правильная связь. В основном рост производства происходил при сокращении занятости и (или) увеличении безработицы, а его падение – при снижении безработицы (рис. 4.1).

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Рис. 4.1. Динамика продукции сельского хозяйства, численности занятых и безработных на сельском рынке труда (в % к 2000 г.)

Выявленные парадоксы в определенной мере можно объяснить ростом производительности труда в аграрном секторе экономики страны, накопленными здесь резервами труда в предшествующие годы и желанием предпринимателей в условиях жесткой конкуренции освободиться от излишков рабочей силы, ликвидацией ряда предприятий, а также сохраняющимся острым дефицитом рабочих мест в сельской местности и структурным несоответствием спроса и предложения на сельском рынке труда, а также диверсификацией занятости, переливом рабочей силы из сельского хозяйства в другие отрасли экономики и миграцией трудоспособного населения в города. Необходимо учитывать и тот факт, что примерно 10% сельских безработных, по оценкам экспертов, не хотят работать ни при каких условиях, среди сельских бедных таковых примерно 20%. *«У нас появилась целая когорта людей, которые не работали, не работают и не собираются работать»* – из интервью с Уполномоченным по правам человека в регионе.

Далее мы рассмотрим положение и поведение отдельных групп сельских бедных, различающихся по статусу занятости, в социально-трудовой сфере.

4.1. Характеристика и стратегии поведения занятых бедных

К *занятым* в нашем исследовании отнесены работающие по найму и самозанятые. В структуре работающих бедных селян по статусу занятости, как и для большинства других категорий рабочей силы, наиболее многочисленной группой являются наемные работники, т.е. лица, заключившие договор (контракт, соглашение) об условиях и оплате труда с руководителем

предприятия или организации любой формы собственности или с отдельным физическим лицом. Последние объединяют занятых по найму у предпринимателей без образования юридического лица и занятых оказанием услуг по ведению домашнего и личного подсобного хозяйства, таких как вспашка земли, посадка картофеля и овощей, сбор урожая, заготовка кормов и т.п. Среди опрошенных занятых наемные работники составляли 97%. При этом подавляющее их большинство (80% и более) были оформлены официально по трудовому договору (контракту) на постоянной основе и работали в режиме полного рабочего времени.

В категорию самозанятых включаются работодатели, использующие наемный труд; индивидуальные предприниматели, работающие индивидуально или с привлечением неоплаченного труда членов своих семей; члены производственных кооперативов; неоплачиваемые работники семейных предприятий (помогающие индивидуальным предпринимателям члены их семей). Среди обследуемого нами контингента представители первой группы отсутствуют.

Доля самозанятых невелика. По данным обследования населения по проблемам занятости в разные годы она составляла от 2 до 5%, среди опрошенных бедных она равнялась 3%. Основными причинами их малочисленности являются труднопреодолимые препятствия для занятия индивидуальным бизнесом, в частности непосильное налоговое бремя, обилие административных барьеров, коррупция, макроэкономическая нестабильность в стране. Значительная часть опрошенных самозанятых (более 70%) была зарегистрирована в качестве предпринимателей без образования юридического лица, каждый седьмой имел в собственности предприятие и примерно 14% работали без регистрации и оформления документов. Более половины мелких предпринимателей были заняты в аграрном секторе экономики и строительстве, и их работа носила преимущественно сезонный характер.

Половина респондентов на момент опроса работала в муниципальных и государственных учреждениях, несколько меньше – на предприятиях частного сектора экономики и незначительная их часть (менее 3%) – в общественных, религиозных и других организациях. Структура занятости опрошенных сельских бедных по формам собственности имеет свою специфику. Если среди сельского населения в целом по стране и обследуемым регионам преобладает занятость на частных предприятиях, то среди бедных селян – в организациях государственной и муниципальной собственности. Кроме того, для них характерна повышенная доля занятых в муниципальных учреждениях, более низкая – в акционерных обществах и отсутствие занятости – на предприятиях смешанной с иностранным участием и иностранной собственности.

В распределении респондентов по видам экономической деятельности преобладали занятые охраной, уборкой и отоплением помещений; сельскохозяйственными работами; оптовой и розничной торговлей, ремонтом бытовых изделий и предметов личного пользования (от 11 до 20%). Вторую по рас-

пространенности группу представляли работники, оказывающие образовательные, медицинские и социальные услуги, а также занятые в органах государственного и муниципального управления и финансовой деятельностью (от 6 до 10%). Третья группа объединяла селян, предоставляющих услуги общественного питания, коммунальные и другие услуги (от 1 до 5%) – табл. 4.2. Если анализируемые структурные индикаторы сельских бедных сравнить с аналогичными среднероссийскими и среднерегionalными показателями, то обращает на себя внимание повышенная занятость исследуемой группы населения на предприятиях транспорта, связи и в строительстве; более низкая их доля – в сельском хозяйстве, обрабатывающих производствах и занятых оказанием образовательных и медицинских услуг.

Таблица 4.2

Распределение занятых сельских бедных по видам экономической деятельности, %

Виды экономической деятельности	Занятые
Сельскохозяйственные работы	10,7
Строительные и столярные работы	4,7
Транспорт и услуги связи (связь, ремонт дорог, диспетчер)	11,5
Торговля, ремонт бытовой техники, пошив и ремонт одежды	11,5
Охрана, уборка и отопление помещений	19,7
Услуги общественного питания	4,7
Государственное и муниципальное управление	7,7
Образовательные услуги	9,4
Медицинские и социальные услуги	6,8
Финансовая деятельность	5,6
Сбор, переработка «даров природы» (грибов, ягод, лекарств)	0,0
Не имею опыта работы	0,0
Другое	7,7
Итого	100,0

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., расчеты авторов.

Распределение сельского населения, занятого в экономике, по видам экономической деятельности тесно связано с его профессиональным составом. Профессиональная структура отражает технико-технологическое строение общества и его социальную структуру. Сдвиги в профессиональной структуре показывают направления и темпы экономических, технико-технологических и социальных перемен.

Основными инструментами, которые позволяют анализировать, измерять и сопоставлять профессиональную структуру, являются Международная стандартная классификация занятий (МСКЗ) и разработанный на ее основе Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ)¹. Последний мы используем в нашем исследовании. Он представляет собой систематизированный пере-

¹ Общероссийский классификатор занятий ОК 010-93 (ОКЗ) (утв. постановлением Госстандарта России от 30.12.93 № 298) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kadrovik.ru/docs/08/okz010-93.30.12.93n298.htm>.

чень видов трудовой деятельности и предназначен для решения задач, касающихся регулирования социально-трудовых отношений, оценки состояния и динамики структуры рабочей силы, анализа и прогноза показателей в сфере занятости и профессионального образования.

Классификационной единицей ОКЗ является вид трудовой деятельности (занятие), основу которого составляет квалификация (профессиональное мастерство) и профессиональная специализация. Критерием квалификации является уровень образования (профессиональная подготовка) и опыт (стаж) практической работы, которые в совокупности образуют необходимые предпосылки для выполнения работы определенной сложности. Критерий профессиональной специализации характеризуется сферой приложения труда. На основании этого критерия определяют тип необходимых знаний, умений и навыков, требуемых для выполнения обязанностей и трудовых функций по определенным видам занятий. Его используют в качестве основы при определении видов деятельности, производственных процессов, обрабатываемых сырья и материалов, результатов труда и т.п.

Объектами классификации являются однородные, с точки зрения содержания работ, укрупненные группировки профессий рабочих и должностей служащих.

В соответствии с МСКЗ и ОКЗ выделяют 9 укрупненных профессиональных групп для гражданских занятий и 1 группу для военнослужащих.

1. Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий – руководители и представители государственных органов всех ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной), а также органов местного самоуправления и общественных организаций; руководители предприятий (учреждений, организаций) всех форм собственности и направлений деятельности; руководители структурных подразделений (функциональных и линейных), а также руководители малых предприятий (учреждений, организаций), в том числе по отраслям хозяйства. В нашем исследовании бедности эту группу в основном представляли руководители сельской администрации, начальники отделов соцзащиты, центров занятости, россельхознадзора, директора школ, домов культуры, предприятий, а также заведующие детским садом, столовой, предприниматели, инспектор УФСИН, судебный пристав и другие (табл. 4.3).

2. Специалисты высшего уровня квалификации. Данная группа включает в себя специалистов с высшим образованием научного и инженерного профиля, врачей, учителей, преподавателей вузов и колледжей, бухгалтеров, юристов, экономистов, журналистов, деятелей литературы и искусства, религиозных деятелей, государственных и муниципальных служащих, а также множество других специалистов, профессиональная деятельность которых требует высшего уровня квалификации, т.е. высшего профессионального образования. Из опрошенных бедных селян в нее попали учителя, методисты, социальные педагоги, психологи, библиотекари, агрономы, финансисты и другие.

Таблица 4.3

Профессиональная структура занятых сельских бедных, %

Группы профессий	Профессии	%
1. Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий	Руководители сельской администрации, начальники отделов соцзащиты, центров занятости, Россельхознадзора, директора школ, домов культуры, предприятий, заведующие детским садом, столовой, предприниматели, инспектор УФСИН, судебный пристав и др.	11,3
2. Специалисты высшего уровня квалификации	Учителя, методисты, социальные педагоги, психологи, библиотекари, агрономы, финансисты и другие	15,0
3. Специалисты среднего уровня квалификации	Воспитатели детских садов, медсестры, акушерки, фармацевты, бухгалтеры, работники правоохранительных органов и др.	7,4
4. Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	Секретари, операторы ПК, кассиры и др.	2,5
5. Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	Продавцы, повара и другие работниками общественного питания, парикмахеры, швея и массажистка	14,2
6. Квалифицированные работники сельского лесного, охотничьего хозяйств, рыболовства	Фермер, доярки, сыроделы, зоотехники, лаборанты и др.	6,3
7. Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	Монтажники, сварщики, каменщики, слесари, электромонтеры, связисты, операторы АЗС и др.	7,9
8. Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	Водители, трактористы, машинист тепловоза	10,0
9. Неквалифицированные рабочие	Технички, дворники, сторожа, кочегары, санитарки и др.	23,8
10. Занятые на военной службе	Техник по ремонту боевой и специальной техники и стрелок	0,8
11. Лица, не точно указавшие или не указавшие занятия		0,8
Итого		100,0

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., расчеты авторов.

3. *Специалисты среднего уровня квалификации.* Эту группу представляют специалисты – техники различных конкретных направлений трудовой деятельности, механики, диспетчеры (в том числе авиационные), капитаны и пилоты самолетов, средний медицинский и преподавательский персонал, дилеры, брокеры, агенты, средний персонал административно-управленческой

и торгово-коммерческой деятельности, сферы искусства, работники правоохранительных органов, государственных служб и другие, профессиональные занятия которых требуют, как правило, среднего профессионального образования. Из опрошенных респондентов сюда попали воспитатели детских садов, медсестры, акушерки, фармацевты, бухгалтеры, работники правоохранительных органов и др.

4. *Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием.* В эту группу входят секретари, машинистки, стенографистки, операторы ПЭВМ, служащие библиотек, кодировщики, кассиры, крупье, служащие турфирм и турагентств, и другие служащие, выполняющие расчетные и информационные функции. В нашем исследовании сюда включены секретари, операторы ПК, кассиры и др.

5. *Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности* – повара, официанты, парикмахеры, гиды, проводники, продавцы (в том числе палаток и рынков), пожарные, работники милиции, рабочие жилищно-коммунального и зеленого хозяйства и другие. Специфика этой группы занятий состоит в том, что она включает в себя как занятия служащих, так и профессии рабочих, относящиеся к определенным видам трудовой деятельности. В обследовании бедных она представлена продавцами, поварами и другими работниками общественного питания, также в нее вошли парикмахеры, швея и массажистка.

6. *Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбководства и рыболовства* – товарные производители сельскохозяйственной продукции, работники лесного, рыбного хозяйства. Сюда попали фермер, доярки, сыроделы, зоотехники, лаборанты и др.

7. *Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр.* В рассматриваемую группу входят все профессии квалифицированных рабочих, предполагающие наличие специальной профессиональной подготовки и опыта практической работы. Для ряда профессий данной группы необходимая квалификация приобретается на базе среднего профессионального образования. Из опрошенных селян в эту группу попали монтажники, сварщики, каменщики, слесари, электромонтеры, связисты, операторы АЗС и другие.

8. *Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин.* Рабочие этой группы осуществляют управление и контроль за работой промышленных установок, машин и оборудования, управляют автоматическими и полуавтоматическими сборочными линиями и промышленными роботами, осуществляют сборку готовой продукции, вождение и обслуживание различных транспортных средств и др. Выполнение подобных работ требует, как правило, профессионального обучения на базе основного общего или среднего (полного) общего образования. Для ряда профессий данной классификационной группы необходимая квалификация достигается в процессе получения

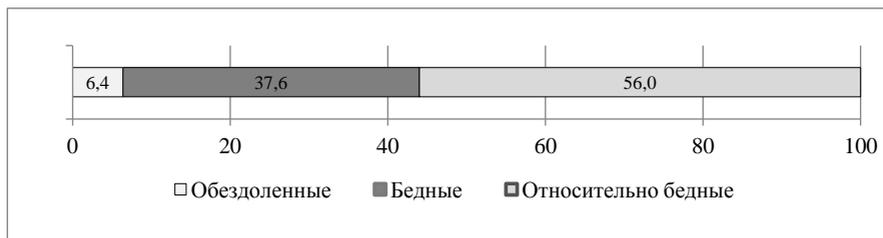
среднего профессионального образования. В нашем исследовании в нее вошли водители, трактористы, машинист тепловоза.

9. *Неквалифицированные рабочие* – занятые выполнением простых механических работ, в основном связанных с использованием ручных инструментов и требующих определенных физических усилий и затрат. Данная группа профессий (занятий) характеризуется низким уровнем квалификации, что соответствует наличию основного общего или среднего (полного) общего образования и индивидуального обучения профессиональным навыкам на рабочем месте. Эту группу представляют технички, дворники, сторожа, кочегары, санитарки и др.

10. *Занятые на военной службе*, к ним отнесены все должности, профессии и занятия, относящиеся к вооруженным силам страны. Из опрошенных респондентов в рассматриваемую группу попали техник по ремонту боевой и специальной техники и стрелок.

Для профессиональной структуры сельских бедных было характерно преобладание носителей профессий неквалифицированного труда (примерно 24%), высокая доля специалистов высшего уровня квалификации, работников сферы обслуживания, торговли и ЖКХ, руководителей всех уровней управления (11–15%), значимая доля приходится на операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин, квалифицированных рабочих сельского и лесного хозяйства, специалистов среднего уровня квалификации (6–10%), низкая доля работников, занятых подготовкой информации, оформлением документов, учетом и военнослужащих (0,7–2,5%).

В распределении занятых по уровню бедности преобладали относительно бедные, на них приходилось около 56%, доля бедных составляла 38%, а обездоленных – 6% (рис. 4.2).

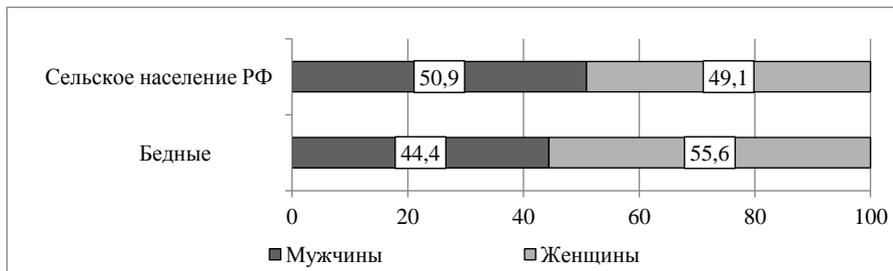
Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

Рис. 4.2. Распределение занятых сельских бедных по уровню бедности, %

Абсолютные и относительные индикаторы занятости отдельных групп бедных существенным образом были дифференцированы в зависимости от их демографических характеристик, уровня образования, места жительства.

Самые крупные социально-демографические группы, представленные на рынке труда, – это мужчины и женщины. Среди опрошенных занятых

бедных доля мужчин составляла 44%, а женщин – 56%, при среднероссийских показателях – 51 и 49% соответственно (рис. 4.3).

Источник: данные Росстата, результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

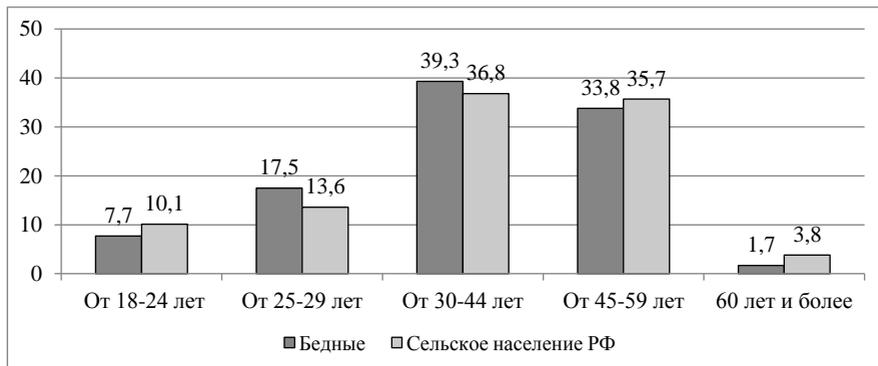
Рис. 4.3. Распределение занятого сельского населения по полу в 2011 г., %

Повышенная экономическая активность бедных женщин вызвана традиционно сложившимся высоким уровнем их занятости и образования, сформировавшейся системой ценностей, экономической необходимостью занятости женщин в связи с отсутствием работы у мужчин или низким уровнем оплаты их труда, а также спецификой структуры рабочих мест на локальных рынках труда.

Среди возрастных групп бедных наименьшей занятостью отличались лица крайних возрастных групп 18–24 лет и 60–72 лет. Первая группа объединяла преимущественно учащихся и студентов системы общего и профессионального образования. Вторую группу представляли в основном пенсионеры. Экономическая активность этой группы в значительной степени определяется ее возрастными особенностями: снижением физических возможностей и ухудшением здоровья, высоким уровнем профессиональных знаний и наличием большого практического опыта, повышенной терпимостью к сложившемуся уровню оплаты труда при недостаточном размере пенсий.

Наивысшая экономическая активность характерна для населения в возрасте 30–44 лет. К тридцати годам молодые люди, как правило, определяют профессионально, достигают желаемого уровня образования и квалификации, занимают относительно устойчивое место в сфере занятости. Данная возрастная группа несет основную трудовую нагрузку в обществе, обладает наивысшей квалификацией и производительностью.

Возрастная структура опрошенных бедных отличалась от аналогичной структуры занятого населения России. Среди работающих бедных несколько ниже была доля молодежи в возрасте до 24 лет и доля лиц старшего трудоспособного и пенсионного возрастов, но выше был удельный вес занятых в возрасте 25–29 и 30–44 лет (рис. 4.4). В целом средний возраст занятых бедных составлял 39 лет. Это на 1 год ниже, чем в целом работающего сельского населения Российской Федерации.

Источник: данные Росстата, результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

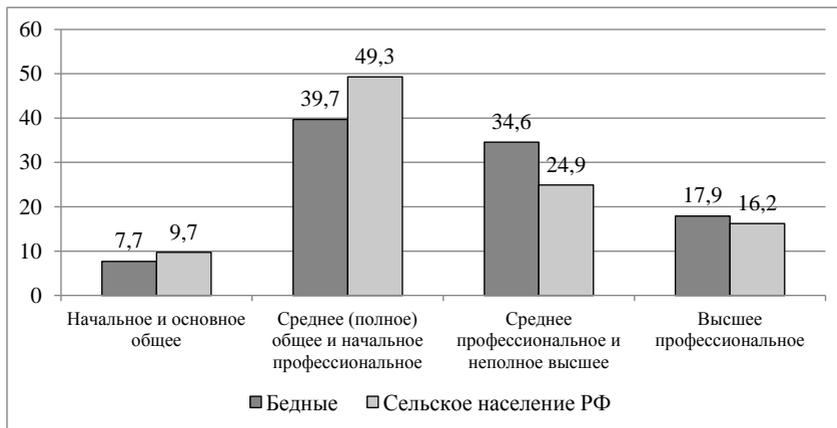
Рис. 4.4. Распределение сельских занятых по возрасту, %

Уровень образования оказывает неоднозначное воздействие на положение человека в сфере труда и занятости. С одной стороны, с повышением уровня образования снижается риск потери работы, с другой (в случае ее потери), наличие профессионального образования может как помочь индивиду найти подходящую работу, так и препятствовать его быстрому трудоустройству, поскольку с повышением уровня образования возрастают требования человека к условиям и оплате труда, и кроме того, увеличиваются издержки, связанные с переподготовкой рабочей силы. Вместе с тем высокообразованные люди, потеряв работу, не прекращают ее поиска и крайне редко переходят в состав экономически неактивного населения.

Анализ коэффициентов занятости бедных респондентов в зависимости от образования позволяет сделать вывод о том, что чем выше уровень их образования, тем выше уровень занятости и экономической активности. Исключение составляют лица с неполным высшим профессиональным образованием, основным занятием которых является учеба в вузах. В годы реформ низкоквалифицированные работники, которых среди бедных селян примерно четверть, в первую очередь вытеснялись с рынка труда как в результате ликвидации соответствующих рабочих мест, так и замещения последних более квалифицированными работниками. Массовым стало явление, когда лица с высшим образованием стали продавцами, экспедиторами, кладовщиками, операторами и т.п.

В распределении работающих бедных по уровню образования доминировали лица со средним (полным) общим, начальным профессиональным и средним профессиональным образованием. Подобная картина наблюдалась и в образовательной структуре сельского населения России в целом, доля второй образовательной группы среди бедных была на 10 п.п. ниже, а третьей – 10 п.п. выше. Относительные показатели крайних групп отличались несущественно (рис. 4.5).

Поселенческая структура занятых сельских бедных существенно отличалась от подобной структуры сельского населения России. Более 75% респондентов проживало на момент опроса в населенных пунктах численностью более 1000 человек, в то время как в России в целом в таких поселениях было сконцентрировано немногим более половины сельских жителей.

Источник: данные Росстата, результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

Рис. 4.5. Распределение сельских занятых по уровню образования, %

В новейшей истории России произошло снижение социальной защищенности работников наемного труда. Это проявилось в неисполнении и нарушении действующего трудового законодательства со стороны работодателей, отсутствии эффективных институтов и механизмов государственного и общественного контроля за действиями работодателей в частном секторе, формировании и закреплении «теневых» трудовых отношений. Результатом подобных нарушений явились бесправное положение наемных работников и отсутствие для них гарантий в таких сферах как оплата и условия труда, режим работы, процедуры приема и увольнения и т.п. Широкое распространение получили произвольное установление уровня оплаты труда, зачастую не соответствующего реальному трудовому вкладу, штрафные санкции как мера дисциплинарного воздействия, ненормированный рабочий день без компенсации за сверхурочные работы и работу в праздничные и выходные дни, отсутствие предварительного уведомления об увольнении, отказ в предоставлении очередного отпуска и выплате денежной компенсации в период временной нетрудоспособности, нарушении правил по технике безопасности и гигиене труда. По мнению экспертов, «на селе у бедняков вообще никаких прав нет. Раз у него нет средств к существованию – ему можно диктовать абсолютно любые условия». Последствия нарушения трудовых прав для сельских бедных особенно тяжелые.

Одной из главных причин бедности работающих селян является низкая цена рабочей силы на рынке труда. Только две пятых респондентов считали,

что получаемые ими трудовые доходы справедливы и соответствуют их квалификации. Остальные опрошенные были недовольны тем, как вознаграждается их труд, и считали размер своего трудового дохода низким и не соответствующим их трудовому вкладу, профессиональному образованию и практическому опыту (табл. 4.4). Примерно 20% из них считали справедливым для себя уровень вознаграждения за труд от 4 до 10 тыс. рублей, 56% – от 10 до 20 тыс. рублей, 24% – от 20 до 50 тыс. рублей. Средний желаемый уровень трудового дохода для бедных селян составлял 14 тыс. рублей. Среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве России в 2011 г. была равна 12,5 тыс. рублей.

Наряду с низкой оплатой труда каждый восьмой работник сталкивался с задержкой по ее выплате, каждый двенадцатый – привлекался к неоплачиваемым или частично оплачиваемым сверхурочным работам, а каждому пятидесятому заработная плата выплачивалась в натуральной форме. В среднем задолженность по заработной плате составляла 3 месяца. При ее возникновении примерно треть работников вели себя пассивно, остальные предпринимали определенные действия: обращались к директору своего предприятия или сельскую администрацию, искали другую основную или дополнительную работу, развивали личное подсобное хозяйство и собирали «дары природы», брали деньги в долг у друзей и родственников и расходовали свои сбережения. Доля натуроплаты в трудовых доходах опрошенных варьировала от 0 до 100% и составляла в среднем 5%.

Низкий уровень оплаты труда, ее многомесячные задержки, выплата в натуральной форме не позволяли большинству сельских бедных обеспечить качественное питание, полноценный отдых, хорошее медицинское обслуживание, покупать необходимую одежду, товары длительного пользования, решать жилищные проблемы, оплачивать обучение детей, что в конечном счете приводило к сокращению человеческого потенциала. Низкая заработная плата – фактор, способствующий уменьшению налогооблагаемой базы, устранению стимулов к повышению эффективности производства, а также деградации системы общего и профессионального образования, поскольку нет смысла тратить время, силы и средства на приобретение высокой квалификации, не находя ей впоследствии применения или получая мизерную заработную плату. В конечном счете заниженная цена живого труда ведет к разрушению человеческого капитала.

В конструктивном плане в основе цены рабочей силы должна лежать ее стоимость. В качестве наиболее точной оценки последней мог бы служить рациональный потребительский бюджет, определяемый как набор благ и услуг, необходимый для обеспечения жизнедеятельности работника и членов его семьи в соответствии с научно обоснованными нормами. Однако из-за отсутствия официальных данных о его величине, а также в силу достаточно разноречивых оценок неофициальных источников стоимость рабочей силы можно определить лишь приблизительно.

Таблица 4.4

Распределение сельских бедных по ответам на вопросы о социальных проблемах, с которыми они сталкиваются на работе

Проблемы в области оплаты труда	%	Проблемы в области условий труда	%	Проблемы в области обеспечения социальных гарантий	%
Задержки по выплате заработной платы	13,2	Физически тяжелая работа	22,7	Невыплаты по больничным листам	6,7
Установление необоснованно низкой заработной платы	54,7	Вредные условия труда	13,8	Отсутствие медицинского полиса	3,8
Выплата заработной платы преимущественно в натуральной форме	1,8	Высокая интенсивность труда	18,8	Отсутствие пенсионного страхования	5,3
Неоплачиваемая или частично оплачиваемая сверхурочная работа	8,4	Работа без выходных, отпусков, сокращенный отпуск	7,2	Невыплата компенсаций при производственных травмах	2,9
Несвоевременная выплата отпускных	11,1	Отсутствие работы, частые простои, сокращенный рабочий день (неделя)	3,5	Отсутствие трудового договора	5,7
		Несоблюдение правил по технике безопасности	3,3		

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г. и расчеты авторов.

Итак, по данным социологического опроса бедных селян, более 50% респондентов указало на несправедливо низкий уровень вознаграждения за труд, отметив, что он не соответствует их трудовому вкладу и квалификации. Примерно 13% опрошенных наемных работников испытали на себе практики задержек по выплате заработной платы, 8% выполняли неоплачиваемую или частично оплачиваемую сверхурочную работу, 3% принудительно работали в режиме сокращенного рабочего дня (недели) или отправлялись в неоплачиваемый отпуск, в то же время каждому двадцатому было отказано в предоставлении очередного отпуска. Около 3% респондентов сталкивались с несоблюдением норм безопасности труда и лишь 5% наемных работников при поступлении на работу обсуждали с работодателем или его представителем условия и размер оплаты труда. В целом с несоблюдением конституционных гарантий в сфере труда и занятости столкнулось около 70% опрошенных сельских бедных.

Вместе с тем о нарушении своих трудовых прав заявили лишь 10% респондентов, что свидетельствует о низкой правовой культуре бедных селян. Соответственно, низка их активность по защите этих прав. При несоблюдении социальных гарантий в сфере труда ни один респондент не обращался в суд или прокуратуру, единицы опрошенных пытались прибегнуть к помощи сельской администрации и 14% – к руководству предприятия.

Распространению неправовых социальных практик во многом способствовало развитие латентных форм занятости. В научных публикациях разброс масштабов нерегистрируемой занятости варьирует от 8 до 40%. В рамках нашего исследования сельских бедных косвенно о распространении теневых социально-трудовых отношений можно судить на основе таких явлений как устройство на работу по устной договоренности (6% опрошенных), отсутствие медицинского полиса и пенсионного страхования (7%), деятельность самозанятых без регистрации и оформления документов (14%) и т.п. По мнению экспертов, скрытыми формами занятости охвачено на селе около 30% экономически активного населения, а по данным Обследования населения по проблемам занятости – примерно четверть.

В системе ценностей наиболее важным в трудовой деятельности для бедных селян являлись трудовые доходы (их размер и регулярность выплаты), эту альтернативу выделили почти 70% респондентов. Второе и третье места по значимости разделили условия и режим труда и возможности квалификационного и карьерного роста (11–12%). Далее в порядке убывания значимости идут социально-психологический климат в коллективе, социальные льготы, предоставляемые работниками на предприятии, содержание труда и возможность реализации своего творческого потенциала.

Подавляющее число респондентов трудились много лет. При среднем стаже работы 17 лет почти 73% опрошенных работали более 10 лет и лишь 6% – менее 2 лет. Оценивая перспективы своей занятости, только треть респондентов были уверены в стабильности своей работы и не испытывали тревогу потерять ее, более 50% имели некоторые опасения относительно сво-

ей занятости в будущем и 7% постоянно боялись потерять работу. Ответы респондентов на вопрос о желании или нежелании в ближайшей перспективе сменить работу по собственной инициативе распределились примерно поровну.

Оценивая свое психологическое состояние, лишь 17% работающих бедных заявили, что они уверены в настоящем и с оптимизмом смотрят в будущее, более 60% испытывали некоторое беспокойство и неуверенность в будущем, каждый двенадцатый находился в состоянии апатии, равнодушия, а каждый десятый – на грани нервного срыва.

4.2. Комплексная оценка положения и активности бедных безработных и экономически неактивных

К *безработным* в нашем исследовании отнесены лица, которые на момент опроса не имели постоянной работы, искали работу и готовы были к ней приступить. Уровень безработицы среди опрошенных сельских бедных составлял 24,8% (это в 2,5 раза выше по сравнению со среднероссийским показателем на сельском рынке труда в 2011 г.), а темп его роста за 10 лет превысил 200%. При этом рост безработицы только на четыре пятых компенсировал абсолютное сокращение занятости, значительная часть бывших занятых выбыла с рынка труда, пополнив «армию» экономически неактивного населения.

Между динамикой сельской безработицы и объемами производимой сельскохозяйственной продукции только в 2001–2002 гг. и 2006–2009 гг. наблюдалась теоретически правильная отрицательная связь, в другие годы исследуемого периода логика знака была нарушена, связь была положительная, рост безработицы происходил при росте аграрной экономики, а ее падение – при сокращении производства (см. рис. 4.1).

Исключение экономически активного населения из сферы занятости является острой социальной проблемой. Безработица приводит к снижению доходов, потере квалификации и трудовых навыков, ухудшению здоровья, ограничению круга общения, ощущению своей бесполезности, нравственной и психологической деградации личности. По оценкам западных ученых рост безработицы на 1% вызывает увеличение числа убийств на 5,7%, самоубийств – на 4,1%, заключенных – на 4%, пациентов психиатрических клиник – на 3,5%.

Примерно 90% бедных безработных ранее имели оплачиваемую работу. Треть из них были заняты сельскохозяйственными работами, примерно 15% – в строительстве и торговле, и около 10% – охраной, уборкой и отоплением помещений (табл. 4.5).

Почти половина безработных были уволены с последнего места работы по экономическим причинам, т.е. в связи с сокращением штата, ликвидацией предприятия, закрытием собственного дела и завершением работы по срочному договору (контракту). При этом подавляющее большинство респондентов (52%) лишились работы по причине закрытия предприятия. По мнению

респондентов, в первую очередь увольняли молодежь и женщин с маленькими детьми.

Около 28% опрошенных уволились с работы по собственному желанию, их не устраивали низкий уровень зарплаты и задержки по ее выплате, вредные условия и интенсивность труда, частые простои и ненормированный рабочий день, часть опрошенных покинули работу по семейным обстоятельствам.

Таблица 4.5

Распределение безработных сельских бедных по видам экономической деятельности, %

Виды экономической деятельности	Безработные
Сельскохозяйственные работы	33,3
Строительные и столярные работы	14,5
Транспорт и услуги связи (связь, ремонт дорог, диспетчер)	2,9
Торговля, ремонт бытовой техники, пошив и ремонт одежды	13,0
Охрана, уборка и отопление помещений	8,7
Услуги общественного питания	4,3
Государственное и муниципальное управление	1,4
Образовательные услуги	2,9
Медицинские и социальные услуги	0,0
Финансовая деятельность	0,0
Сбор, переработка «даров природы» (грибов, ягод, лекарств)	4,3
Не имею опыта работы	4,3
Другое	10,4
Итого	100,0

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., расчеты авторов.

Стратегии поведения бедных безработных на рынке труда весьма разнообразны: одни из них искали любую подходящую работу, другие – работу по специальности, третьи – в поисках работы уезжали в другие села и города, и незначительная их часть пытались открыть собственное дело. Наиболее массовой была первая стратегия, ее осуществляли порядка 40% опрошенных, а наименее – последняя (1%). Две другие стратегии поведения были распространены в равной мере и характерны для 24% безработных.

Эффективному поиску работы по мнению респондентов мешало прежде всего отсутствие на селе рабочих мест по специальности, с нормальным уровнем оплаты труда и регулярной ее выплатой, недостаточный уровень профессионального опыта, образования и квалификации самих безработных, неблагоприятная экономическая обстановка в стране, а также трудности в организации собственного дела, состояние здоровья и возраст опрошенных. Во время поиска работы безработные чаще всего обращались в государственную службу занятости, непосредственно на предприятия, к родным и близким. Ответы на вопрос о каналах поиска нового рабочего места между перечисленными выше распределились примерно поровну. Вместе с тем зна-

чимая часть безработных респондентов (примерно треть) вели себя пассивно и работу не искали.

Для большинства опрошенных была характерна долговременная безработица. Более 70% из них не имели работы более 1 года, около 25% – от 3 до 8 месяцев, и примерно 5% – менее 3 месяцев. Заметим, что в 2011 г. в ситуации хронической безработицы находилось около 35% «мотовских» сельских безработных и 14% официально зарегистрированных безработных в сельской местности.

Долговременная безработица является острой социальной проблемой современного рынка труда. Она ведет к деградации рабочей силы и ускоренному обесцениванию человеческого капитала, росту бедности и усилению экономического неравенства, ослаблению мотивации к поиску работы. Кроме того, хроническая безработица не выполняет функций антиинфляционного сдерживания и согласования спроса и предложения на рынке труда. Многочисленные исследования показывают, что вероятность выхода из безработицы снижается по мере роста ее продолжительности. Масштабы экономических лишений, испытываемых хроническими безработными, во многом зависят от размера пособия по безработице и условий его назначения. При регламентации последних важно найти компромисс между необходимостью сохранения у неработающих лиц стимулов к поиску работы и стремлением помочь им в решении насущных материальных проблем.

В центрах занятости были зарегистрированы порядка 40% бедных безработных. В качестве господдержки они получали пособие по безработице, часть из них прошли профессиональное обучение и получили разовую материальную помощь. Около 60% безработных респондентов не состояли на учете в государственной службе занятости. Более половины опрошенных из последней категории не желали получать статус безработного, 17% не регистрировались из-за мизерного размера пособия по безработице, по 11% – из-за удаленности центров занятости (их транспортной недоступности) и отсутствия основания для получения статуса безработного, от 2 до 6% – по причине плохого здоровья, трудностей с оформлением документов, отсутствия российского гражданства.

В распределении безработных по полу преобладали мужчины, их доля составляла 55% от всех безработных респондентов (табл. 4.6).

Таблица 4.6

Распределение безработных и экономически неактивного сельского населения по полу, %

	Бедные		Сельское население РФ	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Безработные	54,5	45,5	55,7	44,3
Экономически неактивное население	45,0	55,0	38,0	62,0

Источник: данные Росстата, результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

В возрастной структуре этой категории бедных наиболее многочисленными являлись группы населения от 30 до 45 лет и от 46 до 59 лет включительно, т.е. в среднем и старшем трудоспособном возрастах, а наименее – от 18 до 24 лет и от 25 до 29 лет, т.е. молодежь. Доля безработной сельской молодежи на российском рынке труда была в 1,6 раза выше, а безработных средних возрастов – в 1,4 раза ниже (табл. 4.7).

Как и в целом по сельской России, самую массовую образовательную группу среди безработных представляли лица со средним (полным) общим и начальным профессиональным образованием, а самую малочисленную – лица с высшим профессиональным образованием. Отличие образовательной структуры бедных сельских безработных состоит в повышенной доли среди них лиц с начальным и основным общим образованием и более низкой долей лиц со средним полным и начальным профессиональным образованием (табл. 4.8).

Таблица 4.7

Распределение сельских безработных и экономически неактивного сельского населения по возрасту, %

	От 18-24 лет	От 25-29 лет	От 30-44 лет	От 45-59 лет	60 лет и более
<i>Безработные</i>					
Бедные	13,0	11,7	41,6	33,8	0,0
Сельское население РФ	25,2	15,0	30,6	27,2	2,0
<i>Экономически неактивное население</i>					
Бедные	10,6	4,8	6,9	18,5	59,3
Сельское население РФ	33,7	4,4	10,8	20,9	30,2

Источник: данные Росстата, результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

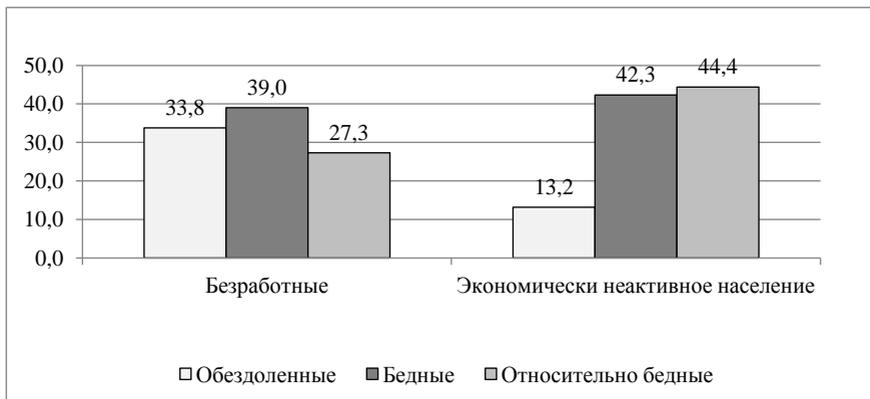
Таблица 4.8

Распределение сельских безработных и экономически неактивного сельского населения по уровню образования, %

	Начальное и основное общее	Среднее (полное) общее и начальное профессиональное	Среднее профессиональное и неполное высшее	Высшее профессиональное
<i>Безработные</i>				
Бедные	26,0	45,5	20,7	7,8
Сельское население РФ	16,6	59,2	16,3	7,8
<i>Экономически неактивное население</i>				
Бедные	38,6	31,2	25,4	4,8
Сельское население РФ	26,8	46,9	15,7	10,6

Источник: данные Росстата, результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

В составе безработных по семейному положению 57% приходилось на лиц, состоящих в браке, и, соответственно, 43% – на одиноких. Подавляющее число безработных респондентов приживали в Алтайском крае в крупных поселениях. В распределении безработных по степени бедности преобладали обездоленные и бедные (рис. 4.6).

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., оценки и расчеты авторов.

Рис. 4.6. Распределение сельских безработных и экономически неактивного сельского населения по уровню бедности, %

Для сельской безработицы характерны значительные сезонные колебания, обусловленные, с одной стороны, сезонной спецификой большинства сельскохозяйственных работ, а с другой – особенностями экономического поведения безработных в разные периоды года. Так, в 2010 г. размах вариации помесячных показателей официально зарегистрированной безработицы в сельских районах Алтайского края составил 14 тыс. человек, при этом наибольшее количество безработных наблюдалось в апреле месяце, а наименьшее – в октябре. Заметим, что в городах края значение аналогичного показателя было менее 4 тыс. человек.

В анализируемый период широкое распространение получила скрытая безработица. Вынужденной неполной занятостью было охвачено около 35% занятых бедных.

Безработица негативно сказывается на психическом и физическом здоровье населения. По данным социологических опросов, от 40 до 75% различных категорий безработных испытывают чувства разочарования, одиночества, обиды, ненужности, беспокойства, неуверенности, отчаяния. У них появляется бессонница, депрессия, раздражительность, снижение жизненного тонуса, нервное перенапряжение. В этих условиях наряду с поддержкой доходов безработных необходимо более активно осуществлять меры, направленные на улучшение их физического и психического самочувствия, устранение социальной изоляции.

Экономически неактивное население в нашем исследовании представляли пенсионеры, учащиеся и студенты системы общего и профессионального образования, а также инвалиды и сельские бедные, занятые только в личном подсобном и домашнем хозяйствах. Доля экономически неактивного населения в общей численности опрошенных бедных составляла 38%, что на 3 п.п. выше среднероссийского показателя. Если по сравнению с 2001 г. для сельского населения России в целом она заметно сократилась, то для опрошенных бедных – возросла. Подобным образом изменялась и численность рассматриваемой группы населения.

Самой многочисленной категорией среди экономически неактивного бедного населения являлись пенсионеры, их удельный вес превышал 70%. Сельские жители, занятые только в ЛПХ, составляли 14%, а студенты и учащиеся – 10%. Соответственно, в возрастной структуре этой группы бедных преобладали лица старших возрастов групп (см. табл. 4.7), а в их распределении по полу – женщины (на 100 мужчин приходилось 122 женщины). Соотношение мужчин и женщин среди бедных экономически неактивных селян было несколько лучше, чем в среднем по селу России (см. табл. 4.6). В силу этого здесь было несколько больше и лиц, состоявших в браке, по сравнению с другими категориями сельского населения.

Экономически неактивные бедные характеризовались более низким уровнем образования. Самой представительной группой среди них являлись лица с начальным и основным общим образованием (см. табл. 4.8). Их поселенческая структура несущественно отличалась от других бедных.

В распределении экономически неактивного населения по степени бедности преобладали относительно бедные (см. рис. 4.6), поскольку основная их часть имела постоянный доход – пенсию. По мнению одного из экспертов, *«в селе бедные пенсионеры являются самым главным финансовым содержанием семьи, и вокруг пенсии бабушки живут целые семьи, поскольку другого дохода практически больше нет»*.

4.3. Адаптационные стратегии сельских бедных

Одной из стратегий выживания бедных сельских жителей в 2000-е гг. стала *дополнительная занятость*. По данным Росстата, дополнительную работу в отдельные годы имели от 3 до 7% сельских жителей. Оценки этого явления населением и экспертами колеблются от 12 до 30%. Среди опрошенных нами бедных селян дополнительную работу, исключая занятость в ЛПХ, имели 20% респондентов. Их средний возраст составлял 40 лет. Около 80% лиц, имеющих подработку, проживали в Алтайском крае и 70% – в крупных (более 1000 человек) поселениях. На 100 женщин, имеющих дополнительную работу, приходилось 127 мужчин, 56% лиц, имеющих подработку, состояли в браке. В распределении бедных сельских жителей по статусу занятости на дополнительной работе преобладали самозанятые и работающие по найму у физических лиц (80%), по уровню образования – лица со средним (полным) общим и начальным профессиональным образованием (43%), по

степени бедности – относительно бедные (около 50%). Наблюдалось примерно равное распределение дополнительных рабочих мест между квалифицированными и неквалифицированными работами.

Основными сферами приложения дополнительного труда являлись сельскохозяйственные и строительные работы, охрана, уборка и отопление помещений, оказание транспортных, коммунально-бытовых и социальных услуг населению, торговля, сбор и переработка «даров природы». В свободное от основной работы время бедные сельские жители занимались обработкой земли и сбором урожая (26% респондентов, имевших подработку), ремонтом и строительством домов и надворных построек (24%), охраной, уборкой и отоплением помещений (19%), сбором и переработкой грибов и ягод (7%), частным извозом, торговлей, ремонтом бытовой техники, пошивом и ремонтом одежды и обуви (по 6%), оказанием образовательных и медицинских услуг, а также услуг общественного питания (по 5%) – табл. 4.9.

Таблица 4.9

Основные виды дополнительной занятости сельских жителей

Виды дополнительных работ	% к числу опрошенных, имевших подработки
Сельскохозяйственные работы	26,0
Строительные и столярные работы	24,0
Транспортные услуги	6,0
Торговля	6,0
Охрана, уборка и отопление помещений	19,0
Рукоделие, пошив и ремонт одежды и обуви, ремонт бытовой техники	6,0
Сбор и переработка даров природы	7,0
Образовательные и медицинские услуги	5,0
Услуги общественного питания	5,0
Коммунальные услуги	4,0

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., расчеты авторов.

По результатам предыдущих социологических опросов (2002 и 2008 гг.) в основном дополнительная занятость носит кратковременный и нерегулярный характер. Более половины сельских жителей, имеющих дополнительную работу, были заняты ею эпизодически, 36% – регулярно, преимущественно в период сельскохозяйственных работ, и только 13% – постоянно. Оплата дополнительного труда осуществлялась в разных формах. За оказанные услуги сельские жители наряду с деньгами, а иногда и вместо них, получали: продукты питания, спиртные напитки, корма, молодняк скота и др.

Приведем некоторые высказывания селян относительно своей дополнительной работы:

– «Летом я занимаюсь огородом, свиньями, курами, а зимой обшиваю соседей, знакомых, естественно, за плату».

– «Я летом колымлю – хожу сам, как частник, делаю ремонты, строю все, что просят».

–«Занимаюсь продажей косметики, являюсь консультантом по пространению».

–«Платили бы в хозяйстве хорошие деньги, нигде бы больше не работал».

По оценкам сельских бедных доля доходов от дополнительной занятости в их семейном бюджете составляла 36%, и более половины сельских жителей, имеющих подработки, намерены заниматься ими в перспективе.

Менее распространенной адаптационной стратегией сельских бедных являлось отходничество. По данным социологического опроса, в работе на выезде участвовало 2,5% бедных. Подавляющая их часть выезжали на работу в райцентры и города своих регионов. Большинство из них были заняты в сфере торговли и строительстве.

Самой массовой стратегией поведения бедного сельского населения в анализируемый период стало активное развитие *личного подсобного хозяйства*. Согласно данным социологического опроса 2011 г., подсобное хозяйство имели более 70% респондентов, из них у 7% другой занятости не было. В социально-демографической и поселенческой структурах бедных селян, имеющих ЛПХ, преобладали женщины, лица в среднем и старшем трудоспособном возрасте, проживающие в Алтайском крае, крупных поселениях, находящиеся в браке и имеющие среднее (полное) общее, начальное и среднее профессиональное образование. Примерно половина опрошенных владельцев ЛПХ входили в группу относительно бедных, 40% представляли группу бедных и 10% – обездоленных.

Доля доходов от ЛПХ в семейном бюджете бедных колебалась от 0 до 80% и в среднем составляла 11%. Примерно 12% опрошенных являлись владельцами высокотоварных хозяйств, т.е. более половины произведенной продукции они продавали, около 25% продавали излишки сельхозпродукции в объеме менее 50% от произведенной, а 63% всю продукцию ЛПХ потребляли сами.

В составе семейных подворий, как правило, имелись: земельный участок (о его наличии заявили 70% респондентов), коровы, свиньи, птица. В ряде хозяйств также держали овец, коз, лошадей, пчелосемьи – табл. 4.10. На своих участках селяне в основном выращивали картофель, овощи, фрукты и ягоды.

На фоне разорения многих коллективных хозяйств личные подсобные хозяйства стали главным амортизатором стремительного падения аграрной экономики и уровня жизни сельского населения. Особо значима их роль была в отдаленных селах, оставшихся без крупных хозяйств. Многие жители этих сел, благодаря ЛПХ, научились жить самостоятельно без помощи государства и какого-либо взаимодействия с работодателями. Сегодня хозяйства населения по-прежнему вносят весомый вклад в продовольственную безопасность страны и регионов, поддерживают доходы сельских жителей, помогают им сохранить приемлемый уровень жизни, вырастить детей и дать им образование, а бедным и обездоленным – просто выжить. По данным Росста-

та, на долю этих хозяйств в 2010 г. приходилось 84% произведенного картофеля, 72% – овощей, 54% – шерсти, 55% – молока. Только в производстве зерна, сахарной свеклы, подсолнечника, скота и птицы приоритет сохраняется за сельскохозяйственными организациями и фермерскими хозяйствами. Велика роль ЛПХ в снабжении бедных семей продуктами питания. По оценке 70% опрошенных доля ЛПХ в их продовольственном обеспечении превышала 50%.

Таблица 4.10

Состав семейных подворий бедных сельских жителей

Имеется в ЛПХ	% от числа опрошенных
Земельный участок	70,0
Крупный рогатый скот	22,6
Свины	25,8
Овцы, козы	6,4
Птица	41,4
Лошади	5,4
Пчелосемьи	2,0

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., расчеты авторов.

Для работающего населения подсобное хозяйство являлось в основном дополнительным источником доходов. *«Доходы от подсобного хозяйства бывают не всегда, только тогда, когда соберем урожай или вырастим скот, а так в основном живем с мужем на мою заработную плату, пособие мужа по безработице и на его льготы, которые он получает как афганец»* – из интервью с сельской жительницей. Для безработных ЛПХ играло значительно большую роль и зачастую являлось единственным источником средств к существованию. *«Конечно, хозяйство свое держим, а как без него, если не работаешь, по-другому на селе прожить невозможно»* – из интервью с безработным.

По сравнению с 2001 г. примерно у половины опрошенных размер ЛПХ не изменился, у 9% – увеличился, а у 36% – сократился. По мнению сельских жителей, в настоящее время прожить в деревне только за счет личного подсобного хозяйства сложно. Это связано с ростом цен на молодняк скота, корма, топливо и с низкими закупочными ценами на произведенную продукцию. *«Цены на мясо упали до беспредела, а на корма подняли до беспредела ...»* – из интервью с сельским жителем.

С целью увеличения своих доходов, снижения трудозатрат и выхода из состояния бедности владельцы ЛПХ заинтересованы в развитии кооперации для сбора молока, мяса, яиц, овощей, картофеля, их доставки на перерабатывающие предприятия и рынки, совместного использования техники при проведении посевных работ и сборе урожая. Задача государственных и местных органов управления заключается в создании условий для организации производственных, заготовительных и сбытовых кооперативов в сельской местности; обеспечении правового сопровождения их деятельности; поддержке

инициатив населения в этом направлении. По мнению экспертов, стимулирование и целевая поддержка развития ЛПХ обездоленных селян – один из реальных путей выхода из нищеты.

* * *

Подводя итоги, отметим, что социально-экономическое положение и поведение сельских бедных в сфере труда и занятости имеет определенную специфику. По сравнению с сельским населением России в целом они характеризуются более низким уровнем занятости и уровнем оплаты труда, более высокой занятостью женщин и лиц в возрасте от 25 до 44 лет, преимущественной концентрацией занятости в организациях государственной и муниципальной собственности, преобладанием в профессиональной структуре занятых, с одной стороны, носителей профессий неквалифицированного труда, а с другой – повышенной долей специалистов высшей квалификации.

Уровень безработицы среди сельских бедных в 2,5 раза выше по сравнению со среднероссийским показателем на сельском рынке труда. Бедные безработные отличаются преобладанием средних и старших возрастных групп, более низким уровнем образования и квалификации, более высокой долей представителей сельскохозяйственных, строительных и торговых профессий. Почти половина из них были уволены с последнего места работы по экономическим причинам и зарегистрированы в центрах занятости. Для большинства опрошенных типична долговременная безработица.

Экономически неактивное население представляют в основном пенсионеры. Соответственно, эта группа характеризуется повышенной долей женщин, лиц старших возрастов и более низким уровнем образования.

В новейшей истории России произошло снижение социальной защищенности работников наемного труда. Это проявляется в неисполнении и нарушении действующего трудового законодательства со стороны работодателей, отсутствии эффективных институтов и механизмов государственного и общественного контроля за действиями работодателей в частном секторе, формировании и закреплении «теневых» трудовых отношений.

По сравнению с 2001 г. положение бедных селян в социально-трудовой сфере заметно изменилось: сократилось число занятых, в 2 раза возросло число безработных и несколько увеличилась численность экономически неактивного населения. Такая динамика была обусловлена как естественным движением сельского населения, так и воздействием глобального экономического кризиса.

Сельские жители, пытаясь приспособиться к сложной ситуации на рынке труда, расширяли свою занятость в традиционных сферах и осваивали новые виды и формы занятости, приносящие доход. Это активное развитие ЛПХ и фермерских хозяйств, трудовые миграции, дополнительная работа и другое.

Для преодоления негативных явлений в социально-трудовой сфере и сокращения сельской бедности необходимо осуществить комплекс мер,

направленных на повышение эффективности федеральной и региональной политики занятости, развитие аграрной экономики и расширение спроса на рабочую силу, повышение квалификации сельских жителей и формирование эффективного предложения труда, совершенствование пространственной организации сельскохозяйственного производства и повышение территориальной мобильности работников, совершенствование ценообразования и активизацию экономического поведения сельского населения на рынке труда.

Глава 5. ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ И ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ С НАЧАЛА 2000-х гг.

В контексте анализа масштабов бедности сельского населения Алтайского края особую актуальность приобретает комплексное исследование социального положения сельской молодежи как основного «ресурса» воспроизводства сельского сообщества и стабильного социально-экономического развития сельских территорий региона. Для сельской молодежи как территориально-демографической группы населения проблемы бедности традиционно являются гораздо более острыми по сравнению с молодыми горожанами и проявляются, в частности, в невозможности обеспечить себя и членов своих семей качественным и разнообразным питанием, достойным образованием, медицинским обслуживанием и пр.

Мы рассматриваем сельскую молодежь Алтайского края как территориально-демографическую группу населения региона, представляющей собой совокупность людей в возрасте 16-29 лет, объединенных сходными социально-экономическими условиями микросоциальной среды жизнедеятельности, которые, во-первых, характеризуют ее положение в социальной структуре общества, во-вторых, определяют возможность удовлетворения членами группы своих территориальных интересов в пределах соответствующей сельской территориальной общности.

Социальное положение сельской молодежи мы рассматриваем как комплексную характеристику, отражающую совокупность социальных позиций представителей данной территориально-демографической группы населения группы в иерархии групп в социальной структуре общества, представляющую собой совокупность ресурсов, которыми располагают члены группы для выполнения своих функций, во-первых, локально в границах соответствующей территориальной общности, во-вторых, во всей социальной структуре общества в целом. Нами выделено четыре типа характеристик социального положения сельской молодежи: территориальные, демографические, профессионально-трудовые, доходно-потребительские.

5.1. Территориальные характеристики социального положения сельской молодежи: опыт типологического анализа

Исследование состояния и динамики территориальных характеристик социального положения сельской молодежи Алтайского края представлено в виде типологического анализа сельских муниципальных районов как эмпирических референтов сельских территориальных общностей региона по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения. Согласно разработанной нами методике, типологический анализ заключался в последовательном проведении следующих процедур: во-первых, факторного анализа 25 характеристик уровня развития микросоци-

альной среды жизнедеятельности территориальных групп населения в 2000 и 2010 гг. в сферах демографического развития, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, общего и дошкольного образования, социально-культурной сферы, потребительского рынка товаров и услуг, доходов и занятости (Приложение 3, табл. 3.1), во-вторых, кластерного анализа методом K-means на полученных факторах отдельно для 2000 и 2010 гг. Построены две типологии сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в 2000 и 2010 гг.

В совокупности сельских муниципальных районов Алтайского края выделены три типа районов по уровню развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в 2000 г.: относительно благополучные районы, районы со средним уровнем развития и относительно неблагополучные районы (Приложение 3, рис. 3.1)¹. Относительно благополучные районы² в 2000 г. по сравнению с другими типами районов отличались наиболее высокими показателями обеспеченности населения медицинскими кадрами, развития потребительского рынка товаров и услуг, заработной платы (в т.ч. в сельском хозяйстве), производства промышленной продукции, а также наиболее низким уровнем первичной заболеваемости населения. Однако в рассматриваемых районах в 2000 г. сложилась неоднозначная ситуация в сфере обеспеченности населения жильем (при самой низкой доле ветхого жилья в общей площади жилфонда и среднем уровне его ввода в действие отмечалась самая низкая обеспеченность населения общей площадью жилфонда), а также самая низкая обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы.

Показатели уровня развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения районов со средним уровнем развития³ в 2000 г. характеризовались наибольшей приближенностью к соответствующим среднекраевым

¹ Подробный содержательный анализ выделенных типов районов в 2000 и 2010 г. представлен в: Иванова О.А. Территориальные характеристики социального положения сельской молодежи Алтайского края / Социализация молодежи и профилактика экстремизма в молодежной среде: монография / под общ. ред. Е.В. Романовой. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2013; Иванова О.А., Сергиенко А.М. Типология сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню и динамике развития социальной среды жизнедеятельности населения в 2000-х гг. / Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты [Текст]: коллективная монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013.

² Алтайский, Благовещенский, Залесовский, Кулундинский, Локтевский, Михайловский, Рубцовский.

³ Алейский, Бийский, Быстроистокский, Волчихинский, Ельцовский, Завьяловский, Заринский, Змеиногорский, Калманский, Каменский, Ключевский, Косихинский, Красногорский, Курьинский, Мамонтовский, Новичихинский, Зональный, Павловский, Первомайский, Петропавловский, Поспелихинский, Ребрихинский, Родинский, Романовский, Славгородский, Смоленский, Советский, Шелаболихинский, Табунский, Тальменский, Топчихинский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Угловский, Усть-Калманский, Целинный, Шипуновский, Немецкий национальный.

значениям (развитие потребительского рынка товаров и услуг, средний размер заработной платы, обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы и др.). В районах данного типа сложилась наиболее благоприятная ситуация в сфере обеспеченности жильем и его качества.

Относительно неблагополучные районы¹ в 2000 г. по сравнению с районами других типов отличались наиболее низкими показателями обеспеченности населения больничными и поликлиническими медучреждениями и медицинскими кадрами, ввода жилья и качества жилищного фонда, развития потребительского рынка товаров и услуг, размера заработной платы (в т.ч. в сельском хозяйстве), производства продукции промышленного производства, инвестиций в основной капитал и пр., а также наиболее высоким уровнем первичной заболеваемости населения.

Также по результатам проведенного типологического анализа в совокупности сельских муниципальных районов Алтайского края выделены три типа районов по уровню развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в 2010 г.: относительно благополучные районы, районы со средним уровнем развития и относительно неблагополучные районы (Приложение 3, рис. 3.2). Относительно благополучные районы² в 2010 г. по сравнению с другими типами районов в целом отличались наиболее высокими значениями большинства показателей развития микросоциальной среды жизнедеятельности, однако в них сложилась неоднозначная ситуация в сфере обеспеченности жильем (несмотря на самую низкую долю ветхого жилья отмечена самая низкая обеспеченность населения общей площадью жилфонда), а также самая низкая обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы, больничными и поликлиническими медучреждениями и средним медперсоналом.

В свою очередь, многие показатели уровня развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в 2010 г. в районах со средним уровнем развития³ по сравнению с районами других типов были наиболее близки к соответствующим среднекраевым значениям (обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы, обеспеченность жильем и его качество, развитие потребительского рынка товаров и услуг, производство

¹ Баевский, Бурлинский, Егорьевский, Краснощековский, Крутихинский, Кытмановский, Панкрушихинский, Суетский, Солонешенский, Солтонский, Тогульский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский.

² Бийский, Змеиногорский, Ключевский, Зональный, Павловский, Первомайский, Петропавловский, Поспелихинский, Ребрихинский, Тальменский, Угловский, Панкрушихинский, Тогульский, Алтайский, Благовещенский, Кулундинский, Локтевский, Рубцовский.

³ Алейский, Быстроистокский, Волчихинский, Завьяловский, Заринский, Калманский, Каменский, Косихинский, Красногорский, Курьинский, Мамонтовский, Новичихинский, Родинский, Романовский, Славгородский, Смоленский, Советский, Шелаболихинский, Табунский, Топчихинский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Усть-Калманский, Целинный, Шипуновский, Немецкий национальный, Баевский, Бурлинский, Егорьевский, Краснощековский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский, Залесовский, Михайловский.

сельскохозяйственной продукции, размер заработной платы по всем отраслям и др.). Однако сельские районы данного типа отличались наиболее высоким уровнем первичной заболеваемости населения, а также уровнем официально зарегистрированной безработицы.

Относительно неблагополучные районы¹ в 2010 г. по сравнению с районами других типов отличались наиболее низкими показателями ввода жилья и его качества, развития потребительского рынка товаров и услуг, среднего размера заработной платы в сельском хозяйстве, производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, инвестиций в основной капитал, обеспеченности населения медицинскими кадрами и др. В то же время в районах данного типа в 2010 г. отмечена наиболее высокая обеспеченность населения учреждениями культурно-досуговой сферы.

Таким образом, в совокупности сельских муниципальных районов Алтайского края выделены типы, качественно отличающиеся между собой по уровню развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в 2000 и 2010 гг., которые в обоих случаях можно расположить в иерархическом порядке: относительно благополучные, со средним уровнем развития, относительно неблагополучные.

Сравнительный анализ показателей уровня развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения сельских муниципальных районов в 2000 и 2010 гг. позволяет говорить о положительной динамике, и как следствие, улучшении состояния территориальных характеристик социального положения сельского населения региона в целом, и сельской молодежи в частности с начала 2000-х гг.

Осуществлено пересечение вышеописанных типологий сельских муниципальных районов региона посредством выделения в каждом из трех типов районов по уровню развития социальной среды жизнедеятельности населения в 2010 г.² семи подтипов по характеру динамики соответствующих показателей с 2000 г. (положительная, нулевая, отрицательная). Были получены следующие подтипы: 1) «относительно благополучные» в 2010 г. с нулевой динамикой («относительно благополучные» в 2000 г.) – 5 районов³; 2) «относительно благополучные» в 2010 г. с положительной динамикой («со средним уровнем развития» и «относительно благополучные» в 2000 г.) – 13 районов⁴; 3) «со средним уровнем развития» в 2010 г. с отрицательной динамикой («относительно благополучные» в 2000 г.) – 2 района⁵; 4) «со средним уровнем развития» в 2010 г. с нулевой динамикой («со средним уровнем

¹Ельцовский, Суетский, Солонешенский, Солтонский.

²«Относительно благополучные», «со средним уровнем развития», «относительно неблагополучные».

³Алтайский, Благовещенский, Кулундинский, Локтевский, Рубцовский.

⁴Бийский, Змеиногорский, Ключевский, Зональный, Павловский, Панкрушихинский, Первомайский, Петропавловский, Пospelихинский, Ребрихинский, Тогульский, Тальменский, Угловский.

⁵Михайловский, Залесовский.

развития» в 2000 г.) – 27 районов¹; 5) «со средним уровнем развития» в 2010 г. с положительной динамикой («относительно неблагополучные» в 2000 г.) – 9 районов²; 6) «относительно неблагополучные» в 2010 г. с отрицательной динамикой («со средним уровнем развития» в 2000 г.) – 1 район³; 7) «относительно неблагополучные» в 2010 г. с нулевой динамикой («относительно неблагополучные» в 2000 г.) – 3 района⁴.

В связи с образованием значительного количества (семи) и малой наполненности отдельных подтипов (третьего, шестого, седьмого) подтипы с наименьшей наполненностью были присоединены к более наполненным соседним подтипам с минимальной разницей средних значений по максимально возможному числу показателей. Первый и второй подтипы районов объединены в группу «наиболее благополучные» («*флагманы*»); третий и четвертый – в группу «устойчивые со средним уровнем развития» («*персистенты*»⁵); шестой и седьмой – в группу «наиболее неблагополучные» («*аутсайдеры*»). Пятый подтип образовал самостоятельный вид «неблагополучные с положительной динамикой» («*эмердженты*»⁶). Таким образом, построена *двухуровневая типология сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения* (рис. 5.1, табл. 5.1).

Первый тип районов по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения – «наиболее благополучные» («*флагманы*») представлен 18 районами⁷. Большинство показателей уровня развития микросоциальной среды жизнедеятельности в 2010 г. в рассматриваемых районах были заметно выше соответствующих среднекраевых значений, например: уровень ввода в действие жилья (5,6 кв. м на 1 чел.), доля жилья, оборудованного канализацией (46%) и горячей водой (9%), обороты розничной торговли (45,1 тыс. руб. на 1 чел.), общественного питания (1,6 тыс. руб. на 1 чел.) и платных услуг (7,2 тыс. руб. на 1 чел.), продукция промышленного (52 тыс. руб. на 1 чел.) и сельскохозяйственного производства (77 тыс. руб. на 1 чел.), инвестиции в основной капитал (17 тыс. руб. на 1 чел.) и др. (характеристики социального и экономического развития типов районов представлены в табл. 5.2). Несмотря на самый низкий уровень

¹Алейский, Быстроистокский, Волчихинский, Завьяловский, Заринский, Калманский, Каменский, Косихинский, Красногорский, Курьинский, Мамонтовский, Новичихинский, Родинский, Романовский, Славгородский, Смоленский, Советский, Шелаболихинский, Табунский, Топчихинский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Усть-Калманский, Целинный, Шипуновский, Немецкий национальный.

²Баевский, Бурлинский, Егорьевский, Краснощековский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарынский.

³Ельцовский.

⁴Суетский, Солонешенский, Солтонский.

⁵От англ. to persist – удерживаться, сохраняться, устоять.

⁶От англ. to emerge – выныривать.

⁷Алтайский, Благовещенский, Кулундинский, Локтевский, Рубцовский, Бийский, Змеиногорский, Ключевский, Зональный, Павловский, Панкрушихинский, Первомайский, Петропавловский, Поспелихинский, Ребрихинский, Тогольский, Тальменский, Угловский.

Таблица 5.1

Распределение сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню и динамике развития социальной сферы в 2000-х гг.

Характер динамики с 2000 г.		Уровень развития социальной среды жизнедеятельности в 2010 г.	
Ухудшили позиции	«относительно благополучные»	«со средним уровнем развития»	«относительно неблагополучные»
	–	Михайловский, Залесовский	Ельцовский
Сохранили позиции	Алтайский, Благовещенский, Курьинский, Локтевский, Рубцовский	Алейский, Быстринский, Волчихинский, Завьяловский, Заринский, Калманский, Каменский, Косихинский, Красногорский, Курынский, Мамонтовский, Новичихинский, Родинский, Романовский, Славгородский, Смоленский, Советский, Шелаболихинский, Табунский, Толчихинский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Усть-Калманский, Целинный, Шипуновский, Немецкий национальный	Суевский, Солонешенский, Солтонский
Улучшили позиции	Бийский, Зменногорский, Ключевский, Зональный, Павловский, Панкрушихинский, Первомайский, Петропавловский, Поспелихинский, Ребрихинский, Тогульский, Тальменский, Угловский	Баевский, Бурлинский, Егорьевский, Краснощевковский, Крутихинский, Кыгмановский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский	–

обеспеченности населения больничными и поликлиническими медучреждениями (1,1 ед. и 1,0 ед. на 10 тыс. чел. соответственно), а также медицинскими кадрами (врачами – 19 чел. на 10 тыс. чел., средним медперсоналом – 81 чел. на 10 тыс. чел.) по сравнению с остальными типами, уровень первичной заболеваемости населения в данных районах находился на уровне ниже среднекраевого (801 случай на 1 тыс. чел.). Районы-«флагманы» отличались самым низким уровнем обеспеченности населения библиотеками (8 ед. на 10 тыс. чел.) и культурно-досуговыми учреждениями (10 ед. на 10 тыс. чел.), самым низким уровнем официально зарегистрированной безработицы (3,4%).

Поскольку уровень развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в рассматриваемых районах в 2010 г. оказался существенно выше, чем в среднем по краю, соответствующие территориальные группы населения (в том числе и сельская молодежь) отнесены к подгруппе населения Алтайского края с *наиболее благоприятными состоянием и динамикой территориальных характеристик социального положения.*

Второй тип районов по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения – *«устойчивые со средним уровнем развития» («персистенты»)* представлен 29 районами¹. Многие показатели уровня развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения рассматриваемых районов наиболее близки (по сравнению с другими типами) к соответствующим среднекраевым значениям: обеспеченность населения больничными и поликлиническими медучреждениями (2 ед. и 1 ед. на 10 тыс. чел. соответственно), медицинскими кадрами (врачами – 22 чел. на 10 тыс. чел., средним медперсоналом – 85 чел. на 10 тыс. чел.), библиотеками и культурно-досуговыми учреждениями (10 ед. и 12 ед. на 10 тыс. чел.), размеры заработной платы в сельском хозяйстве (7,1 тыс. руб.) и по всем отраслям (9,5 тыс. руб.), обеспеченность населения жильем и большинство показателей его качества и др.

В то же время показатели произведенной продукции промышленного производства и инвестиций в основной капитал в районах-«персистентах» ниже среднекраевых (31,2 тыс. руб. и 9,0 тыс. руб. на 1 чел. соответственно), однако находятся ближе всего к данным значениям по сравнению с остальными типами районов. Отмечен самый высокий уровень произведенной сельскохозяйственной продукции (77,3 тыс. руб. на 1 чел.). Уровень официально зарегистрированной безработицы превышал среднее значение по краю (4,5%).

Поскольку уровень развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в районах рассматриваемого типа в 2010 г. в целом отражал среднюю картину по краю, соответствующие территориальные группы насе-

¹Михайловский, Залесовский, Алейский, Быстроистокский, Волчихинский, Завьяловский, Заринский, Калманский, Каменский, Косихинский, Красногорский, Курьинский, Мамонтовский, Новичихинский, Родинский, Романовский, Славгородский, Смоленский, Советский, Шелаболихинский, Табунский, Топчихинский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Усть-Калманский, Целинный, Шипуновский, Немецкий национальный.

ления (в том числе и сельская молодежь) отнесены к подгруппе населения региона с относительно благоприятными состоянием и динамикой территориальных характеристик социального положения.

Таблица 5.2

Характеристики социального развития типов сельских муниципальных районов Алтайского края в 2010 г.

Наименование показателя	I тип	II тип	III тип	IV тип
Естественный прирост на 1 тыс. населения	-2,8	-3,6	-4,6	-3,5
Миграционный прирост на 1 тыс. населения	-3,7	-8,6	-12,9	-12,4
Больничные медучреждения на 10 тыс. населения	1,1	1,5	1,5	2,5
Поликлинические медучреждения на 10 тыс. населения	1,0	1,3	1,5	2,7
Врачи всех специальностей на 10 тыс. населения	19,1	21,7	20,9	18,4
Средний медперсонал на 10 тыс. населения	80,8	84,5	88,8	98,3
Заболевания с впервые установленным диагнозом на 1 тыс. населения	800,7	927,1	996,1	760,6
Площадь квартир на 1 жителя, кв. м	22,7	23,8	23,8	26,1
Доля ветхого жилья, %	3,4	4,9	5,9	37,6
Ввод в действие жилья на 1 жителя, кв. м	5,6	2,5	1,0	0,6
Доля жилья с водопроводом в жилфонде, %	55,5	63,3	42,7	29,2
Доля жилья с канализацией, %	45,5	44,1	28,7	16,1
Доля жилья с отоплением, %	78,9	83,7	89,0	85,6
Доля жилья с газом, в т.ч. природным, %	85,1	88,9	89,3	89,8
Доля жилья с горячей водой, %	8,8	5,2	2,5	2,7
Оборот розничной торговли на душу населения, руб.	45134,8	36608,4	35432,5	35551,8
Оборот общественной питания на душу населения, руб.	1579,7	966,2	910,5	840,8
Оборот платных услуг на душу населения, руб.	7249,2	5636,5	5552,2	4529,0
Среднемесячная зарплата на одного работника, руб.	11225,5	9509,8	9391,4	9198,1
Среднемесячная зарплата в сельском хозяйстве, руб.	8971,1	7140,7	7298,0	7040,5
Уровень официальной безработицы, %	3,4	4,5	4,9	4,1
Учащиеся школ на 10 тыс. населения	1135,4	1102,2	1132,2	1128,8
Количество детей на 1 детский сад	89,3	62,1	60,0	68,8
Библиотеки на 10 тыс. населения	8,3	10,3	12,3	15,3
Культурно-досуговые учреждения на 10 тыс. населения	9,6	11,9	14,8	17,8

Источник: расчеты авторов по данным паспортов районов края.

Третий тип районов по уровню и динамике развития социальной среды жизнедеятельности населения – «неблагополучные с положительной динамикой» («эмердженты») – представлен 9 районами¹. Несмотря на близкий к среднекраевому уровень обеспеченности населения районов-«эмерджентов» медучреждениями (2 ед. на 10 тыс. чел.) и медицинскими кадрами (врачами –

¹Баевский, Бурлинский, Егорьевский, Краснощековский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский.

21 чел. на 10 тыс. чел., средним медперсоналом – 89 чел. на 10 тыс. чел.), рассматриваемые районы отличаются самым высоким уровнем первичной заболеваемости населения (996 случаев на 1 тыс. чел.).

Ситуацию в сфере обеспеченности населения жильем и его качества можно оценить как относительно неблагоприятную. На фоне среднекраевых значений относительного показателя общей площади жилфонда (24 кв. м на 1 чел.) и доли ветхого жилья (6%), рассматриваемые районы также отличались наиболее низкими показателями его ввода в действие (1,0 кв. м на 1 чел.), а также оборудованности по отдельным характеристикам (водопроводом – 43%, канализацией – 29%, горячей водой – 3%). Рассматриваемые районы в 2010 г. также отличались более низкими по сравнению со среднекраевыми показателями развития потребительского рынка (оборота розничной торговли (35,4 тыс. руб. на 1 чел.), общественного питания (0,9 тыс. руб. на 1 чел.) и платных услуг (5,5 тыс. руб. на 1 чел.), средней заработной платы по всем отраслям (9,4 тыс. руб.) и в сфере сельского хозяйства (7,3 тыс. руб.), произведенной продукции промышленного (21,0 тыс. руб. на 1 чел.) и сельскохозяйственного производства (74,8 тыс. руб. на 1 чел.), инвестиций в основной капитал (7,1 тыс. руб. на 1 чел.). Зафиксирован самый высокий средний уровень официально зарегистрированной безработицы (4,9%).

Поскольку уровень развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в рассматриваемых районах в 2010 г. оказался в целом ниже среднего по краю и уступал первым двум типам, рассматриваемые районы отнесены к *типу «неблагополучных с положительной динамикой»* или *«эмерджентов»*, а соответствующие территориальные группы населения (в том числе и сельская молодежь) – к подгруппе населения региона с *относительно неблагоприятными состоянием и динамикой территориальных характеристик социального положения.*

Наконец, последний четвертый тип сельских муниципальных районов – *«наиболее неблагоприятные» («аутсайдеры»)* – является наименее наполненным, представлен 4 районами¹. Районы-«аутсайдеры» в 2010 г. отличались наиболее неблагоприятным качеством жилищного фонда (наибольшей долей ветхого жилья – 38%, наименьшими уровнем его ввода в действие – 0,6%), наиболее низкими показателями оборотов общественного питания (0,8 тыс. руб. на 1 чел.) и платных услуг (4,5 тыс. руб. на 1 чел.), заработной платы по всем отраслям (9,1 тыс. руб.) и в сельском хозяйстве (7,0 тыс. руб.), произведенной продукции промышленного (13,9 тыс. руб. на 1 чел.) и сельскохозяйственного (74,7 тыс. руб.) производства, инвестиций в основной капитал (4,3 тыс. руб. на 1 чел.). Районы рассматриваемого типа отличались самым высоким уровнем обеспечения населения больничными и поликлиническими медучреждениями (3 ед. на 10 тыс. чел.), средним медперсоналом (98 чел. на 10 тыс. чел.) при самом низком среднем уровне первичной заболеваемости населения (761 случай на 1 тыс. чел.) на фоне самого низкого уровня обеспечения квалифицированными медицинскими кадрами (18 чел.

¹Ельцовский, Суетский, Солонешенский, Солтонский.

на 10 тыс. чел.). Показатели обеспеченности населения учреждениями культурно-досуговой сферы зафиксированы на уровне существенно выше среднекраевого (библиотеками – 15 ед. на 10 тыс. чел., культурно-досуговыми учреждениями – 18 ед. на 10 тыс. чел.).

Поскольку уровень развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в рассматриваемых районах в 2010 г. оказался в целом ниже среднего по краю и уступал всем остальным типам, рассматриваемые районы отнесены к *типу «наиболее неблагополучных», или «аутсайдеров»*, а соответствующие территориальные группы населения (в том числе и сельская молодежь) – к подгруппе населения региона с *наиболее неблагоприятными состоянием и динамикой территориальных характеристик социального положения*.

5.2. Демографическое состояние сельской молодежи и его динамика

К характеристикам социального положения сельской молодежи нами отнесены также демографические, отражающие положение данной территориально-демографической группы в этнодемографической структуре по особенностям демографического состояния.

Важной особенностью Алтайского края, оказывающей воздействие на все стороны жизни его населения, является существенно большая доля сельских жителей в структуре населения (44,5% на начало 2013 г.) в сравнении со среднероссийским показателем (74,0%). Доля сельского населения Алтайского края в аналогичных показателях по Российской Федерации (далее – РФ) и Сибирскому федеральному округу (далее – СФО) составляет 3,1 и 20,5% соответственно. По мнению *А. Еремина* и *Н. Быкова*, причиной повышенного удельного веса сельских жителей в крае стали исторические, природно-климатические и социально-экономические факторы. В частности, на протяжении всей своей истории Алтайский край отличался аграрной специализацией хозяйства, за что и укрепился в общественном сознании в качестве «житницы Сибири»¹.

По данным региональных исследований, доминирующей тенденцией демографического развития Алтайского края является сокращение численности населения². Так, с начала 2000-х гг. численность сельского населения в Алтайском крае сократилась на 194,1 тыс. чел., что на 144,3 тыс. чел. больше, чем городского населения.

Относительно неблагополучные и наиболее неблагополучные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности («мердженты» и «аутсайдеры») отличаются наиболее высокими показателями естественной убыли сельского населения – коэффициенты естественного прироста сельского населения данных районах в 2012 г. составили –3,8% и

¹Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2010 гг.): монография. Барнаул: АЗБУКА, 2011. С. 79-80.

²Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 10.

–3,6% соответственно, что почти в 2 раза выше, чем в более благополучных типах районов. Наиболее благополучные районы («флагманы») отличаются самым низким коэффициентом смертности сельского населения – 16,3‰, что в 1,2 раза ниже, чем в наиболее неблагополучных районах («аутсайдерах»). В то же время последние характеризуются самым высоким средним коэффициентом рождаемости сельского населения (15,3‰), что в 1,1 раза выше наиболее низкого показателя в относительно неблагополучных районах («эмерджентах»).

Как утверждают *А. Еремин* и *Н. Быков*, демографические структуры населения (половая, возрастная, брачная и семейная) представляют собой важнейший эндогенный фактор демографической ситуации региона, во многом определяющий динамику численности его населения и в значительной степени обуславливающий демографическое воспроизводство¹. По мнению авторов, проблемы половых диспропорций тесно переплетаются с вопросами изучения характеристик возрастной структуры населения, в этом смысле Алтайский край характеризуется типичными общероссийскими тенденциями – демографическим старением населения, проявляющимся в росте доли пожилых и снижении доли молодых людей, а также в увеличении среднего возраста живущих².

Что касается динамики абсолютных и относительных показателей численности сельской молодежи в структуре сельского населения Алтайского края, отметим, что только за межпереписной период (с 2002 г. по 2010 г.) ее численность сократилась на 48,5 тыс. чел., или на 20,7% примерно с одинаковой интенсивностью для обоих полов и составила почти 185 тыс. чел. Доля сельской молодежи в сельском населении региона составляет 16,9%, в трудоспособном сельском населении региона – 29,1%, что меньше соответствующих показателей по РФ (20,2 и 34,1%) и СФО (19,5 и 32,9%). Несмотря на то, что абсолютный показатель сокращения численности городской молодежи региона в рассматриваемый период сопоставим с сельской – 47,8 тыс. чел., однако в относительном выражении он составил лишь 13,0%. И если с начала 2000-х гг. доля сельской молодежи во всей возрастной группе населения региона в возрасте 16-29 лет снизилась на 2,3 п.п. и составила 36,7%, а городской, соответственно, увеличилась до 63,3%, то по отношению к населению региона в целом доля как сельской, так и городской молодежи снизилась приблизительно на 1% (сельской – до 7,6%, городской – до 13,2%). Отметим, что численность сельской молодежи в межпереписной период сокращалась почти в 3,5 раза быстрее по сравнению с более старшим сельским населением трудоспособного возраста.

В наиболее благополучных районах по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («флагманах») про-

¹Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2010 гг.): монография. Барнаул: АЗБУКА, 2011. С. 86-87.

²Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2010 гг.): монография. Барнаул: АЗБУКА, 2011. С. 92.

живает около 71 тыс. представителей сельской молодежи, или 40,8% всей сельской молодежи региона, в районах с устойчивым средним уровнем развития («персистентах») – 77 тыс. чел., или 43,8%, в относительно неблагоприятных районах («эмерджентах») – 19 тыс. чел., или 10,7%, в наиболее неблагоприятных районах («аутсайдерах») – 5 тыс. чел., или 2,8%.

Наиболее благополучные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («флагманы») также отличаются наибольшей долей сельской молодежи в структуре соответствующих территориальных групп населения – в среднем 17,3%, что на 2,2 п.п. больше наименьшей доли, характерной для относительно неблагоприятных районов («эмерджентов»). Районы-«флагманы» также отличаются наибольшими долями молодых сельских мужчин (18,8%) и женщин (16,4%) в населении соответствующего пола, что на 2,4 и 2,5 п.п. больше самых низких показателей, характерных для относительно неблагоприятных районов («эмерджентов»).

Как отмечают *А. Еремин* и *Н. Быков*, весомыми факторами рождаемости, а также формирования и распада семей, опосредованно влияющими на динамику численности населения и его воспроизводство, являются такие важнейшие демографические процессы, как брачность и разводимость¹. По мнению авторов, рост числа регистрируемых брачных союзов, фиксируемый в последние годы, обеспечивается в значительной степени социально более зрелыми людьми, т.е. брачность в Алтайском крае заметно «стареет»². Отметим, что сельское население региона отличается более благоприятным брачным состоянием – в 2012 г. в относительном выражении количество созданных брачных союзов здесь превышало число расторгнутых в 1,9 раза (в 2000 г. – в 2,1 раза), в то время как в городской местности – в 1,6 раза.

Анализ показал, что с начала 2000-х гг. (в межпереписной период) брачное состояние сельской молодежи Алтайского края существенно не изменилось, особенно в сравнении с городской молодежью. Так, доля состоящей в браке сельской молодежи региона увеличилась всего на 0,1 п.п. и составила 45,8% (что значительно выше, чем в среднем по СФО и РФ – 33,9 и 28,8%), тогда как аналогичный показатель для городской молодежи вырос на 4,3 п.п. – до 39,0%. Следует отметить, что среди состоящей в браке сельской молодежи до четверти (26%) увеличилась доля (на 4,6 п.п.) состоящих в незарегистрированном браке (с большей интенсивностью среди мужчин), среди городской молодежи данный процесс шел немного интенсивнее.

Отметим, что сельская молодежь региона отличается большей долей официально незарегистрированных брачных союзов по сравнению с соответствующим общероссийским показателем (22,9%), однако уступает среднему значению по федеральному округу (33,3%). Доля никогда не состоявших в

¹Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2010 гг.): монография. Барнаул: АЗБУКА, 2011. С. 133.

²Еремин А.А., Быков Н.И. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2010 гг.): монография. Барнаул: АЗБУКА, 2011. С. 139.

браке представителей сельской молодежи с начала 2000-х гг. незначительно снизилась (на 0,7 п.п.) и составила 49,5%, что значительно ниже соответствующих общероссийских и общеокружных показателей (68,6 и 63,4%), а также по сравнению с городской молодежью (57,2%).

Сельская молодежь Алтайского края отличается более высокой репродуктивной активностью по сравнению с городской молодежью¹. В 2010 г. возрастной коэффициент рождаемости сельской молодежи составил 90,8%, что в 1,4 раза больше, чем городской молодежи. Наибольшая разница возрастных коэффициентов рождаемости характерна для возрастной подгруппы 25-29 лет – 40,6 п.п. (121,3 и 80,7% соответственно). Для сравнения: разница возрастных коэффициентов рождаемости сельских и городских женщин в возрасте 30-39 лет составляет лишь 4,0 п.п. (47,2 и 43,2% соответственно).

Молодые женщины наиболее неблагополучных районов региона по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («аутсайдеров»)² отличаются наиболее интенсивной репродуктивной активностью как в целом по группе³, так и в подгруппе 15-19 лет (92,5 и 54,2% соответственно). Рассматриваемые показатели в относительно неблагополучных районах («эмерджентах») были ниже на 3,3 п.п. и 15,1 п.п. (89,2 и 39,1% соответственно). Отметим, что для всех четырех типов сельских муниципальных районов региона характерен рост интенсивности репродуктивной активности молодых сельских женщин с увеличением их возраста. В то же время наиболее неблагополучные районы-«аутсайдеры» отличаются наименьшей репродуктивной активностью женщин 25-29 лет – 113,8%, что в 1,1 раза меньше самого высокого показателя, зафиксированного в «устойчивых районах со средним уровнем развития» («персистентах»).

По данным социологического опроса в 2008 г., репродуктивные планы сельской молодежи Алтайского края значительной степени различаются в зависимости от состояния демографических, доходно-потребительских и профессионально-трудовых характеристик ее социального положения, а также характеристик социального самочувствия (табл. 5.3).

Почти четверть представителей сельской молодежи Алтайского края, намеренных в среднесрочной перспективе заводить детей, заявили о планах по рождению только одного ребенка, 61% опрошенных хотели бы иметь двух детей, почти 15% – 3 детей и более.

По данным всероссийской переписи населения 2010 г., доля молодежи среди представителей сельского населения пяти наиболее многочисленных

¹ Приведены оценочные данные, поскольку опубликованные статистические данные содержат информацию о возрастной группе 15-29 лет, в то время как в настоящем исследовании население в возрасте 15 лет в составе сельской молодежи не учитывается.

² По данным 2010 г.

³ Приведены оценочные данные, поскольку опубликованные статистические данные содержат информацию о возрастной группе 15-29 лет, в то время как в настоящем исследовании население в возрасте 15 лет в составе сельской молодежи не учитывается.

Таблица 5.3

Репродуктивные планы сельской молодежи Алтайского края, %
(опрос 2008 г.)

Характеристики		Планируют иметь детей (в т.ч. еще)	Не планируют иметь детей (в т.ч. еще)	Неопределив- шиеся
Доля группы ко всем опрошенным		65	15	20
Пол	мужчины	49	35	57
	женщины	51	65	43
Семейное по- ложение	женат (замужем)	36	68	53
	не женат (не замужем)	64	32	47
	начальное и основное общее	5	8	6
Образование	среднее общее и начальное профессио- нальное	32	35	25
	среднее профессио- нальное и неполное высшее	45	30	43
	высшее	18	27	26
	наемные работники	55	68	69
Занятость	самозанятые (предпри- ниматели и т.д.)	3	3	6
	безработные, домохо- зяйки и занятые только в ЛПХ	11	27	10
	студенты	28	3	16
Материальное положение	бедные и очень бедные	7	16	12
	среднеобеспеченные	80	76	77
	зажиточные и богатые	11	3	4
Жилищные условия	живут в собственном доме	39	49	44
	в собственной квартире	7	11	19
	снимают жилье	12	16	6
	живут с родителями	40	22	25
Социальное настроение	уверены в настоящем и будущем	45	22	31
	состояние равнодушия и апатии	9	11	10
	испытывают беспокой- ство, неуверенность	23	47	39
	испытывают сильное напряжение, раздраже- ние	7	3	6

национальностей в Алтайском крае среди русских составляет 21%, или 173 тыс. чел. (молодежи в городском населении – 29% или 299 тыс. чел.); немцев – 14% или 4 тыс. чел. (молодежи в городском населении – 18%, или 3 тыс. чел.); украинцев – 4%, или 800 чел. (молодежи в городском населении

– 5%, или 700 чел.); казахов – 21%, или 1 тыс. чел. (молодежи в городском населении – 44%, или 900 чел.); армян – 28%, или 700 чел. (молодежи в городском населении – 34%, или 1,3 тыс. чел.). В целом сельская и городская молодежь Алтайского края являются приблизительно однородными по национальному составу: практически 94% их представителей являются русскими.

По мнению *Л. Родионовой*, с начала 90-х гг. XX в. миграция выступает одним из основных факторов, определяющих демографическую ситуацию в сельской местности Алтайского края, характерными чертами которой являются динамизм, асимметричность, инновационность, проявляющиеся в неустойчивой структуре миграционных связей региона, частой смене трендов в территориальных перемещениях населения, существенной асимметрии встречных миграционных потоков, появлении новых форм и направлений миграции, формировании специфических моделей миграционного поведения населения¹. Отметим, что по сравнению с началом 2000-х гг. миграционный оборот сельского населения края вырос примерно в 1,1 раза и в 2012 г. составил около 95,2 тыс. чел. По итогам 2012 г. в структуре территориальных перемещений сельского населения региона (как и в предыдущие годы) первое место заняла внутрикраевая миграция, затем межрегиональная, и далее – миграции со странами ближнего и дальнего зарубежья.

Анализ итогов внешней для региона миграции молодежи в 2012 г. показал, что по итогам года за пределы региона выбыли 6,7 тыс. молодых сельян – в 1,2 раза меньше, чем городской молодежи. Молодые сельские мужчины характеризовались большей миграционной активностью по сравнению с женщинами – в 2012 г. Алтайский край покинули 3,5 тыс. чел. и 3,1 тыс. чел. соответственно. Покинувшая регион городская молодежь отличается меньшими половыми диспропорциями рассматриваемых показателей (4,2 и 3,9 тыс. чел. соответственно). Анализ показал, что сельская молодежь (равно как и городская) отличается большей миграционной активностью по сравнению с трудоспособным сельским населением более старших возрастов – показатели миграционной убыли за пределы края по итогам 2012 г. у рассматриваемых групп отличались приблизительно в 1,3 раза.

Для всех четырех типов районов по уровню по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения в 2012 г. было характерно превалирование миграционного оттока в динамике общей убыли сельского населения Алтайского края. Наиболее значительный вклад в убыль сельского населения его миграционный отток вносит в «устойчивых районах со средним уровнем развития» («персистентах»), где его доля составила 87,4%, что на 13,8 п.п. выше, чем в наиболее благополучных районах («флагманах»).

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., уровень оседлости сельской молодежи Алтайского края на 5,6 п.п. выше, чем сельского населения в целом, и составляет 36,2% – именно столько представите-

¹ Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 142.

лей сельской молодежи проживают в своем населенном пункте с рождения. Практически четверть сельской молодежи Алтайского края живут в своем населенном пункте 8 лет и более, 40% молодых людей – не более 7 лет.

Наибольшей долей сельской молодежи, непрерывно проживающей в своем населенном пункте с самого рождения, характеризуются наименее благополучные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («аутсайдеры») – 42,1%, что на 7,0 п.п. больше, чем в «устойчивых районах со средним уровнем развития» («персистентах»). Наиболее благополучные районы («флагманы») отличаются наибольшей долей лиц, не менявших место постоянного жительства с 2002 г. и ранее, что на 5,4 п.п. больше по сравнению с соответствующим показателем в наименее благополучных районах («аутсайдерах»).

По данным социологического опроса в 2008 г., чуть более половины представителей сельской молодежи региона (57%) хотели бы сменить место жительства, и лишь третья часть (35%) молодых селян намерены и дальше жить в своем селе. Миграционные планы сельской молодежи Алтайского края значительной степени различаются в зависимости от состояния демографических, доходно-потребительских и профессионально-трудовых характеристик ее социального положения, а также характеристик социального самочувствия (табл. 5.4).

Анализ векторов потенциальной миграционной активности сельской молодежи региона показал, что наибольшая их часть (43%) хотели бы переехать в город или другое село Алтайского края, десятая часть – в соседние регионы Сибири и на Север, около 4% – в европейскую часть России, 3% – за границу и почти пятая часть (19%) с выбором нового места проживания не определились. Пятая часть потенциальных мигрантов в качестве основного фактора, сдерживающего перемену места жительства, называют неудовлетворительное состояние доходно-потребительских характеристик своего социального положения, а именно: отсутствие денежных средств на переезд. Отметим, что неудовлетворительное состояние доходно-потребительских характеристик своего социального положения также является одной из основных причин потенциальной миграционной активности сельской молодежи (47% опрошенных). Второй наиболее распространенной причиной потенциальной миграции молодых селян является желание улучшить состояние профессионально-трудовых характеристик социального положения – найти подходящую работу (46%) и повысить уровень своего образования (12%).

Еще одной характеристикой демографического состояния сельской молодежи является состояние здоровья. В частности, по данным социологического опроса в 2011 г., 7,7% опрошенных бедных молодых селян имеют инвалидность, что почти на 3,0 п.п. меньше по сравнению с остальным сельским населением. Такая же доля сельской молодежи имеет какое-либо серьезное хроническое заболевание – в 5,5 раза меньше по сравнению с остальным сельским населением. Наиболее значительная часть опрошенных молодых людей (82,4%) заявила об отсутствии серьезных проблем со здоровьем.

Таблица 5.4

Миграционные планы сельской молодежи Алтайского края, %
(опрос 2008 г.)

Характеристики		Планируют остаться	Планируют сменить место жительства	Неопределив- шиеся
Доля группы ко всем опрошенным		35	57	8
Пол	мужчины	50	46	59
	женщины	50	55	41
Семейное по- ложение	женат (замужем)	63	30	59
	не женат (не замужем)	37	70	41
Образование	начальное и основное общее	11	24	5
	среднее общее и начальное профессио- нальное	31	33	18
	среднее профессио- нальное и неполное высшее	35	44	59
Занятость	высшее	23	20	18
	наемные работники	68	53	68
	самозанятые (предпри- ниматели и т.д.)	13	1	5
	безработные, домохо- зяйки и занятые только в ЛПХ	10	15	9
	студенты	8	31	18
Материальное положение	бедные и очень бедные	7	9	18
	среднеобеспеченные	78	80	68
	зажиточные и богатые	14	5	9
Жилищные условия	живут в собственном доме	46	40	27
	в собственной квартире	14	70	9
	снимают жилье	13	9	23
Социальное настроение	живут с родителями	23	40	41
	уверены в настоящем и будущем	46	31	64
	состояние равнодушия и апатии	8	11	9
Социальное настроение	испытывают беспокой- ство, неуверенность	31	31	18
	испытывают сильное напряжение, раздраже- ние	2	9	5

Далее нами представлены результаты исследования состояния и динамики профессионально-трудовых и доходно-потребительских характеристик социального положения сельской молодежи Алтайского края.

5.3. Профессионально-трудовые и доходно-потребительские характеристики социального положения сельской молодежи

Мы согласны с мнением *Л. Родионовой* о том, что от эффективности функционирования сельского рынка труда, находящегося на пересечении экономической и социальной подсистем деревни, во многом зависят как темпы и направления развития аграрной экономики, так и уровень и качество жизни сельского населения, как следствие, ситуация на рынке труда, совокупное предложение на котором формирует объединение занятых и безработных (экономически активное население в возрасте 15-72 лет) является основным фактором социального развития сельских территорий¹. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность экономически активного сельского населения в Алтайском крае составила 497 тыс. чел., а его доля в экономически активном населении региона, Сибирского федерального округа и РФ – 42,6; 5,3 и 0,7% соответственно. Численность сельского населения Алтайского края, занятого в экономике, составила 428 тыс. чел., а его доля в занятом в экономике населении региона, Сибирского федерального округа и РФ – 41,0; 5,0 и 0,7% соответственно.

Исследование *экономической активности* сельской молодежи Алтайского края, осуществленное путем анализа данных Всероссийской переписи населения 2010 г., показало, что две трети ее представителей (66,7%, или 120,8 тыс. чел.) являются *экономически активным населением* (74,2% мужчин и 59,0% женщин), что соответствует общероссийскому показателю и немного превосходит общеокружной (на 2,1 п.п.). Несмотря на то, что доля *занятой в экономике* экономически активной сельской молодежи Алтайского края (82,7%) меньше городской молодежи и более старшего сельского населения трудоспособного возраста на 4,4 и 4,0 п.п. соответственно, она превышает соответствующие общеокружные и общероссийские показатели (79,4 и 79,6%). В свою очередь, доля *безработных* представителей сельской молодежи в Алтайском крае составляет 17,3%, или почти 21 тыс. чел. (мужчины – 15,9%, женщины – 19,0%), что меньше, чем в среднем по округу и по стране (20,3 и 20,6% соответственно), однако существенно выше, чем среди городской молодежи региона (12,9%). Отметим, что с начала 2000-х гг. соотношение занятой в экономике и безработной сельской молодежи практически не изменилось, однако примерно на 10% увеличилась доля экономически активной сельской молодежи².

Несмотря на большую долю безработных в составе экономически активной сельской молодежи по сравнению с городской, доля безработной сельской молодежи во всем безработном экономически активном сельском

¹ Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 157.

² Приведены оценочные данные, поскольку опубликованные результаты Всероссийской переписи населения 2002 г. содержат данные о возрастной группе 15-29 лет, в то время как в настоящем исследовании население в возрасте 15 лет в составе сельской молодежи не учитывается.

населении составляет 30,3%, что существенно ниже (на 14,8 п.п.) по сравнению с соответствующим показателем среди городского населения. Отметим, что доля безработной сельской молодежи Алтайского края во всем безработном экономически активном сельском населении также меньше соответствующих общеокружных и общероссийских показателей (36,8 и 39,9%).

Алтайский край также отличается наименьшим разрывом между показателями доли безработных среди сельской молодежи и сельского населения более старшего трудоспособного возраста – почти 1,3 раза (17,2 и 13,2% соответственно), в то время как аналогичные общеокружные и общероссийские значения составили 1,5 и 1,7 раза соответственно. Отметим, что разрыв между показателями доли безработных среди городской молодежи региона и городского населения более старшего трудоспособного возраста составляет почти 2 раза.

Наиболее благополучные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («флагманы») отличаются наименьшей долей безработных – 17,7% (мужчины – 16,2%, женщины – 19,8%) в составе экономически активной сельской молодежи, доля которой, в свою очередь, составляет 66,0% (мужчины – 74,2%, женщины – 57,4%). Наихудшая ситуация характерна для наиболее неблагополучных районов («аутсайдеров»), которые отличаются не только наименьшей долей экономически активной сельской молодежи – 65,3% (мужчины – 71,9%, женщины – 58,0%), но и наибольшей долей безработных в ее структуре – 24,3% (мужчины – 23,1%, женщины – 26,1%).

Наиболее благополучные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («флагманы») также отличаются наибольшей долей молодежи в структуре сельских безработных – 32%, наименьший показатель зафиксирован в относительно неблагополучных районах («эмерджентах») – 29%. Однако в начале 2000-х гг. наблюдалась иная ситуация: наименьшей долей молодежи в структуре сельских безработных (28,5%) отличались наиболее благополучные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («флагманы»), наибольшей долей – наиболее неблагополучные районы («аутсайдеры») – 35,6%.

Исследование *статуса занятой в экономике* сельской молодежи Алтайского края, осуществленное путем анализа данных Всероссийской переписи населения 2010 г., показало, что доля *работающих по найму*, составляющих подавляющее большинство *занятой в экономике* сельской молодежи региона (95,8, или 96 тыс. чел.) – немногим меньше, чем в среднем по округу и по стране (96,6 и 96,3% соответственно) и больше по сравнению с городской молодежью (94,5%). Значительная часть *работающей не по найму* сельской молодежи региона (72,7%) *не привлекают наемных работников* и только четверть используют наемный труд. Отметим, что с начала 2000-х гг. соотноше-

ние работающей по найму и не по найму сельской молодежи региона практически не изменилось¹.

В свою очередь, *экономически неактивным населением* является треть (33,2%, или 60 тыс. чел.) сельской молодежи Алтайского края (25,7% мужчин и 41,0% женщин), что практически соответствует общероссийскому показателю и на 2 п.п. меньше значений по федеральному округу и для городской молодежи. Треть экономически неактивной сельской молодежи в качестве источников средств к существованию использует стипендии, десятая часть – пенсии, четверть получают различные социальные пособия (кроме пособия по безработице), работают в личном подсобном хозяйстве, имеют сбережения, получают доходы от сдачи внаем или в аренду имущества, находятся на иждивении и др.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., наиболее неблагоприятные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («аутсайдеры») отличаются как наибольшей долей *экономически неактивной* сельской молодежи (34,7%), так и ее структурой, в частности, наименьшей долей работающих в личном подсобном хозяйстве – 25,9% (максимально для районов-«эмерджентов» – 36,8%), во-вторых, наибольшей долей пенсионеров (в т.ч. по инвалидности) – 14,8% (минимально для районов-«флагманов» – 11,1%).

Анализ данных Всероссийской переписи населения 2010 г. показал, что *послевузовское образование* имеет незначительная часть сельской молодежи региона (0,5%), что совпадает с общероссийским и на 0,2 п.п. ниже соответствующего показателя среди городской молодежи региона. Доля представителей сельской молодежи, имеющих *высшее профессиональное образование* (9,4%), меньше по сравнению с молодыми горожанами и с сельской молодежью в целом по стране в 2 и 1,2 раза соответственно, однако незначительно превышает соответствующий показатель по федеральному округу. Отметим, что доли представителей сельской молодежи с послевузовским и высшим профессиональным образованием выше соответствующих общеокружных значений (на 0,1 и 0,8 п.п.). *Неоконченное высшее профессиональное образование* имеют менее 5% сельской молодежи региона – почти в 3 раза меньше по сравнению с городской молодежью, что ниже соответствующих общероссийских и общеокружных показателей (6,3 и 4,6%). Около четверти (21,8%) сельской молодежи Алтайского края имеет *среднее профессиональное образование* – чуть ниже, чем в среднем по стране и среди городской молодежи (22,4 и 24,8% соответственно) и немного превышает соответствующий общеокружной показатель (на 0,8 п.п.). Начиная с уровня начального профессионального образования отличия сельской молодежи от городской становятся более существенными. Так, *начальное профессиональное образование* имеет

¹ Приведены оценочные данные, поскольку опубликованные результаты Всероссийской переписи населения 2002 г. содержат данные о возрастной группе 15-29 лет, в то время как в настоящем исследовании население в возрасте 15 лет в составе сельской молодежи не учитывается.

практически десятая часть (10,8%) молодых селян, что в 2 раза выше по сравнению с городом, а также незначительно превышает соответствующие общероссийские и общеокружные показатели (8,5 и 9,1%). Таким образом, чуть более половины (53,4%) представителей сельской молодежи региона не имеет профессионального образования, что в 1,4 раза меньше по сравнению с городской молодежью. Однако несмотря на то, что в сравнении со страной в целом сельская молодежь региона имеет более низкий уровень профессионального образования, он все же немного выше в сравнении с общеокружным (на 3 п.п.). *Общее образование* имеет почти половина (52,0%) сельской молодежи Алтайского края, что в 1,5 раза выше, чем городской, и на 2 п.п. выше, чем в среднем по стране, и в то же время на 2,9 п.п. ниже, чем в среднем по округу. *Не имеют даже начального общего образования* около 1,3%, или 2 тыс. представителей сельской молодежи региона, что существенно выше по сравнению с городской (0,3%, или 0,9 тыс. чел.) и практически совпадает с общеокружным показателем. Отметим, что значительная часть не имеющих начального общего образования представителей сельской молодежи региона (70,0%, или 1,7 тыс. чел.) являются *неграмотными*.

С начала 2000-х гг. сельская молодежь региона повысила уровень своего образования. В частности, значительно изменилась структура профессионального образования сельской молодежи: на 0,4% выросла доля лиц с послевузовским образованием, на 5% – с высшим образованием, на 2% – лиц с неполным высшим образованием, на 4% – со средним профессиональным образованием, в то же время на 8% снизилась доля лиц с начальным профессиональным образованием. Структура общего образования сельской молодежи также изменилась: на 4% снизилась доля лиц с основным образованием, на 1% – с начальным образованием, в то же время на 2% увеличилась доля лиц со средним образованием. На 0,3% снизилась доля лиц, не имеющих даже начального общего образования.

Наиболее высокий уровень образования имеет сельская молодежь, проживающая в наиболее благополучных районах по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («флагманах»). Данная территориально-демографическая группа отличается наибольшей долей лиц с высшим профессиональным образованием – 9,3% (наиболее низкая характерна для районов-«эмерджентов» – 7,6%), неполным высшим образованием – 4,0% (наиболее низкая характерна для районов-«аутсайдеров» – 2,8%), а также средним профессиональным образованием – 22,0% (наиболее низкая характерна для районов-«эмерджентов» – 19,2%). Наиболее низкий уровень образования имеет сельская молодежь, проживающая в наиболее неблагоприятных районах («аутсайдерах»), отличающаяся, в частности, наиболее высокой долей лиц, не имеющих даже начального общего образования (1,8%).

Как уже было сказано нами ранее, в исследование вторичных характеристик социального положения сельской молодежи Алтайского края, помимо профессионально-трудовых, нами включены также и доходно-потребитель-

ские характеристики. С начала 2000-х гг. в Алтайском крае наблюдался рост доходов сельского населения. Располагаемые ресурсы в среднем на одного члена сельского домохозяйства составляли в 2012 г. 11,3 тыс. руб. (в 2000 г. – 1,1 тыс. руб.). Расходы на конечное потребление в 2012 г. составляли 7,7 тыс. руб. (в 2000 г. – 0,9 тыс. руб.), что в 1,2 раза меньше соответствующего показателя в городской местности. Несмотря на рост располагаемых ресурсов домашних хозяйств сельской местности, наблюдается их отставание от города: в 2012 г. располагаемые ресурсы и расходы на конечное потребление сельских домохозяйств составили лишь 68,0 и 69,5% от городских (в 2000 г. – 81,3 и 81,0% соответственно). Рассматриваемые показатели для сельского населения росли меньшими темпами по сравнению с городским, и увеличились в 9,6 и 7,8 раза (городского – 11,5 и 9,0 раза соответственно).

В структуре располагаемых ресурсов сельских домохозяйств в 2012 г. почти девять десятых приходилось на валовой доход – 10,1 тыс. руб. (в 9,0 раз выше в 2000 г.), основу которого образовал денежный доход и лишь десятую часть (11,3%) – натуральный доход за счет главным образом натуральных поступлений продуктов питания, доля которого по сравнению с 2000 г. снизилась в 2,3 раза. В структуре потребительских расходов сельских домохозяйств в 2012 г. доля расходов на покупку продуктов для домашнего питания составила 30,2% (в 2000 г. – 33,3%), на покупку непродовольственных товаров – 48,6% (в 2000 г. – 51,2%), на оплату услуг – 18,5% (в 2000 г. – 11,4%). По сравнению с 2000 г. в структуре потребительских расходов сельских домохозяйств незначительно снизилась доля хлеба и хлебных продуктов, а также сахара и кондитерских изделий – до 6,4 и 3,3% в 2012 г. соответственно, также незначительно увеличилась доля мяса и мясных продуктов – до 7,7%. С начала 2000-х гг. на 3,5% увеличились расходы на оплату услуг – до 7,5% в 2012 г.

По мнению *Л.В. Родионовой*, заработная плата или цена рабочей силы является важнейшей компонентой сельского рынка труда, в свою очередь, ее низкий уровень является фактором, способствующим уменьшению налогооблагаемой базы, устранению стимулов к повышению эффективности производства, деградации системы общего и профессионального образования и, в конечном счете, к разрушению воспроизводственного цикла¹. В 2000 г. средний размер среднемесячной заработной платы в сельских муниципальных районах Алтайского края составил 0,9 тыс. руб. (66% от соответствующего среднекраевого показателя). В 2012 г. средний размер среднемесячной заработной платы в сельских муниципальных районах Алтайского края составил 13,6 тыс. руб. (почти 76% от соответствующего среднекраевого показателя). Как отмечает *Л.В. Родионова*, в последние годы заработная плата в сельской

¹ Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 167.

местности Алтайского края растет более высокими темпами по сравнению с городами¹.

Согласно данным социологического опроса в 2011 г., по мнению *бедной сельской молодежи* как подгруппы молодых селян региона с наиболее неудовлетворительным состоянием доходно-потребительских характеристик социального положения, с начала 2000-х гг. доходно-потребительские характеристики ее социального положения незначительно улучшились. Оценивая их состояние в начале 2010-х гг., к бедным и очень бедным (денег иногда не хватает даже на питание) себя отнесли 4% бедной сельской молодежи (сельское население более старших возрастов – 14%); в начале 2000-х гг. – 6% сельской молодежи (сельское население более старших возрастов – 10%). Почти четверть (22%) представителей бедной сельской молодежи отметили, что в начале 2010-х гг. им хватало средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, но на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет (сельское население более старших возрастов – 41%); в начале 2000-х гг. – 24% сельской молодежи (сельское население более старших возрастов – 38%). Почти три четверти представителей бедной сельской молодежи заявили о том, что в начале 2010-х гг. им хватает денег на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т.п.) является проблемой (сельское население более старших возрастов – 44%); в начале 2000-х гг. – 44% сельской молодежи (сельское население более старших возрастов – 52%).

Согласно данным опроса, представители бедной сельской молодежи в качестве основных причин положительной динамики доходно-потребительских характеристик их социального положения выделяют (в порядке убывания значимости): увеличение заработной платы кого-либо из членов семьи, появление дополнительной работы (14%); выход на работу кого-либо из членов семьи (людей, закончивших обучение, безработных и т.п.) – 11%; приспособление к новым условиям («научились жить по средствам») – 9%; увеличение доходов от личного подсобного хозяйства, шитья одежды, ремонта и т.п. (3%). В свою очередь, среди основных причин отрицательной динамики доходно-потребительских характеристик своего социального положения представители бедной сельской молодежи отметили (в порядке убывания значимости): рост цен, опережающий рост доходов (12%); уменьшение заработной платы кого-либо из членов семьи, потеря дополнительной работы (9%); увеличение семейных расходов (9%).

Первым по значимости источником доходов значительной части опрошенных представителей бедной сельской молодежи (76,9%) является заработная плата (в т.ч. других членов семьи), что в 1,5 больше по сравнению с остальным бедным сельским населением. В качестве второго источника доходов почти четверть бедной сельской молодежи (22,5%) рассматривает до-

¹Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 167.

ходы от личного подсобного хозяйства, сада, огорода, а почти пятая часть опрошенных (19,7%) – различные социальные пособия (по инвалидности, детские, для матерей-одиночек, для малообеспеченных, жилищные субсидии и т.п.).

Исследование *структуры источников средств к существованию* сельской молодежи Алтайского края, осуществленное путем анализа данных Всероссийской переписи населения 2010 г., показало, что в ней можно выделить два источника (что соответствует общероссийским и общеокружным показателям), наиболее часто рассматриваемых молодыми селянами в качестве *основных*. Практически для половины (51,4%) сельской молодежи региона (почти как для городской – 53,6%) основным источником средств к существованию является трудовая деятельность (включая работу по совместительству), что соответствует общероссийскому показателю и на 2,4 п.п. больше общеокружного. Для трети (33,9%) сельской молодежи региона в качестве основного источника средств к существованию выступает помощь родственников и других лиц (в т.ч. в форме иждивения), алименты, что соответствует общероссийским и общеокружным показателям. Отметим, что сельская молодежь использует данный источник реже, чем городская, особенно женщины (сельские – 41,0%, городские – 48,1%).

Наиболее распространенными источниками средств к существованию, используемыми практически половиной сельской молодежи Алтайского края, являются трудовая деятельность, включая работу по совместительству (53,1%), доходы от ведения личного подсобного хозяйства (48,7%). Чуть больше трети сельской молодежи региона используют помощь родственников и других лиц (в т.ч. в форме иждивения), алименты. Основными *отличиями структуры источников средств к существованию* сельской молодежи региона по сравнению с городской является, во-первых, более частое использование таких источников, как доходов от ведения личного подсобного хозяйства (на 43,4 п.п.), пенсий по инвалидности¹ (на 2,3 п.п.), различных социальных пособий (на 5,4 п.п.), а также пособия по безработице (на 1,2 п.п.), во-вторых, более редкое использование доходов от трудовой деятельности (на 2,3 п.п.), стипендий (на 7,0 п.п.), а также помощи родственников и других лиц (в т.ч. в форме иждивения), алиментов (на 4,2 п.п.).

Относительно неблагоприятные и наиболее неблагоприятные районы по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения («эмердженты» и «аутсайдеры») отличаются более неблагоприятной структурой источников средств к существованию, рассматриваемых в качестве основных, по сравнению с остальными типами районов. Так, сельская молодежь указанных типов районов реже использует в качестве основных доходы от трудовой деятельности (49,9 и 47,9% соответственно) и помощь родственников и других лиц (в т.ч. в форме иждивения), алименты

¹ Данное обстоятельство косвенно свидетельствует о более неблагоприятном состоянии такой демографической характеристики социального положения сельской молодежи, как состояние здоровья (по сравнению с городской).

(30,8 и 32,9% соответственно), и, напротив, отличается большей долей молодых людей, существующих только на доходы от ведения личного подсобного хозяйства (8,9 и 9,1% соответственно). Кроме того, сельская молодежь районов-«эмерджентов» чаще других в качестве основного источника средств к существованию использует пособие по безработице (1,9%), а молодые люди наиболее неблагополучных районов «аутсайдеров» – пенсии по инвалидности (4,5%).

* * *

Итак, проведенное исследование позволило выделить следующие особенности состояния и динамики социального положения сельской молодежи Алтайского края с начала 2000-х гг.

Несмотря на общую положительную динамику развития микросоциальной среды жизнедеятельности сельского населения региона в целом и сельской молодежи в частности, уровень и динамика его (развития) показателей значительным образом дифференцированы, что позволило в совокупности сельских муниципальных районов региона выделить четыре качественно различных друг от друга типа и, как следствие, четыре группы сельской молодежи по состоянию и динамике территориальных характеристик ее социального положения.

Почти 40% сельской молодежи Алтайского края, проживающей в 18 наиболее благополучных районах Алтайского края с положительной динамикой развития микросоциальной среды жизнедеятельности, обладает наиболее благоприятными территориальными характеристиками социального положения, что дает молодым людям наибольшие возможности удовлетворения их территориальных интересов в месте постоянного проживания. Приблизительно такая же часть представителей сельской молодежи региона являются жителями практически половины сельских муниципальных районов Алтайского края с устойчивым средним уровнем развития микросоциальной среды жизнедеятельности и характеризуются относительно благоприятными территориальными характеристиками своего социального положения. Третья группа сельской молодежи – жителей девяти относительно неблагополучных районов по уровню развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения с его положительной динамикой с начала 2000-х гг. – обладает относительно неблагоприятными территориальными характеристиками своего социального положения, существенно ограничивающими возможность удовлетворения их территориальных интересов в месте постоянного проживания. Наконец, представители четвертой, самой малочисленной группы сельской молодежи региона, являются жителями четырех наиболее неблагополучных районов по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения и обладают, соответственно наиболее неблагоприятными территориальными характеристиками социального положения и как следствие, наименьшей возможностью удовлетворения территориальных интересов в месте своего проживания.

С начала 2000-х гг. для Алтайского края стало характерным снижение абсолютных и относительных показателей численности сельской молодежи, происходящее более быстрыми темпами по сравнению как с молодыми горожанами, так и с более старшим сельским населением трудоспособного возраста. В настоящее время сельская молодежь, составляя практически пятую часть всего сельского населения и треть сельского населения региона в трудоспособном возрасте, уступает по данным показателям соответствующим территориально-демографическим группам населения на уровне Сибирского федерального округа и страны в целом.

Сельская молодежь Алтайского края по сравнению с городской молодежью, более старшим сельским населением трудоспособного возраста, а также с соответствующими территориально-демографическими группами населения на уровне Сибирского федерального округа и страны в целом отличается более благоприятной гендерной структурой, практически не изменившейся с начала 2000-х гг. Особенности брачного состояния сельской молодежи региона являются более раннее вступление в брак ее представительниц по сравнению с молодыми горожанами, а также рост распространенности сожителства как формы брачных отношений по сравнению с началом 2000-х гг.

В настоящее время сельская молодежь отличается менее интенсивным миграционным оттоком за пределы региона по сравнению с молодыми горожанами и, напротив, более интенсивным по сравнению с более старшим сельским населением трудоспособного возраста. Основными причинами, побуждающими представительниц сельской молодежи региона сменить место жительства (как внутри региона, так и за его пределы) является неудовлетворительное состояние доходно-потребительских и профессионально-трудовых характеристик их социального положения.

Демографическое состояние сельской молодежи региона существенным образом дифференцировано в зависимости от состояния и динамики территориальных характеристик ее социального положения. Наибольшие опасения вызывают состояние и динамика характеристик демографического состояния сельской молодежи, проживающей в относительно неблагоприятных и наиболее неблагоприятных сельских муниципальных районах Алтайского края по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения. Указанные районы, несмотря на ее большую репродуктивную активность, отличаются наихудшими характеристиками численности, состава и динамики данной территориально-демографической группы населения, что в дальнейшем создает реальные угрозы положительной динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения соответствующих сельских территорий.

Несмотря на положительную динамику основных профессионально-трудовых и доходно-потребительских характеристик социального положения сельской молодежи Алтайского края с начала 2000-х гг., по их состоянию в настоящее время данная территориально-демографическая группа населения

региона в целом уступает городской молодежи и более старшему сельскому населению трудоспособного возраста, имея большую степень сходства с соответствующими территориально-демографическими группами населения на уровне Сибирского федерального округа и страны в целом.

Молодые селяне отличаются меньшей долей занятых в экономике в составе экономически активного населения, более низким уровнем образования, а также более неблагоприятной структурой доходов по сравнению с городской молодежью и более старшим сельским населением трудоспособного возраста. Однако доля безработной сельской молодежи региона значительно ниже по сравнению с соответствующими территориально-демографическими группами населения на уровне Сибирского федерального округа и страны в целом. В то же время между сельской молодежью и более старшим сельским населением трудоспособного возраста выявлено значительно меньшее отставание профессионально-трудовых характеристик и доходно-потребительских характеристик социального положения их представителей по сравнению с соответствующими группами населения в городской местности, что позволяет сделать вывод о большей однородности сельского трудоспособного населения региона по сравнению с городским по рассматриваемым характеристикам социального положения.

Бедная сельская молодежь как подгруппа молодых селян с наиболее неудовлетворительным состоянием доходно-потребительских характеристик социального положения отмечает незначительное их улучшение с начала 2000-х гг. В качестве основных причин положительной динамики рассматриваемых характеристик социального положения представители бедной сельской молодежи выделяют увеличение заработной платы кого-либо из членов семьи, а также появление дополнительной работы. Напротив, основными угрозами состояния доходно-потребительских характеристик своего социального положения молодые сельские бедные считают рост цен, опережающий рост доходов и увеличение семейных расходов, а также уменьшение заработной платы кого-либо из членов семьи и потерю дополнительной работы.

Профессионально-трудовые и доходно-потребительские характеристики социального положения сельской молодежи региона существенным образом дифференцированы в зависимости от состояния и динамики территориальных характеристик ее социального положения. Наибольшие опасения вызывает состояние рассматриваемых характеристик социального положения сельской молодежи, проживающей в относительно неблагоприятных и наиболее неблагоприятных сельских муниципальных районах Алтайского края по уровню и динамике развития микросоциальной среды жизнедеятельности населения. В целом указанные районы отличаются наибольшими долями безработной и экономически неактивной сельской молодежи, более низким уровнем ее образования, а также более неблагоприятной структурой доходов, что создает реальные угрозы положительной динамике развития

микросоциальной среды жизнедеятельности населения соответствующих сельских территорий.

Таким образом, в целом можно говорить о положительной динамике социального положения сельской молодежи Алтайского края с начала 2000-х гг. Выявлена существенная дифференциация характеристик социального положения молодых селян в зависимости от уровня и динамики развития микросоциальной среды их жизнедеятельности, на основе анализа которой выделены группы сельской молодежи региона с наиболее неблагоприятными характеристиками социального положения, в перспективе создающими угрозы устойчивому развитию сельских территорий региона.

Полагаем, что в целях улучшения социального положения сельской молодежи в интересах устойчивого развития сельских территорий Алтайского края со стороны федеральных и региональных органов государственной власти необходимо формирование специфической управленческой стратегии, сочетающей инструменты, во-первых, комплексного подхода к сельской молодежи как территориально-демографической группе населения региона с особым социальным положением, во-вторых, дифференцированного подхода к самой сельской молодежи, акцентирующего внимание на положение наиболее неблагоприятных молодых селян.